...ская Социалистическая Федеративная Советская Республика.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь.

Революция и Война

Военно-научный журнал.

Сборник четвертый и пятый.

Издание управления военно-учебных заведений западного фронта.

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ОТДЕЛ.

1921.

Типография издательского отдела УВУЗЗАПА.

Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Революция и Война

Военно-научный журнал.

Сборник четвертый и пятый.

Издание управления военно-учебных заведений западного фронта.
Издательский отдел.

1921.

Типография издательского отдела УВУЗЗАПА.

СОДЕРЖАНИЕ:

Ф. Огородников.

Занятия с командным составом.

Революция сразу поставила перед Красной Армией очень трудную задачу—подготовку нового командного состава.

Нельзя сравнивать в этом отношении условия, которые возникли в эпоху Великой Французской Революции, когда по состоянию военной техники управление войсками было несравненно проще, чем теперь, когда далеко не требовалось такого обучения, как ныне, и когда, в довершение всего, молодые республиканские войска со своей новой тактикой при старом оружии столкнулись с отжившими формами старой тактики, которые, как бы ждали лишь хорошего толчка, чтобы окончательно разрушиться.

Нашей Красной Армии пришлось вступить в борьбу с противниками, которые продолжали оставаться во всеоружии современной техники, не обнаруживая других признаков органической слабости, кроме. . . политических.

Не мудрено, что наука красного командира оказалась в самых трудных условиях.

Первые годы Революции прошли в непрерывной борьбе, в которой некогда было заниматься рациональными способами подготовки командного состава.

Но вот наступили для этого более благоприятные времена и явилась возможность сосредоточить все внимание на важном вопросе подготовки комсостава, от разрешения которого зависит все будущее Красной Армии.

Из центра уже последовал ряд указаний, была сделана поверка занятий в войсках инспектором пехоты с особой комиссией.

На фронте подготовке комсостава уделяется в настоящее время исключительное внимание. Поэтому вполне своевременно обменяться по этому вопросу мыслями и опытом, чтобы осветить его и дать с самого начала верное направление. При этом необходимо постараться не только не повторять ошибок прошлого, но найти новые пути и способы, которые соответствовали бы новой обстановке и новым условиям.

В статье «Подготовка командного состава в Красной Армии» во втором сборнике «Революция и Война» проводилась преимущественно только одна основная мысль о том, что фронт не должен ожидать готовых красных командиров «с тыла», но должен сам, как можно скорее, приняться за эту работу; при этом было указано на разницу положения в этом отношении между старой армией,—где еще можно было «приказать» ввести тактические занятия, устраивать для этой цели сборы начальников, полевые поездки и военные игры,—и новой Красной Армией, где одних самых настойчивых требований и поверок еще очень недостаточно; нужно инструктировать, обучать, дать руководителей, пособия, словом,—организовать все дело от самого основания.

Теперь мы попробуем поделиться дальнейшими мыслями по этому поводу, а также и результатами первых опытов, которые уже сделаны на фронте.

Общая система подготовки комсостава на зап-фронте.

Приказами по фронту сделан уже ряд распоряжений об учреждении младших повторительных курсов для подготовки комсостава при штабах бригад, дивизий и армий и высших повторительных курсов при штабе фронта.

Общая задача этих курсов каждой ступени двойная, а именно: 1) укрепить и усовершенствовать подготовку красных командиров соответствующей ступени для наибольшего соответствия занимаемой должности, 2) подготовить их, по возможности, к должностям следующей высшей командной ступени.

Соответственно этому бригадные курсы назначаются для низшего комсостава, т. е. для отделенных и помощников ком-

взводов, а дивизионные—для комвзводов и помощников командиров рот.

Дальше было предположено иметь армейские курсы для командиров рот и баталионов и высшие курсы при штабе фронта для командиров полков, командиров бригад и начальников дивизий. Но затем, для начала дела, остановились на решении учредить армейские курсы только для ротных командиров, подготовку же баталионных командиров оставить при высших повторительных курсах, при штабе фронта, где она уже началась в силу обстоятельств, кои будут указаны ниже. Для ускорения подготовки ротных командиров решено—открыть курсы не только при штабе армии, но и при некоторых штабах дивизий, где это окажется возможным.

Состав курсов каждой из поименованных ступеней от 150 до 250 чел.

Срок обучения первоначально был установлен в 4 недели, а затем увеличен до 8 недель, т. е. до 2-х месяцев.

Что же касается до занятий с высшим комсоставом, т. е. с командирами полков и бригад и с начальниками дивизий, то для них решено учредить особые 4-х недельные сборы при высших повторительных курсах, которые должны состоять из военной игры и ряда сообщений и докладов, как особо назначенных лекторов, так и самих участников сборов.

Когда курсы будут окончательно налажены, программы планы и вообще требования будут окончательно разработаны, то имеется в виду установить общим правилом, чтобы лица командного состава неудовлетворяющие известным требованиям не выдвигались бы в мирное время на высшие должности до нового испытания.

Для того, чтобы дать широкую возможность выдвинуться на высшие командные должности, тем лицам, которые удовлетворяют всем требованиям по своим личным и служебным качествам и по своему боевому опыту, но в то же время не имеют специальной военной подготовки, как например,—военные комиссары, или имеют настолько слабую подготовку, что нельзя расчитывать на ее усовершенствование в короткое время,—решено установить командировки их на более продолжительные. 6-ти месячные курсы для строевых начальников,

которые имеются в составе высших об'единенных курсов при штабе запфронта.*)

Наконец, лица с подготовкой недостаточной даже для исполнения должности взводных командиров, подлежат командированию на общие курсы для подготовки красных командиров, состоящие в ведении Главного Управления Военно-Учебных Заведений.

Пока весь этот порядок подготовки комсостава еще не успел наладиться, придется делать от него разного рода отступления, но можно расчитывать, что со временем он принесет свою пользу и поставит на более определенные основания самое выдвижение на высшие должности, чтобы избежать ошибок и недостатков, которые ныне существуют в Красной Армии.

В общем, как видно из изложенного, повторительные курсы в Красной Армии на западном фронте преследуют те же цели, как и разного рода занятия с офицерами и начальниками в старой армии. Но в старой армии они лежали всецело и *лично* на заботах строевых начальников, существовали под видом различных тактических занятий, показных учений, полевых поездок и военных игр, без точно и определенно выработанных программ и планов занятий, и не имели определенного служебного значения для обучаемых в смысле их дальнейшего повышения по службе.

При новой системе эти недостатки будут более или менее устранены или, во всяком случае, ослаблены.

К тому же, в старой армии еще можно было как-нибудь расчитывать на какую-нибудь общность взглядов, на распространение, более или менее, правильных и определенных приемов обучения, на необходимые для этого пособия, на достаточную подготовку руководителей. В молодой Красной Армии на это нельзя расчитывать, а потому надо создавать, хотя бы на первое время, особые аппараты обучения, центры и рассадники однообразных и правильных взглядов и приемов, что и является ближайшей, общей целью повторительных курсов для комсостава, имеющих характер прежних сборов для занятий с начальниками, но в связи с постоянной, определенной организацией.

*) Кроме курсов для строевых начальников в состав высших об'единенных курсов (Овывкузап) входят: курсы связи, военно-инженерные и другие; все они состоят в ведении одновременно штаба фронта и Гл. Управления В.-Учебных Заведений (Гувуз).

Кроме организации курсов для той же цели поверки и усовершенствования подготовки принят ряд и других мер, а именно:

1) Командированы поверочные комиссии из представителей инспекций разных родов войск для поверки и инструктирования занятий в армиях, дивизиях, бригадах и полках, как на курсах, так и в частях войск, причем перед отправлением члены комиссии были подробно инструктированы председателем общей комиссии, в которую они были собраны инспектором пехоты Запфронта; был произведен целый ряд показных учений на ящиках с песком при 21-х пех. курсах в Смоленске, а затем военная игра на высших повторительных курсах.

2) По распоряжению командующего фронтом частью составлены и отпечатаны, частью составляются практические руководства для занятий с баталионными и ротными командирами и с нисшим комсоставом, в виде сборников задач на картах и на местности, с необходимыми об'яснениями и толкованиями на соответствующие статьи уставов. Составление руководств для взводных и ротных командиров поручено инспектору пехоты; руководство для баталионных командиров (для армейских курсов) уже составлено при высших повторительных курсах Штазапа издано в количестве 5000 экземпляров издательским отделом Управления Военно-Учебных Заведений Запфронта и рассылается; вместе с ними рассылается ряд небольших руководств, составленных при тех же высших повторительных курсах по части походных движений, сторожевой службы, наступательного и оборонительного боя роты, наступательного боя полка, а также руководств для занятий на ящиках с песком и т. п.

3) Для облегчения организации занятий в частях войск и пользования пособиями, которые издаются издательским отделом Увуззапа, в штабы и войсковые части разосланы карты одной и той же местности в масштабе 3 вер., 2 вер., 1 вер. и 250 саж. в дюйме, на которых разрабатываются задачи на высших повторительных курсах. Эта мера одновременно облегчает издательскую работу, избавляя от необходимости прикладывать к пособиям планы и чертежи, которые слишком трудно изготовлять при современных условиях.

Высшие повторительные курсы. Чтобы дать более ясную картину того, что делается на фронте для подготовки комсо-

става, как именно начинается эта работа, полезно привести несколько более подробные сведения о высших повторительных курсах при штабе фронта, которые на первое время обратились в центральный пункт, с которого работа должна последовательно распространиться на армии и дивизии.

Эти курсы были образованы на основании того приказа по фронту об учреждении повторительных курсов, о котором уже было упомянуто выше.

В настоящее время на курсах обучаются около 60 человек комбатов, помощников комполков и комполков.

Курс занятий еще не окончен, но он уже дает возможность высказать некоторые общие наблюдения, а также наметить и те основания, на которых эти занятия должны, казалось бы, развиваться в дальнейшем будущем.

Наблюдения следующие:

1) Всего на курсы прибыло 86 курсантов, из них 26 откомандировано—по слишком слабой подготовке, недостатку развития, малограмотности или несерьезному отношению к занятиям, на курсы с более длительным сроком обучения.

2) Оставшиеся курсанты относятся к делу серьезно и усердно; подготовка их, как общая, так и военная, не одинакова, но все они с боевым опытом. Из 56 курсантов—24 со средним образованием; по военной подготовке: 10 из бывших военных училищ, 23 из окончивших школы прапорщиков, 4— из окончивших курсы комсостава и 17 из прошедших курс учебной команды.

С этим разнообразием общей и военной подготовки необходимо считаться при организации занятий, подразделении на классы и партии и т. п.

Более существенный недостаток подготовки заключается в неумении остановиться на правильном решении, в неумении обдумать и обосновать его, в стремлении заменить решение шаблоном, или уставными правилами и формами, и, в то же время, в незнании иногда самых элементарных требований устава и неумении применить их на деле.

На ряду с этим выступает другой, не менее существенный недостаток, который можно назвать привычкой к известной форме решения, не вдумываясь, почему эти формы иногда могут, а иногда не могут применяться.

Последнее относится к формам походных движений, расположения на отдых, охранения и боя, как они применялись в период гражданских войн и войны с Польшей.

Как известно, в этих войнах приходилось постоянно иметь дело с боевыми единицами слабой численности, что обусловливало определенные приемы действий: для других приемов, которые могут понадобиться при наличности частей близких к штатному составу, не было практики, а потому и приемы эти не только подверглись забвению, но возбуждают в некоторых курсантах соменние в своей надобности, или пригодности.

Подобным же образом постоянная практика в движении полковыми колоннами на широком фронте, как вблизи, так и вдали от противника, что вызывалось с одной стороны, отсутствием сведений о противнике и стремлением «занять весь свой фронт, чтобы он не зашел в тыл», с другой стороны, самоснабжением при недостатке и полном отсутствии подвоза, —вытеснило, мало по малу, самую мысль о степени целесообразности и обеспеченности таких движений во всех случаях.

Привычка иметь при себе, вплотную, весь обоз первого разряда с частью обоза второго разряда, вызвала постоянное распределение этих обозов между баталионами, даже в тех случаях, когда с полком идет артиллерия, которая оказывается в таком разе позади повозок первого и даже второго разряда.

Привычка начинать стрельбу и даже движение в атаку с очень далеких расстояний затмила все приемы наступательного и оборонительного боев и т. д.

Наконец, еще один из крупнейших недостатков в подготовке заключается в неумении распорядиться конными частями и в полном непонимании артиллерийских задач. С орудиями „привыкли“ обращаться как с пулеметами, или вообще с орудиями ближнего боя. Техника артиллерийского огня очень мало знакома или вовсе незнакома.

По карте в начале разбирались не все; многие весьма важные подробности на карте, необходимые для решения, ускользали от внимания курсантов, а потому и применение к местности на карте, или оценка местности для данного решения, оказывалась неточной, или ошибочной.

Изложенные выше недостатки в подготовке с самого начала привели к тому, что намеченную программу и план заня-

тий, приноровленные к подготовке компполков, пришлось изменить.

Понадобилось, так сказать, приблизиться на две ступени, т. е. не только ограничиться на первое время (до испытания курсантов) тактикой баталиона, но заняться действиями роты, заставы и дозора, а также элементарными сведениями по топографии; соответственно с этим первоначальные занятия пришлось вести, не только на картах, которые для одной и той же местности имелись в масштабах 3 вер., 2 вер., 1 вер. и 250 саж. в дюйме, но на ящиках с песком. Такое расширение программы „вниз“, соединенное с запоздалым прибытием курсантов, с различными недоразумениями в исполнении приказа о их командировании, неизбежными при первой командировке и т. п., вызвало увеличение срока занятий с 6 недель, как было предположено, до 8.

Затем, чтобы соединить прохождение ротных учений в одно стройное целое с планом занятий для баталионных командиров, были организованы показные ротные учения на ящике с песком для комбатов, как для руководителей такими занятиями в частях войск.

Общее руководство этой подготовкой комбатов в качестве руководителей принял на себя непосредственно инспектор пехоты запфронта, что дало полную возможность провести в этих занятиях единство взглядов, требований, наставлений и указаний уже об'явленных по фронту.

Планы и программы занятий. По сути дела вся подготовка командного состава должна преследовать двойную цель: подготовку *командования*, т. е. управления частями в бою, и подготовку *руководства для ведения занятий в частях войск* в мирное и военное время.

Но провести обе эти задачи во всей полноте, одновременно, в короткий срок, с тем малоподготовленным составом курсантов, на который выше указано, было бы слишком затруднительно.

Поэтому намечено пока с наличными курсантами—командирами пройти указанный курс *методики военного обучения* лишь в самом необходимом размере, насколько это безусловно обязательно для баталионного командира, в об'еме ротных учений (как выше указано), а также взводных учений и одиночного обучения, преимущественно путем показных учений на ящике

с песком и на местности, с частями войск обозначенными или действительными.

По установленному на ближайшее время плану занятий на методику военного обучения отведено в неделю 8 часов, из которых 4 предназначены для занятий на ящике с песком, а 4 для практических занятий с войсковыми частями. Часть этого времени уделяется, в зависимости от потребности, на об'яснение основных задач и методов обучения.

Программа обучения имеет в виду усвоение целесообразной и живой организации, а также практических приемов обучения для достижения по крайней мере минимальных результатов по следующим отделам:

1) Основы военного воспитания по уставам: общему, внутренней и гарнизонной службы и дисциплинарному.

2) Подготовительные к стрельбе упражнения.

3) Ориентировка на местности и глазомерное определение расстояний.

4) Гимнастика без машин и полевая гимнастика, простейшие виды спорта и физических игр.

5) Штыковой бой и массовая атака.

6) Обучение рассыпному строю, в соединении с простейшими стрелковыми задачами.

7) Обучение сторожевой службе на месте и на походе.

8) Обучение разведывательной службе и наблюдению за противником.

9) Обучение службе связи: наряд посыльных, парные посты для связи в бою, цепочки на походе, маяки, осведомители; пользование телефоном и его охранение.

10) Самоокапывание.

11) Организация тактических взводных и ротных учений на разные случаи боя.

12) Организация боевых стрельб на местности.

Методы собственно строевого обучения проходятся попутно с производством тактических учений и других занятий, на которых и заканчивается отдел методики обучения.

Что же касается подготовки к командованию и управлению частями в боевой обстановке, то их составляют следующие предметы, с указанием числа часов в неделю по плану занятий на ближайшее время:

1) Беседы по тактике пехоты в связи с другими родами войск.	6	часов.
2) Задачи по тактике	6	"
3) Политическая грамотность.	4	"
4) Организация войск, военное хозяйство и делопроизводство	4	час.
5) Тактика артиллерии	3	"
6) Тактика конницы	2	"
7) Основы тактики в связи со стратег. .	2	"
8) Устройство тыла	2	"
9) Основы военного дела, общий устав, дисциплина, общие обязанности начальника.	2	час.
10) Обязанности начальников на отдыхе, на походе и в бою по полевому и строевому уставам.	2	час.
11) Понятие о штабной службе, служба связи; составление приказаний и донесений	2	час.
12) Примеры из истории текущей гражданской войны.	5	час.
Всего. .	40	часов.

В соединении с 8 часами на методику военного обучения, это составляет 48 часов в неделю.

По расписанию назначается: 7 академических часов (по 40 мин.) от 10 до 17 часов, с перерывом в один час. 20 мин. на обед и три таких же часа вечером от 7 час. 30 мин. до 9 час. 50 мин.; все часы с 10 минутным перерывом.

Всего 10 часов в день или 60 часов в неделю.

Таким образом, по плану занятий остается 12 свободных часов в запасе для занятий по политическому развитию, для разбора примеров из гражданской войны и для периодических лекций и сообщений по предметам: военное значение железных дорог, применение авиации, применение бронемашин и танков, военная гигиена, география и статистика.

Часть того же времени, а также часть внеурочного времени отводится для показа приемов гимнастики и простейших видов спорта.

По мере развития занятий имеется в виду усилить занятия по методике военного обучения и по докладу военно-исторических примеров из гражданской войны за счет других предметов.

Занятия закончить военной игрой и испытанием по главным предметам.

Общее обозрение изложенного плана занятий может, по первому взгляду, произвести впечатление слишком широких задач и чрезмерного количества предметов, в особенности, приняв в расчет недостатки общей и военной подготовки курсантов и недостаток времени.

Задача поставлена трудная. Этого отрицать нельзя. Но относительно условий ее исполнения надо принять в расчет некоторые обстоятельства, которые могут ускользнуть от внимания при первоначальном подходе к делу.

Теоретическая подготовка курсантов недостаточная, но они имеют немалый боевой опыт, что и надо иметь в виду.

Этот опыт, правда, не имел теоретических основ, но это не умаляет его значения. Передать эти основы человеку, который знаком с делом на практике, несомненно легче, чем даже и более развитому, но который учился только по книге. Курсанты много видели и испытали, быть может, не отдавая себе отчета в значении того, что они делали или что делалось кругом их. Приведите в систему их впечатления, подведите теоретическую основу под их познания, и вы получите убеждение в возможности достигнуть, если и не совершенных, то все же достаточно успешных результатов.

Количество и разнообразие предметов также находит для себя известные оправдания. Боевой опыт курсантов, быть может, не был очень глубок, но он несомненно был широк и разнообразен. С людьми, которые имеют подобный опыт, нельзя ограничиваться узкими рамками в обучении, иначе не только этот опыт не будет использован, но именно он, этот опыт, глубокий, или неглубокий, заставит отнестись носителей его с недоверием к преподаваемой теории, во всяком случае—ослабит усердие и внимание. Между тем, основная и элементарная задача педагогики лежит в том, чтобы возбуждать и поддерживать внимание, как основу самодеятельности, вдумчивости и активного участия к преподаваемым знаниям.

Недостаток развития для некоторой части курсантов также не должен служить препятствием к известной широте программы и разнообразию предметов. Неумение напрягать мысль само по себе еще не может служить доказательством неспособности к этому напряжению. Умение зависит от упражнения. Без упражнения не может возникнуть и умение.

Недостатку практики в этом отношении не мало способствовала служба на низших командных должностях, или даже в «нижних чинах» старой армии, в которой многие курсанты проделали основательный стаж. Служба на командных должностях в Красной Армии также недостаточно благоприятствовала в этом отношении. Многое совершалось, так сказать, стихийным порядком. Распоряжения старших начальников часто были ошибочны и, в тоже время, не давали свободы в рассуждении. Нередко складывались такие положения, когда никакие размышления не могли помочь, да и не было на них времени; положение спасало выдающееся мужество, или счастливая случайность.

К тому же, если всмотреться в программу занятий, то нельзя не заметить, что в ней, кроме политической грамотности, в сущности 5 крупных предметов: во первых,—тактика с уставами, во вторых,—то, что подразумевалось прежде под «военной администрацией», в третьих—методика военного обучения, в четвертых—стратегия и в пятых,—знакомство с современной техникой.

Из этих предметов, пожалуй, одна только стратегия может возбудить кое у кого сомнение в своей необходимости и доступности для понимания слушателей. Но эти сомнения должны рассеяться во первых,—при воспоминании о прошлой Европейской войне, когда неудачи много зависили именно от недостатка распространения стратегических понятий, а во-вторых,—при ближайшем знакомстве с гражданской войной и войной с Польшей, в которых тактика так тесно связывалась со стратегией, что их трудно было-бы разделить. Некоторых может испугать самое слово (стратегия). Но назовите стратегию тактикой театра войны, или района военных действий, и страхи должны успокоиться.

Другое, более существенное возражение на программу и план занятий может исходить из соображений о недостатке времени. Автору этих строк уже приходилось слышать заме-

чания, что для выполнения такой програмы нужно не два месяца, а два года, но на это можно ответить следующее.

Надо иметь в виду, что высшие повторительные курсы при штабе фронта, как и другие, подобные им курсы имеют задачей *периодические сборы начальников.* Тот командный состав, который обучается в них в течение двух месяцев, через несколько времени должен снова в них возвратиться, если, конечно, дозволят обстоятельства.

Едва начиная такое большое, сложное дело, как поверка и усовершенствование подготовки комсостава на фронте, нельзя сразу создать готовый план для всех курсов, с точным расчетом, через какие периоды и в каком количестве, а также с каких должностей будет прибывать командный состав для занятий.

С самого начала с высшими повторительными курсами при штабе фронта произошло недоразумение в том, что штабы и войсковые части командировали на них в значительном числе такой комсостав, который по общему плану надо было командировать на армейские и даже дивизионные курсы. Дело, несомненно, не обойдется без трений и недоразумений и в дальнейшем будущем. Но в большом деле перед этими недоразумениями нельзя останавливаться. На новые курсы надо смотреть, прежде всего, как на первый серьезный опыт, как на разсадник требований и указаний для дальнейшей, более планомерной работы, а потому и программы или планы занятий надо составлять именно с этой точки зрения.

Характерным указанием именно на такое первоначальное значение курсов может служить только-что законченная военная игра.

Эту игру было намечено по плану занятий произвести в конце их. Но потребовалось ознакомить с организацией военной игры и с теми важнейшими вопросами, на которые нужно обращать внимание при ее разборе, членов комиссии, назначенных для инструктирования и поверки занятий в войсках. И вот—планы были нарушены и игра была организована: члены поверочных комиссий несли в ней обязанности посредников, курсанты были исполнителями. Такое нарушение плана имело бы существенные невыгоды, если бы план был уже выработан и утвержден, в связи с планами занятий на других курсах, со сроками выпусков и т. п. Но до такой степени этот план еще не созрел. Между тем, военная игра принесла

несомненно большую пользу, как для общей постановки дела на фронте, так и для занятий на курсах: она сблизила преподавателей с курсантами, указала на главнейшие типичные ошибки в решениях, вызвала работу мысли, подняла интерес к занятиям.

В подкрепление приведенных выше доводов, в пользу возможности значительного усовершенствования в подготовке красных командиров даже и при коротких поверочных сборах, надо отметить, что военная игра удалась даже сверх ожидания. Ошибок было много, но их надо приписать не столько неспособности курсантов, или их невниманию, сколько недостаткам той „школы", той военной практики в которой они воспитались, как в старой, так и в новой, Красной Армии.

Основы преподавания. Вдаваться в дальнейшие подробности по каждому предмету было бы излишне, а потому мы остановимся лишь на общих основах преподавания, в частности же коснемся только двух главнейших предметов: тактики с уставами и политической грамотности.

Главнейшие из основ преподавания уже были затронуты в предыдущем изложении, но мы сделаем здесь сводку для большей ясности. Эти основы по нашему мнению следующие:

1) Не задаваться сразу преподаванием какой-либо цельной теории по учебникам, но принять в расчет запросы и ошибки действительности, а также ознакомиться со слушателями, (как говорится, „с аудиторией") и в особенности с их боевым опытом. Теорию проводить настолько, чтобы привести в систему отрывочные сведения в разных областях военного дела, дополнить их, в чем необходимо, об'яснить уже имеющийся опыт, указать на причины ошибок и на способы их исправления.

Только при таком способе теория получит авторитет в глазах слушателей и принесет в более короткий срок практическую пользу.

2) Все преподование теории должно быть не только связано с соответствующей практикой, но должно все время неразрывно сопровождаться этой практикой, служить необходимым об'яснением или разбором; лекций об отвлеченных понятиях надо избегать; излагая теоретические основы непременно сопровождать с изложением одного цельного примера или ряда примеров.

3) Хотя знание известных основ или указаний устава и других официальных положений составляет одну из важнейших обязанностей каждого начальника, но в короткий срок изучить и запомнить все подобные требования и указания едва ли возможно: важно отделить обще-обязательное и существенное от второстепенного и изменчивого, а в особенности *уметь во время найти необходимую справку*, что и надо иметь в виду при преподавании различных отделов военной подготовки, в особенности же уставов, положений о письмоводстве и отчетности и т. п.

4) Важнейший отдел подготовки составляет не сумма необходимых знаний, но умение приложить их на деле, умение разбираться в требованиях задачи и обстановки, *быстро ориентироваться и принимать решение, а затем энергично отдавать распоряжения и следить за их исполнением;* в этом— главнейшие обязанности каждого начальника; это именно и надо иметь в виду при подготовке начальников всех степеней. Поэтому надо постоянно развивать эту способность *решаться и распоряжаться*, что достижимо только *на задачах*.

5) Во всех отделах подготовки надо считаться с недостатками подготовки и времени, а потому излагать все предметы в простых формах и выражениях, прибегая, где возможно, к наглядным способам преподавания, на таблицах и чертежах большого масштаба; кроме того постоянно обращать внимание на *выработку речи*, военного языка и, в особенности, на *грамотность* письменного изложения.

6) С другой стороны, не надо упускать из вида, что бороться с недостатками общего развития и образования одними указанными в п. 5 способами нельзя; можно держаться этих способов и все же не достигать желаемых результатов, если останавливаться слишком долго на мелочах, не выходить из узких рамок изучения какого-нибудь одного отдела, вдаваться в педантизм, и т. п.

Чтобы добиться правильной речи, а за ней и грамотности и привлечь внимание самих курсантов к этим их недостаткам, надо, насколько позволяют время и средства, расширять их кругозор, дополнять их образование.

В этом отношении не следует смешивать чрезмерной теории, т. е. продолжительного изложения отвлеченных понятий или просто слишком пространных толкований без показа на

примерах,—с расширением кругозора на новых фактах и явлениях, будь то из области военно-исторических примеров, технических усовершенствований, или из другой области, близкой военному делу.

Вот почему, между прочим, в число предметов введена география, которая не только расширяет кругозор в буквальном смысле этого слова, но дает возможность и даже вызывает необходимость сообщения целого ряда интересных и нужных сведений из области статистики, политической экономии, политики, социологии и пр., и, в тоже время, имеет тесную связь с военным делом.

Для приложения на деле всех этих основ преподавания необходимы, в особенности, два условия:

Первое—достаточное число хорошо подготовленных и притом постоянных *руководителей;*

Второе—достаточное число необходимых *пособий.*

Ни руководителей, ни пособий, вполне готовых для современных потребностей, в достаточном числе не имеется; нужна большая работа, чтобы подготовить руководителей и разработать пособия, а когда дело только-что начинается, то здесь именно и лежит *главная часть работы, от успеха которой зависит все дальнейшее.*

Трудно, конечно, в одно и тоже время вести занятия, подготовлять руководителей и составлять пособия. Однако, это возможно, как показывает опыт высш. повтор. курсов. Надо лишь известным образом организовать дело, чтобы работа в одном из указанных направлений подталкивала работу в двух остальных.

На высш. повтор. курсах на подготовку руководителей для тактических занятий в течение двух недель затрачивалось ежедневно по 2—3 часа, потом в течение недели из 4-х часов практических занятий—первый час предназначался на общие указания для руководителей и курсантов. Одновременно руководители занятий были привлечены к разработке задач для того пособия для занятий с баталионными командирами, которое теперь уже издано. С изданием этого и других пособий занятия с руководителями сократились.

Главный предмет занятий на курсах составляет тактика; на нее из 50 часов в неделю выделено по плану занятий на ближайшее время 25 часов, считая в том числе занятия: по

составлению приказаний и донесений, по примерам из истории войны, по авиации и по применению бронемашин.

Впоследствии это число часов намечено несколько сократить, чтобы усилить занятия по методике военного обучения, по стратегии и по некоторым другим предметам. Но пока на тактику уделяется половина времени.

В основу положена неотделимость тактики от общих (тактических) положений устава; все положения тактики подкрепляются, по возможности, ссылками на устав, а на уставные указания даются тактические толкования.

Общие (тактические) положения устава отдельно от тактики не проходятся, так как подобное зазубривание устава во всей последовательности его статей,—не достигает цели, но, как сказано выше, уставы проходятся по тактической программе, в связи с тактикой. Весь курс по тактике печатается, представляется по команде и рассылается в войска, чтобы принять во внимание могущие быть замечания и внести исправления. Таким способом может быть обеспечено необходимое единство взглядов. Почти весь курс проходится на примерах и задачах.

Целью подготовки поставлены: быстрая ориентировка, понимание задачи и быстрое решение в различной обстановке на карте и на местности.

Для занятий на карте имеются карты всех масштабов, от 10 вер. до 250 саж. в дюйме, кроме того сделан для значительного участка местности план 25 саж. в дюйме, как пособие для занятий на ящиках с песком. Для занятий на местности подготовлена карта окрестностей Смоленска. К сожалению, эта карта (1 вер. в дюйме) вычерчена в штрихах, без отметок высот. Поэтому пришлось вычерчивать ее в горизонталях, увеличивать до масштаба 250 саж. в дюйме и нанести затем, хотя бы приблизительно, отметку высот.

Чтобы указанное выше об'единение общих уставных положений с тактикой не казалось из'ятием устава из числа преподаваемых предметов, необходимо подчеркнуть, что согласно плану занятий отводится особое время для основ военного воспитания по уставам общему, внутренней и гарнизонной службы и дисциплинарному, а также для обязанностей начальников на отдыхе, на походе и в бою по полевому и строевому уставам. Для этого рода занятий не отводится много времени по той причине, что для них разработано пособие со всеми ссылками

на уставы, которое требует лишь некоторых дополнений и раз'яснений, усвоение же уставных требований поверяется на испытаниях.

Занятия по политической грамоте ведет комиссар курсов. По плану на эти занятия уделено лишь 4 часа, но имеются еще свободные часы в распоряжении комиссара для той же цели. Администрация курсов обратилась к Смоленскому университету с просьбой прочесть в эти часы ряд лекций по рабочему вопросу, государственному праву, политической экономии и т. п.

Кроме того преподавание географии с некоторыми сведениями по статистике и политической экономии помимо других, указанных выше целей, введено также для того, чтобы дать сведения о материале для политического развития.

Такое же значение имеют и примеры из недавней войны.

Класс руководителей. Но надо заботиться не только о настоящем, но и о будущем, а также подготовлять руководителей для армейских, дивизионных и бригадных курсов. Поэтому при высш. повтор. курсах ныне открывается особый „класс руководителей".

Этот класс вызвала к жизни насущная потребность курсов, которые, как и следовало ожидать, не могли воспользоваться для преподавания сотрудниками военных управлений: служебные обязанности последних препятствуют отдаваться преподаванию в той мере, как этого требует интенсивная работа на курсах, связанная с особой подготовкой самих преподавателей. Помимо того необходимо было создать кадр одинаково подготовленных руководителей для командиров в войсках.

Первоначальная мысль заключалась в том, чтобы не отрывая от прямого дела командного состава, воспользоваться для этой цели такими лицами, которые по состоянию здоровья, по утомлению, или по другим причинам не могут с успехом нести обязанности строевых начальников, но по своим способностям могут исполнять обязанности руководителей тактическими занятиями на карте и на местности.

Но по началу вышло, как водится, недоразумение: были вызваны вообще пригодные для обязанностей руководителей, с должностей не ниже батальонного командира.

Возможно, что по этой именно причине кандидатов руководителей прибыло пока немного, но по своему, не только восп-

ному, но и общеобразовательному цензу прибыли кандидаты с достаточным стажем.

С ними намечены следующие занятия:

1) Доклады о занятиях в войсках, по месту службы, как с командным составом, так и с войсковыми частями, командами и красноармейцами по всем отделам обучения, с разборами этих докладов.

2) Ознакомление со всеми положениями, наставлениями, руководящими приказами и проч. по части подготовки комсостава и занятий в войсках.

3) Ознакомление с курсом высш. повтор. курсов по имеющимся пособиям и особые испытания по этому курсу.

4) Участие во всех занятиях по методике военного обучения на ряду с курсантами.

5) Участие в составлении описания военной игры, которая была произведена на курсах.

6) Практические занятия с курсантами под наблюдением руководителей.

7) Разработка эпизодов из гражданской войны и из войны с Польшей для доклада курсантам, как примеров по стратегии и тактике.

Условия дальнейшего успеха. Из изложенного в этой статье видно, что подготовке комсостава на фронте уделяется уже большое внимание, работа есть, но она только еще начинается. Нужно напречь все силы, чтобы дело не заглохло или не обратилось в рутину.

Высшие повтор. курсы пока еще не получили действительно высшего командного состава, а пополнились, главным образом, комбатами и помощниками командиров полков. Таким образом, они пока выполняют дело армейских курсов, но зато работа этих последних курсов будет значительно облегчена. Они получают не только готовые пособия, но готовые методы занятий.

Но в дальнейшем необходимо отдельно установить известный процент командировок на курсы компобков, комбригов и начдивов, по спискам, в определенной очереди.

Одновременно надо устремить внимание вниз, в сторону дивизионных и бригадных курсов, проверить подготовку руко-

водителей, разработать программу и планы занятий, что в настоящее время уже отчасти сделано, отчасти делается.

Затем надо провести также для армейских, дивизионных и бригадных школ очередь командировок и пр.

Затем для дальнейшего успеха столь важного дела, как быстрая подготовка комсостава, в самых широких размерах, необходимо дальнейшее расширение и углубление к нему внимания со всех сторон. Это внимание уже направлено сверху по линии высшего военного начальства, но нужно еще: во первых, чтобы сами войсковые начальники, штабы и войска поняли всю, прямо неизмеримую, важность этого вопроса и отозвались на него быстро, всеми способами, устраняя и предупреждая всякое недоразумение, облегчая работу; во-вторых,—чтобы даже и гражданские, местные учреждения получили в этом смысле необходимые указания и чинили не затруднения, например, в смысле помещения и т. п., но содействие во всех возможных отношенаях, чтобы не было, например, такого случая, как в Смоленске, где сперва представители жилищного отдела явились на высш. повтор. курсы для осмотра здания с громким заявлением, что теперь война окончена, а потому военные школы не нужны, а потом жилищный отдел просил распоряжения Реввоенсовета фронта о спешном очищении помещения для более удобного размещения совнархоза; для курсов предложили 28 комнат, разбросанных по всему городу.

Другое важное условие заключается в основах общего управления подготовкой командного состава. Вполне очевидно, что все управление должно быть об'единено нераздельно не только в одних руках, но в особом органе для его ведения.

Таким органом может служить пока только управление военно-учебных заведений фронта (У.В.У.З.З.), но оно имеет другие функции и двойное подчинение Реввоенсовету фронта и Гувуз'у.

Между тем, курсы для поверки подготовки комсостава, т. е. чисто-войсковые курсы, не могут быть причислены к учебным заведениям. Занятия на них должны находиться в нераздельной связи с войсковым обучением, т. е. занятиями в войсках, которые не могут касаться управления учебными заведениями, которое ведет долгосрочные (типовые) курсы и военные училища.

Временно за У. В. У. З. зап. фронта можно сохранить значение технического аппарата для передачи распоряжений, но распорядительный орган должен быть другой, с исключительным подчинением фронту, т. е. войсковому начальству.

Наконец, для дальнейшего развития подготовки комсостава необходимы значительные средства и определенные штаты. Вопрос о штатах в настоящее время очень труден, но так как краткосрочные сборы начальников предполагают, тем не менее, некоторую постоянную организацию, то штаты необходимы.

Особенно необходим, по крайней мере на некоторое время, до надлежащей поверки и подготовки строевого комсостава, особый кадр постоянных руководителей.

Если даже предположить, что высш. повтор. курсам при штабе фронта удастся подготовить достаточный кадр руководителей, то во-первых на это потребуется время, а во-вторых для этих руководителей, так или иначе, надо иметь штатные места. Снимать их со штатных должностей в командировку неудобно, да и не всегда возможно. Кроме руководителей занятий на курсах потребуются без сомнения и другие должностные лица. Часть их можно будет иметь в командировке, но не всех. Необходимо этот вопрос основательно разработать, а также получить возможно скорее отзывы армий, дивизий и бригад об их нуждах и предположениях в указанном отношении.

* * *

На этом можно было бы закончить изложение, но приходится сказать несколько слов на разбор тов. *Петровским* моей статьи „*Подготовка командного состава для Красной Армии*“ (во втором сборнике „Революция и Война“) в заметке, помещенной в оффициальном органе Гувуз'а „Военное Знание“ (№ 11/19). На мои указания, что Гувуз, не имеющий или не имевший в своем распоряжении ни достаточного числа подготовленных руководителей, ни пособий, ни даже курсантов, не может помочь фронту, т. е. войскам в повторительных занятиях с комсоставом, т. *Петровский* отвечает общими местами, которые ничего не доказывают и не опровергают.

Зато в заметке имеется ряд нападок на меня лично, причем мне приписываются такие выводы и слова, которых я не писал.

Так, т. *Петровский* утверждает, что не понимая сущности наглядно—лабораторного метода, я хочу навсегда изгнать теорию, считая ее роскошью для „неотесанных рабочих и крестьян", что я „тоскую по старом юнкере" и приписываю кастовую спесь неповинным в этом рабоче-крестьянским командирам и т. п.

Что такое излюбленный т. *Петровским* „лабораторный метод", которым, по его выражению, „полируют мозги", я действительно не понимаю и, вероятно, никогда не пойму. Такими мудреными словами, как рекламой, обыкновенно прикрывается недостаток серьезной работы. Я никогда и нигде не писал о „неотесанных рабочих", не выражал предпочтения старому юнкеру и не приписывал кастовой спеси красным командирам.

Что я понимаю под увлечением теорией, которое было и в старой армии, раз'яснено в настоящей статье. По той-же статье читатель найдет, вероятно, и подходящую оценку для других обвинений тов. *Петровского*.

Как видно, будучи раздражен моей статьей, тов. *Петровский* не ознакомился с ней, многого не понял, а предпочел все свести к личным нападкам. Я же развивать дальнейшую полемику в таком роде, по такому серьезному делу, как подготовка командного состава, не считаю возможным.

В. Чернавин.

Из опыта трехлетней войны.

Опыт почти трехлетней героической борьбы Красной Армии на различных фронтах Советской Республики, дал целый ряд очень ценных результатов в смысле применения новых методов войны с одной стороны, и с другой—вызвал ряд вопросов касающихся, как строительства Армии, так и обучения и снаряжения Армии всем необходимым.

Война 1918—1920 годов по способу ее ведения существено отличается от прошлой войны 1914—1916 г. Принципы такого различного ведения войны зависят: 1) от причин Государственно-политических и 2) от общего положения страны. Второй пункт оказал огромное влияние на вопросы снабжения Армии и в частности—техническими средствами, которые имеют огромное значение.

I. По стратегии и тактике.

(Общие положения).

Принципы позиционного периода, утвердившиеся к концу мировой войны, в настоящей войне оказались совершенно неприменимыми, и в случае их применения, кроме вреда ничего не приносят, даже при обороне. Современная война носит характер полевой маневренной войны с широким применением технических средств: (бронепоездов, бронеотрядов, танков и аэропланов). Сильная растянутость фронта, особенно при оборонительной войне, заставила совершенно отказаться от приемов старой окопной войны, вызвала занятие участков групповым расположением на вероятнейших путях наступления, тактических ключах и сосредоточения крупных сил, (ре-

зервов) на стратегических путях и важных административных центрах. Групповое расположение частей при оборонительной войне должно приобрести господствующее значение при настоящих условиях—растянутости фронта и малочисленности частей.

Благодаря такому занятию участка, от создания сплошных, сильно укрепленных позиций нужно отказаться совсем. Вся инженерная подготовка должна состоять в создании отдельных укрепленных позиций, прикрывавших административные и промышленные центры, важнейшие пути переправы через естественные водные преграды, которые в сущности и являются теми рубежами, на которых задерживаются наши части. Примером—р.р. Березина, Буг, Неман, Свислочь.

Огромная растянутость фронта, особенно при обороне групповым способом, давала возможность обхода флангов и исключала всякую мысль о применении способов старой окопной войны. Растянутость фронта иногда достигала огромных размеров. Так, в апреле—июне месяцах 1920 г. 6-я бригада 2-й стр. дивизии занимала на Пыталовском направлении участок около 50 верст силою менее 500 штыков. 22-я бригада 8-й стр. дивизии занимала на Могилевском направлении участок в 95 верст, имея около 800 штыков и 150 сабель. При таких условиях, самое слово, «боевая линия» не имела никакого реального значения. Стойкость частей также оказывала мало значения, так как всегда, противник, оперируя довольно крупными силами от 300 до 1000 человек, действовал в обход, свободно переходил в ближайший тыл, захватывая артиллерию, а иногда и штабы бригад (на Бобруйском участке так был взят в плен штаб 23-й бригады). Примером, что стойкость частей не имеет решающего значения при растянутости фронта и малочисленности частей, служит бой 16-го и 17-го полков 6-й бригады 2-й стр. дивизии, на р. Синей 13-го июня 1920 года, где, несмотря на оказанное противнику упорное сопротивление, части должны были отойти, так как фланги оказались обойденными. Подвод резервов, при растянутости фронта, также не всегда может принести существенное значение из-за дальности расстояния. Разумеется, указанная обстановка бывает не всегда. Во многих случаях, напр., в боях под Варшавой, наш фронт был значительно гуще. Но, тем не ме-

нее, никогда он не получал такой-же плотности, как в старую войну. Промежутки оставались всегда.

Отсюда наиболее существенным условием успеха в современной войне является прочное удержание инициативы в своих руках, что немыслимо без проявления решительности, уверенности в успехе и быстроты маневрирования. Эти условия всегда обеспечивали нам успех. Так, 1-го Августа с/г. в бою за переправу через реку Десна у д. Клейники, на подступах к крепости Брест—Литовск, 18-й стр. полк (командполка *Линдин*), несмотря на обход его с трех сторон подавляющими силами противника, решительно продолжал наступление и энергичным ударом отбросил противника к югу, чем обеспечил общий успех. Наоборот, всякая нерешительность приводит нас к весьма печальным результатам. 20-го Августа при отходе армии от Варшавы в район м. Нур, на р. Буг сосредоточились 21-я, 27-я, 17-я и 2-я дивизии. Эти 4 дивизии представляли собой серьезную боевую силу и могли бы в значительной степени облегчить тяжелое положение 3-й и 4-й армий, отходивших между Бугом и Восточной Пруссией, если бы они ударили с севера во фланг наступающему на Бельск противнику. Но вместо этого смелого и решительного маневра, дивизии, без особого давления со стороны противника, отошли на север, вследствии чего противник отрезал дорогу нашим частям 4-й армии. Слово „обход“, несмотря на слишком двухлетний опыт маневренной войны, еще слишком пугает некоторых начальников, все еще не сознавших, что быстрота и решительность маневра в современной войне обеспечивает верный успех. Наряду с проявлением решительности и инициативы, при современной растянутости фронта, первостепенное значение приобретает оперирование достаточно крупными стратегическими резервами. Последние наши неудачи под Варшавой и последовавший затем отход 17-го Августа, главным образом, об'ясняется отсутствием необходимых стратегических резервов, вследствии чего прорыв фронта в одном месте поставил в критическое положение всю армию. С другой стороны, отсутствие стратегического резерва, как показал опыт, весьма часто лишает возможности развить достигнутый успех. Так например: 15-го Декабря 1919 года в бою под дер. Вязки 6-ая бригада 2-ой дивизии форсировала р. Нареву и быстро распространилась к северу, угрожая отрезать тыловые пути противнику, обороняющему гор. Нарву. Данная

задача была бы обязательно выполнена, еслиб своевременно был брошен для развития успеха незначительный резерв. Но такового не было и, вследствие этого, блестящая операция не была развита, так как измотанные полки бригады не могли преодолеть дальнейшего упорного сопротивления всех резервов Эстонской и Северо-Западной Армии Юденича. Попытка повторить ту-же операцию 17-го Декабря более крупными силами успеха не имела, так как момент был упущен.

4-го Августа 1920 года, после предварительной тщательной разведки противника, 80-я бригада 27-й стр. дивизии, в бою за Буг, взяла сильный естественный оборонительный рубеж реки Буга и был захвачен плацдарм для маневра на западном берегу реки. Однако, противник, будучи вынужден отступить от Буга, не только не подвергся уничтожению, но даже не понес более или менее чувствительного ослабления своих сил, так как в решительную минуту преследования противника бригада оказалась без резерва и артиллерии (не имелось снарядов, а у соседей положение было не лучше) и противник отступил, сдав сильный оборонительный рубеж, но сохранив живую силу.

Оперирование относительно крупными стратегическими резервами, вытекающее из маневренного характера войны, предполагает полную согласованность в действиях отдельных частей. В этом отношении много поучительного дает также последняя Варшавская операция. В боях с 13-го по 15-е Августа в районе Варшавской жел. дор. (у ст. Волона) создалась крайне характерная обстановка: в то время, как части 2-ой и 17-й дивизий развивали операцию в Северо-Западном направлении, 27-я дивизия, избрав операционным направлением Варшавскую жел. дор., перерезала участок 2-й и 17-й дивизий, взяв укрепленные форты Туров и Оссов. Но этот успех никакого реального значения не имел, так как согласованность действий остальных дивизий совершенно отсутствовала, в результате чего дивизии, спутав свои расграничительные линии, сбились в одном направлении и успех 27-й стр. дивизии был очень быстро ликвидирован противником. Наши же части должны были в течение 2-х дней разбираться в своих участках.

В связи с преобладанием маневра в современной войне исключительно важное, небывалое в течение последней мировой войны, значение получили в настоящее время конные мас-

сы. Бросаемая для развития успеха в образовавшийся прорыв и, действующая на пути сообщения противника, конница в состоянии довести всякий более или менее значительный успех до полного разгрома противника. Не менее важную роль она может сыграть и при отступлении, освещая на широком пространстве окружающую местность и прикрывая отход главных сил. Отсутствие конницы во 2-й дивизии, не раз сказывалось с отрицательной стороны во время операции. Так напр., после форсирования 6-й бригадой реки Березины в Бобруйском районе 9-го и 10 Июля 1920 года, важная узловая станция Осиповичи могла бы быть занята кавалериею гораздо быстрее, чем это могла сделать пехота, вследствие чего была упущена возможность захвата богатых трофеев и нанесение отступающему противнику сокрушительного удара. Сравнивая наступательное движение 2-й дивизии с другими в которых имелись кавалерийские полки, приходится констатировать, что 2-я дивизия находилась в невероятно трудных условиях в мысле освещения местности впереди и, главным образом, на флангах, так как пехота не в состоянии была освещать местность для быстро наступающих частей, и дивизии приходилось или идти очень медленно, или-же идти в слепую.

Растянутость современных фронтов, весьма частое отсутствие не только огневой, но даже зрительной связи между соседями и огневого соприкосновения с противником, поставили во весь рост вопрос о наилучшей организации разведывательной службы и вызвали создание нового разведывательного аппарата, функции которого изложены в недавно вышедшем специальном „Наставлении“. Ввиду исключительной важности разведки, желательна дальнейшая разработка методов разведывательного дела. Опыт показывает, что это важное дело далеко не стоит на должной высоте. Зачастую мы имеем настолько скудные и ограниченные сведения о противнике, что они ни в каком случае не могут служить для оперативных целей. Питаясь в большинстве случаев разного рода слухами и „показаниями местных жителей“, наши начальники, разумеется, лишены возможности правильно учесть группировку сил противника, так как эти показания не проверяются войсковой разведкой. Таковая до сих пор не налажена, главным образом, из—за отсутствия технически подготовленных разведчиков и опытных руководителей. В этом отношении необходима широкая организация

обучения и подготовки разведчиков не только в смысле открытия разных курсов, но в особенности работа в частях, путем инструктирования и присылки опытных руководителей разведчиков. Часто строевые начальники пренебрегают разведкой и не выполняют §§ 74 и 75 Полевого Устава; так напр., 20 Июня 1920 года 81-я бригада 27-й стр. дивизии заняла район дер. Стволовичи. Начальник дивизии тов. Путна, получив сведение о массовом движении отступающих эшелонов противника вдоль линии железной дороги из станции Барановичи на Слоним, приказал комбригу 31-й двинуть один полк на подводах из Стволовичи на дер. Лехозва—Тартак—Скобелевский лагерь, перерезать путь отступления противника и, по выполнении задачи, отойти обратно к Лехозва, так как д. д. Тартак и Скобелевский лагерь находились в районе наступления 8-й стр. дивизии. Был выслан 242-й Волжский полк, который, прибыв в Тартак, узнал, что деревня уже занята кавалерийским полком 8-й стр. дивизии. Полк вследствие этого остался на подводах в 50—60 саж. от тракта Барановичи—Слоним, а командир полка выехал в дер. Тартак, чтобы выяснить обстановку и двинуться в обратный путь. Не успел он переговорить с командиром кавполка, как по деревне, с восточной ее стороны, был открыт пулеметный огонь. Командир кавалерийского полка занял деревню, не выслав разведки. Кавалерийский полк в панике разбежался, а командир 242-го полка оказался отрезанным от своей части. Храбрый полк, видя бегство кавалерии и безвыходное положение своего командира полка, с криком „ура" бросился на противника и опрокинул его.

Далее практика современной войны вновь подняла важное значение применения уставных форм при маршах-маневрах. Всякое незнание или же пренебрежение требований полевого и строевого уставов немедленно получает свое возмездие, как это указывает выше приведенный пример. Отсюда возникает необходимость самого тщательного соблюдения всеми начальниками уставных требований и, вместе с тем, вытекает потребность отрешиться от шаблонных приемов старой окопной войны. Наконец, необходимо указать еще на одну задачу, выдвигаемую условиями современной войны—это борьба с танками, бронепоездами и другими усовершенствованными орудиями современной военной техники. Указанная задача специально подлежит компетенции артиллеристов. Опыт показывает, что при

удачном применении артиллерии, эти новые орудия войны не смогут нанести серьезного вреда. „Страшные танки Юденича" весьма быстро скрывались при артиллерийском обстреле. Под Брест—Литовском 6-я легкая батарея удачным попаданием в вагон со снарядами взорвала бронепоезд противника. В боях у ст. Воломин 16—17 и 18 Августа 1920 года противником было введено в бой три бронепоезда с легкой и тяжелой артиллерией и пулеметами, подвергавшими наши наступавшие части чрезвычайно сильному обстрелу. Для борьбы с ними с нашей стороны были выдвинуты две легкие и одна тяжелая батарея. Недостаток снарядов у тяжелой батареи вынуждал вводить ее в действие лишь тогда, когда бронепоезда были отчетливо видны, для обстрела же по площадям снарядов не хватало. Огонь легких батарей не оказывался действительным для бронепоездов. Этим обстоятельством пользовался противник, препятствуя нашему продвижению (наступлению).

В ночь с 16-го на 17-ое августа, противник, после ураганного огня бронепоездов, продолжавшегося не менее 45 минут, перешел в наступление на 11-й полк 2-й стр. дивизии, т. е. ударив в тыл 2-й и 17-й дивизий.

Доблестные стрелки 11-го стр. полка, пролежав во время артогня в своих одиночных окопах, встретили затем наступающие густые цепи противника ружейным и пулеметным огнем. Когда противник, не смотря на наш огонь, приблизился к окопам, занимаемым 11-м стр. полком, последний перешел в контр-атаку. В кровопролитном бою враг, понесший крупные потери, был отбит только благодаря исключительной доблести стрелков, так как батареи при малом наличии снарядов не в состоянии были бороться с бронепоездами противника. В результате боя, противник увел два бронепоезда на Ново—Минское направление, где использовал их с большим для себя успехом. К сожалению, подобные успешные действия нашей артиллерии пока еще довольно редки, как это показывает последний пример. Поэтому задача борьбы с новыми орудиями военной техники должна быть разрешена в наилучшем смысле и в кратчайший срок.

Таким образом,из разсмотрения данных опыта современной войны,надо придти к следующим выводам: 1) Исключительная важность решительности и быстроты маневрирований, 2) групповое расположение занятой позиции при обороне и полный

отказ от вытягивания войск в тонкую линию, 3) необходимость выделения стратегических и тактических резервов, 4) согласованность действий, как необходимое требование современной войны (но часто, к сожалению, не исполняется), 5) важное значение конницы, 6) настоятельная необходимость наилучшей организации разведывательной службы и подготовки опытных разведчиков, 7) не пренебрегать, а изучать и строго применять статьи полевого устава на практике, как приобретенные „потом и кровью солдата“ и 8) организация и выработка лучших методов борьбы со всеми новейшими орудиями военной техники.

2. Управление войсками.

Исключительная важность проявления инициативы и решительности в современном бою требует предоставления каждому начальнику полной самостоятельности „в пределах поставленной ему задачи“. Крайне нежелательна отдача приказаний со стороны старшего начальника отдельным частям, или заблаговременное указание о той или иной группировке, что иногда наблюдалось; так напр., начальник 27-й дивизии часто получал приказание из 16-й армии выслать N бригаду туда-то; как будто начальник дивизии по обстановке не знает которую бригаду ему лучше выделить! Такие приемы управления разумеется ограничивали самостоятельность младшего начальника, который, зная лучше обстановку и условия местности, может скорее найти лучший способ выполнения поставленной задачи. Необходимо также указать, что основы полевого устава должны быть признаны фундаментом. Во время наступательных операций в Июле и Августе месяцах сильно грешили против § 21 этого устава: войскам ставились задачи явно не выполнимые по расчетам времени и места. Наприм., 3 Июля, во время операций под Бобруйском, 4-й бригаде 2-й стр. дивизии ставилась задача перегруппировать полки и сейчас-же переходить в наступление. Бригада была растянута на 30 верст и полку, находящемуся в резерве, приходилось совершать марш в 50 верст и сейчас-же наступать дальше для преследования отступающего противника. При нашем подходе к реке Буг, части 8-й дивизии должны были сделать переход из м. Каменец-Литовск в район д. д. Вольямовичи—Рудавец—Разовичи, т. е. 40—42 версты. Части пришли в указанный район в 4 часа, причем ночью же начали производить рекогносцировку реки, каковая и была

закончена к утру, между тем, в 6 часов утра был получен приказ по дивизии, коим приказывалось не позже 7 часов того-же дня форсировать реку Буг; таким образом, когда еще не была закончена рекогносцировка, на подготовку и устройство переправ дано было лишь один час, что не выполнимо по расчету времени. 80-я бригада 227-й стр. дивизии при своем отступлении на Буг в течение 35 часов прошла 80 верст. Много было случаев, когда приказы давались с опозданием и, несмотря на это, указывалось к исходу дня бригадам перейти туда-то, причем переходы давались 35—40 верст; вследствие этого, войскам приходилось двигаться ночью, чтобы выполнить приказ, а на следующее утро получался новый приказ, коим вновь указывалось к исходу дня перейти на 40 верст и, таким образом, войска двигались без остановок, что вызывало более 50% отставших и больных с натертыми ногами, излишнее изматывание частей, которые, вследствие своей утомленности, становились небоеспособными. При той быстроте продвижения вперед, какая была развита во время июльского и августовского наступления, очень часто были случаи, когда связь наступающих войск со старшими начальниками прерывалась на весьма продолжительное время. Бригады еще имели связь с полками, так как последние в большинстве случаев двигались по одной дороге, но держать техническую связь дивизии с бригадами, идущими по трем дорогам, было совершенно невозможно. Приходилось связь тянуть для какой—нибудь одной бригады, двигающейся по главной дороге, устраивать при ней сборный пункт донесений, но и это не всегда давало положительные результаты, так как в бригадах не хватало конных для связи с полками и для доставки донесений на сборный пункт. Посты летучей почты, организованные на крестьянских подводах, давали только отрицательные результаты, благодаря изнуренности лошадей, и донесения, посылаемые этим путем, хронически запаздывали. По той-же причине пешая разведка не могла быть полная, а конницы 2-я дивизия не имела, вследствие чего приходилось натыкатся на ряд неожиданностей; так под Слуцком 4-я бригада атаковала противника, не зная ни силы, ни точного расположения его, а во время отступления у дер. Болы, что 20 в. восточнее м. Сураж, колоннами, бригада попала под артиллерийский и пулеметный огонь противника на расстоянии 500 шагов, так как авангард бри-

гады был пропущен противником безнаказанно. При таком быстром наступлении отдел снабжения не имел возможности догнать своих частей. Вот что пишет командир 79-й бригады 27-й стр. дивизии в своей реляции от 31-го Июля: „Нужда в патронах особенно острая. Одолжались взаимообразно патроны у 80-й бригады и у соседней бригады 55-й дивизии. Довольствия хлебом люди не получают с 14-го Июля, заменяя его картофелем и яблоками, получая их из покинутых поместий панов".

Начальник 27-й дивизий, за все операции, ни разу не был ориентирован о положении в соседних частях, что противоречит ст. ст. 42-й и 582 Полевого Устава.

С 1-го по 7 е августа, когда 27-я стр. дивизия оперировала на р. Буг, начдив 27, с целью обеспечить свои части огнеприпасами, распорядился выслать в г. Слоним (200 верст, от расположения дивизии) весь имеющийся в его распоряжении обоз. Однако, какой-то отдел 16-й армии все огнеприпасы с обозом перехватил, не уведомив об этом начдива. Аналогично происходило и с довольствием: дивизионный промежуточный склад распоряжением разных уполномоченных из армии переименовался в армейский летучий транспорт, а начдив 27 об этом не был поставлен в известность. Такое нарушение статьи 14 Полевого устава может привести к тяжелым последствиям.

3. Марши — маневры — походные движения.

В этой области опыт войны показал необходимость придерживаться уставных норм длины перехода (20—25 верст), так как переходы свыше указанных норм ведут к потере боеспособности войск, как это указано в предыдущих статьях. Касаясь вопроса о маневрировании, следует отметить, что, хотя наша армия доказала свое искусство маневрировать, но все же наши утомительные и смелые маневры не давали должных результатов, так как почти всегда приходилось иметь дело с противником располагающим техническими способами передвижения (подводы, автомобили, дессанты с бронепоездов); это заставляет поставить вопрос о применении и в нашей армии таких-же средств. Частичная переброска частей на подводах применяется и у нас, но необходимо развить ее шире, поскольку позволяют

средства, а главное следует использовать систему дессантов с бронепоездов, столь удачно применяемую противником.

4. Виды боя.

А) Наступательный бой. Наступательный бой требует быстроты действий и стремительности удара, с производством заблаговременной разведки противника. Что касается приемов, то главным из них является нанесение решительного удара противнику на определенном пункте с одновременным прикованием противника (демонстрацией) на остальном участке. Войска разделяются на три группы: первая, мощная группа предназначается для нанесения удара, вторая назначается для демонстрации, численность ее должна быть минимальная, и третья группа — резерв, предназначается для предотвращения всяких неожиданностей или для развития успеха, причем для последнего назначения желательно иметь кавалерию. Что касается артиллерии, то ее задачей в наступательном бою является, главным образом, моральное воздействие на противника и особенно борьба с техническими средствами (бронепоездами, бронемашинами и артиллерией) противника. Артиллерийская подготовка, если только она будет вестись, должна быть интенсивной, но короткой — 15—20 минут. Под прикрытием артогня пехота быстро продвигается к позиции противника, после чего по установленному сигналу артиллерия переносит огонь по тылам противника, а пехота стремительно бросается в атаку и далее ведет преследование противника. Проведенные по этой схеме бои были особенно удачны. Так напр., бой под Александровской Горкой в ноябре 1919 г., где 11 батальонов 2-й дивизии были распределены следующим образом: 6 батальонов наносили главный удар, 2 батальона демонстрировали и 3 были в резерве. В операции под Брест-Литовском 1 и 2 августа 1920 года из имеющихся 6 батальонов 6-й бригады удар наносили 4 батальона, 1 батальон служил прикрытием правого фланга и 1 оставался в резерве. В результате такой группировки сил, несмотря на фланговое движение, операция имела успех и закончилась взятием сильно укрепленных фортов и захватом трофей.

При развитии наступательной операции и преследования противника необходимо не допускать медлительности. Как толь-

ко нанесен удар, необходимо немедленно перейти к энергичному преследованию противника. Высылка дозоров, разведок в данном случае не должна практиковаться, так как она приводит к отрицательным результатам. Напр., 12-го Июля 1920 года, при преследовании противника в районе дер. Дружны 16-м полком, вместо того, чтобы после атаки начать преследование противника, была выслана небольшая разведка, которая сумела внести панику в ряды противника, но захватить его не смогла и таким образом удобный случай захватить отступающего противника был упущен. Как при наступательном движении, так и в бою крупных соединений—дивизии и армии, является крайней необходимостью иметь более сильные резервы, что доказано при двухкратном наступлении. Во время первого форсирования реки Березины 8-й дивизией и движения дивизии на гор. Игумен, задача была решена сперва правильно, были пущены 2 бригады—22-я и 24-я; успех первых двух дней опьянил и 23-я бригада также была брошена в передовую линию и, быстро развив успех, заняла гор. Игумен, но в это время противник перебросил свежие силы со ст. Смолевичи на автомобилях и, ударив по правому флангу 22-й бригады, одновременно с этим перебросил крупные силы на Осиповичи вм. Богушевичи и начал теснить 24-ую бригаду; резервов в это время не было в распоряжении начдива 8, а также таковые не прибывали из Армии.

Таким образом, блестяще начатая операция свелась к нулю и крупным потерям, так как 23-й бригаде пришлось отходить все время под фланговыми ударами противника. Отсутствие крупных стратегических резервов со всей очевидностью сказалось во все время наших боев на подступах к Варшаве и нашего отхода.

Б) Оборонительный бой. Сущность обороны в настоящую войну, при той растянутости фронта и малочисленности частей, какие до сего времени существовали, свелась по вполне доказанным и проверенным опытам, к следующим основным принципам:

1) Оборона ведется при посредстве групповых расположений частей, с выделением возможно сильных участковых и общих резервов, 2) выставление в сторону противника сторожевого охранения, 3) заполнение разведкой пространства между

нашими частями и противником, 4) резервы должны располагаться на вероятных путях наступления противника и за стыками участков и должны иметь непосредственное сторожевое охранение, 5) оборона участка не связывается с отстаиванием тех или иных определенных населенных пунктов, 6) ликвидация налета противника и прорывов производится действиями резервов из глубины и с флангов, а также действиями соседей, что имеет важное значение, 7) оборона участка сосредоточивается на основной оборонительной линии, первая же линия служит для того, чтобы задержать противника, заставив его развернуть свои силы и выяснить направление его удара, 8) громадное значение имеет быстрота переброски резервов.

Примером, доказывающим правильность высказанных положений, служат все бои 1919—1920 г. на р. Березине и на Пыталовском участке. Относительно группового расположения войск имеются руководящие приказы, но желательно указание разработать более детально и внести в устав полевой службы.

В) Отступательный бой. Как уже не раз указывалось, наши войска отлично подготовляются к наступательным действиям, в то же время являются совершенно неприготовленными к отступательным,—между тем это крупное упущение, так как отступательные действия более сложны, требуют большого напряжения, большой выдержки и большой дисциплины.

Основными принципами отступательного боя должны быть следующие: 1) Не допускать паники, 2) Устранять растерянность, каковая наблюдается при отступлении, и боязнь перед обходящим противником. В полевой войне последний рискует не менее, чем обойденный, 3) При движении вперед не упускать из виду возможности обхода или прорыва, 4) В приказах о наступлении, на ряду с задачей наступательной, не бояться указывать тыловые и оборонительные линии и тыловые пути, 5) Необходимо стремиться к тому, чтобы отход был планомерный и спокойный. Если общая обстановка не вызывает необходимости оторваться от противника сразу, то практика доказала, что следует задерживаться на всяких естественных рубежах, дабы дать возможность уйти нашим обозам, 6) Практика отступательных боев показывает, что наиболее целесообразным способом является отход сосредоточенными

группами достаточной силы, для отражения ударов обходящего противника, а при окружении—действие всеми силами, соединенными в одну группу, способную прорвать кольцо противника. Примером служит отход 2-й дивизии из под Варшавы, которая, применив этот способ, вышла вся и вывела свою артиллерию, 7) Необходимо, наконец, подчеркнуть колоссальное значение умелого использования кавалерии при отступательных боях.

Разработка тактики отступательного боя составляет ближайшую очередную задачу, для внесения выработанных методов в Полевой Устав, так как последний дает в этом смысле очень мало указаний.

Г) Встречный бой. Этот вид боя ничем не отличается от тех основ, которые изложены в Полевом Уставе, а практика нового ничего не дала. Надо констатировать, что встречных боев было немного и в большинстве случаев для нас неудачных, что об'ясняется малой подготовленностью младшего комсостава, не умевшего сразу ориентироваться и проявлять своей инициативы, как это требует Устав Полевой службы, § 598 п. п. 4 и 5.

Д) Партизанские действия. Партизанские отряды противника, действовавшие в период нашего отступления, не представляли собой организованной силы, способной вступить в борьбу с нашими частями. В большинстве случаев эти отряды или партии не превышали 10—15 человек и решались нападать лишь на отставших красноармейцев или отдельные подводы. Более или менее сильные колонны партизан решались обстреливать только издали и этим вреда никакого не приносили. Достаточно было выслать фланговый дозор или раз'езд, состоящий из 4—5 всадников, чтобы заставить партизанский отряд исчезнуть. Лишь при подходе 2-й дивизии к р. Буг, во фланг колонны вышел значительный отряд, силою до ста человек, с целью отрезать переправу у м. Нур. Рота в 50 штыков, выделенная для борьбы с ним, успешно справилась со своей задачей: достаточно было трех залпов—партизанский отряд ушел и держался на значительном расстоянии во все время прохождения колонны. Обоз 27-й дивизии был обстрелян партизанами и произвел замешательство вследствие того, что было мало прикрытия.

Такиц образом, партизаны представляли опасность для обозов, следующих без прикрытия, или для мелких частей, панически настроенных. Для частей же, идущих с мерами охранения, партизаны не страшнее надоедливо жужжащей мухи.

5. Вопросы организации.

А) Тактические единицы. Существующее деление тактических единиц на 3—вполне соответствует требованиям действительности и отвечает потребностям маневренной войны; но, к сожалению, малочисленность настоящего состава полков никогда не позволяет развернуть их до трех батальонов. При настоящей структуре армий, наиболее удобным является доведение полков до тысячного состава штыков, дабы иметь возможность развернуть полк в 3 батальона. При таких условиях полк в боевом отношении будет представлять достаточно гибкую, подвижную и в то же время сильную единицу.

В связи с вопросом о наилучшей тактической организации армии, необходимо указать на пополнение специальных команд боевого и вспомогательного назначения: пулеметной, разведчиков, связи и саперной. Первая из названных команд должна быть доведена по меньшей мере до 18 пулеметов. Требование это основывается на том, что при современной растянутости фронта подавляющая сила пулеметного огня может служить лучшим отражателем атак противника и заменить недостаток стрелков. Команды разведчиков должны содержаться всегда до полного штата, так как это вызывается особой важностью разведки. На ряду с пешей разведкой, должны организовываться команды конных разведчиков. Желательно также иметь бригадную конницу, силою хотя бы до одного эскадрона, для разведывательных целей. Командам разведчиков обязательно должны быть приданы автоматы или пулеметы легкого типа. Что же касается до учреждения в ротах команд ротных гренадер и разведчиков, то эту меру следует только приветствовать, но фактическое осуществление этой организации сопряжено в настоящее время с непреодолимыми трудностями, по причине недостатка людей.

Б) Административные единицы. В дивизиии Управление Интенданта является одним из главных нервов снабжения,

между тем, штат его состоит только из 8-ми ответственных работников, а именно: интенданта, двух помощников, двух сотрудников для поручений, двух делопроизводителей и одного журналиста. Настоятельно необходимо увеличить штат на 2 сотрудника для поручений, 1 делопроизводителя, 2 счетоводов и 6 переписчиков, по два на каждого делопроизводителя. Совершенно отсутствует в Управлении Снабжения транспортный отдел, а между тем подвоз предметов всякого рода довольствия и управление таковым является вопросом очень важным.

В период наступления на Варшаву, при головокружительном продвижении частей вперед, когда все органы продовольствия отстали, успех довольствия зависел исключительно от транспорта, но такового было недостаточно и части не удовлетворялись всем положенным. Отыскивание способов перевозки было одной из главных задач снабжения. Неисправность железных дорог заставляла перевозить гужевым порядком, а за недостатком штата обозов и транспорта—прибегать к мобилизации обывательских подвод. И вот, при использовании этих-то подвод не было совершенно никакой системы. Много частей и учреждений, могущих оставаться в тылу до восстановления железных дорог, захватывали подводы, иногда задерживая их без всякой надобности, а нужные части и учреждения, а также и груз оставались не перевезенными. Плохо обстояло дело и с учетом подвод на местах.

В) Пополнение и обучение. Для регулярного пополнения и содержания строевых частей в установленном составе, необходимо иметь в запасном батальоне дивизии достаточное число подготовленных для влития в части стрелков. По мере вливания их в части, незамедлительно должна быть налажена присылка нового укомплектования в запасный батальон. Без этой меры невозможно содержать полки в надлежащем составе. Наилучшим способом влития пополнений в части является тот, когда пополнения вливаются постепенно в среду старых красноармейцев и постепенно растворяются в них, проникаясь боевым духом старых стрелков; нужно избегать вливания, когда старый состав части будет почти весь выбит. Очень вредно вливание пополнений перед боем, каковые случаи имели часто место.

Переходя к обучению, приходится указать, что таковое далеко не налажено. Прибывающее пополнение поражает своей крайне слабой строевой, тактической и, в особенности, стрелковой подготовкой. Обучение на фронте затруднительно, так как части почти не выходят из боя, да и младший командный состав к тому не подготовлен. А потому должно быть обращено внимание и приложены все усилия к поднятию подготовки пополнения в тылу. Сам же по себе вопрос о подготовке комсостава также стоит очень остро. Большинство старых, испытанных командиров за период жестоких боев выбыло из строя. Прибывающие из тыла инструктора по своему составу принадлежат к трем группам: 1) Красные командиры, 2) Бывшие офицеры и 3) Лица, прошедшие боевой стаж и получившие звание командиров за боевые отличия, из числа солдат и унтерофицеров старой армии. Первая из названных групп в громадном большинстве отличается весьма слабой подготовкой и отсутствием боевого опыта. Не мало является из них таких, которые годились быть лишь непосредственными стрелками. Две последних группы стали в последнее время крайне редки, так как они, повидимому, уже израсходованы. Все это говорит за то, что на подготовку комсостава должно быть обращено самое серьезное внимание.

6. Снабжение войск.

Вопрос о снабжении войск, в период стремительного нашего наступления на Варшаву, обстоял до невозможности плохо. Части, оторвавшись от своих органов снабжения, теряли их на более или менее продолжительное время. Подвоз продовольствия, ввиду недостатка, а иногда полного отсутствия транспортных средств и неисправности железных дорог, был до крайности затруднителен, а благодаря этому части не удовлетворялись всем положенным. Отсутствие правильно организованного и функционирующего тыла сказалось с первых же дней после нашего перехода р. Березины в дальнейшем наступлении. Армия, можно сказать, двигалась без тыла, а это оказало громадное значение на весь ход операций.

Работа продкомов также не могла удовлетворить в полной мере, так как передовые органы их не успевали производить

заготовок параллельно продвигавшимся частям, а высшие органы опять таки были слишком далеко в тылу. Но все же надо сказать, что работа опродкомов сыграла очень важную роль и, по мере сил, выполнила свою задачу. Пользование местными средствами не дает положительных результатов и таким образом успешность снабжения армии всеми предметами довольствия зависит от правильного, регулярного поступления их из центральных органов снабжения.

Как показал опыт, более регулярное довольствие продвигающихся вперед частей может быть установлено через *летучки*, дивизионные и бригадные базы, а основные отделы и учреждения снабжения должны оставаться в тылу данного района (на конечной станции или на ближайшем расстоянии от таковой), имея связь с высшими органами снабжения, принимать меры к пополнению запасов, для своевременного выделения их в летучки и передачи войскам. Основные дивизионные и бригадные отделы снабжения, выдвигая летучки—дивизионные на расстояние 35 верст от хозяйственных органов строевых частей, а бригадные—20 верст,—должны выделять гибкие, полевые аппараты снабжения, которые, находясь в местах стоянок основных штабов могли бы следить за правильным разпределением предметов довольствия, работать в летучках и визировать требования частей войск. Для обслуживания дивизионных и бригадных летучек необходим транспорт не менее, как 700 лошадей. При наличии указанного транспорта, отдел снабжения будет иметь возможность содержать двух-трех дневный запас продовольствия в частях войск. Необходимо разрешить опродкомам*) и их уполномоченным, при прохождении войск по неприятельской территории, брать на учет склады, как военные, так и гражданские, и из их запасов удовлетворять потребность частей в табаке, сахаре, чае и мыле. Желательно, чтобы опродкомдивам отводился в тыловой полосе район 80—100 верст для постоянных заготовок, который бы менялся по мере продвижения частей, но с тем, чтобы достаточно было времени хорошо его использовать и тем самым создать в тылу достаточный запас продовольствия.

*) **Примеч. ред.** Такое право за опродкомами есть.

7. Инженерное дело и военная техника.

Маневренный характер текущей войны и чрезвычайная растянутость фронта сделали ненужным устройство укреплений по выработанному в германскую войну типу. В области окопных работ — громадное значение как было, так и осталось — самоокапывание пехоты. Вся инженерная подготовка позиции сводится к созданию отдельных укрепленных позиций, прикрывающих крупные центры, стратегические пути и важные переправы, на остальных участках инженерная подготовка сводится к созданию укрепленных узлов, с неукрепленными между ними промежутками. Сами узлы при этом должны иметь самостоятельную оборону со стороны, дабы была возможность гарнизону держаться до подхода резервов, в случае, если противник прорвется через неукрепленный промежуток в наше расположение. Правильность изложенного подтверждается тем, что старые германские позиции, представляющие чудеса фортификационной техники, и форты Брест-Литовска не спасли польскую армию от отступления, также как и мы не могли удержаться на таком прекрасном естественном рубеже, как река Буг.

Зато громадное значение осталось работам по исправлению путей сообщения и по устройству новых, а также сооружению мостов и проводке телефонно-телеграфных линий. Поэтому, главные военно-инженерные силы, специальные части, должны быть брошены на эти работы. Что же касается необходимого приспособления к обороне передовой линии позиций, то таковое вполне может быть выполнено саперными командами полков, при небольшой поддержке бригадных саперот.

Наша военная техника, по известным нам причинам, стоит ниже, чем у противника. Но здесь необходимо указать на одно важное техническое средство, отсутствие которого сильно отражается на управлении войсками, это средство — *связь*. Намеченная приказами Реввоенсовета Республики широкая организация связи не может быть проведена, если части не получат указанное число мотоциклетов, автомобилей, самокатов и достаточное количество телефонного имущества.

О тактике поляков*).

Огромные пространства, на которых польское командование принуждено оперировать со сравнительно малыми силами, выработали на Украйне особый способ ведения военных действий: это тактика, так сказать, партизанщины, производимая регулярными и технически превосходно вооруженными частями современной армии,—выступающими в редких случаях изолированно или более слабыми силами. Принцип «сосредоточения сил» проводится в жизнь всегда и решительно, при этом заметно стремление с численным и техническим перевесом сил ударить противнику не только во фланг, но и в тыл. Почти без достаточного флангового охранения, сосредоточенными силами, прорывают они наш фронт в одном месте, обыкновенно в стыке двух крупнейших частей, или на фланге целого участка и, не взирая на опасность с фланга и тыла, непоколебимо стремятся к достижению своей цели.

1. Примеры:

1. Налет 1, 5 и 7 польских полков на ст. Мироновку 1 июня 1920 г.

Общая обстановка на участке 44-й дивизии в ночь на 1/VI была следующая:

После местных наступательных действий на линии Кагарлык — Жидоставы — Житние Горы — ст. Ракитно: связь влево с 45-й дивизией по фронту—живая; вправо с дессантом Днепрофлотилии,—который согласно приказа по армии должен был наступать на м. Триполе — связи не восстановлено, так как дессант (выяснено после) отступил после боя с поль-

*) **Примечание редакции.** Настоящий очерк заимствован из доклада начальника штаба 132-й пластунской бригады. Выводы сделаны нач. штаба на основании его опыта, за время боевых действий в Галиции — ноябрь 1918 г.—июль 1919 г. и на Украине — март до августа 1920 г.

При чтении пользоваться картой 3 и 10 вер. в дюйме.

скими аэропланами вместе с флотилией в направлении на м. Трактомиров.—связь со штадивом 44—ст. Мироновка — живая.

Противник, желая уничтожить 44-ю дивизию, повидимому, группой в составе 1, 5 и 7 пехполков и 12 орудий (личное наблюдение комбрига 132, допрос пленных, показания подводчиков и жителей) вечером 1 июня обошел правый фланг 2-й Москбригады (причем на ст. Жидоставы демонстрировала незначительная группа кавалерии) и ударил из северо-западного и северного направления на м. Кагарлык. После двухчасового боя части 132-й бригады отступили на восточный берег р. Россава, куда однако противник дальше не наступал, а повернул на юг.

В ту же ночь, на подводах, все три полка противника рысью двинулись на ст. Мироновка с целью захватить штадив, который между тем был предупрежден двумя донесениями 132 бригады и держал наготове кавполк (90 сабель).

2 июня утром, после не очень продолжительного боя, противник занял ст. Мироновку, штадив же 44 перешел на ст. Корсунь; 132-я бригада в тылу противника двигалась на м. Козин; 2-я Москбригада начала движение на юго-восток в направлении за Днепр; 130-я и 131-я бригады стояли пока еще на месте, отбивали демонстративные наступления противника на своих фронтах.

Узнав обстановку на ст. Мироновка (при помощи разведки) комбриг 131 тов. Козько об'единил под своим командованием 131 и 130 полки и 3 бронепоезда на ст. Ракитно и решил пробиться в направлении на ст. Ольшаница.

2 июня, после занятия ст. Мироновка, противник начал поход на запад с видимою целью уничтожить остальные две бригады 44-й дивизии и вечером 2 июня главные силы поляков достигли с. Карапиши; группа тов. Козько — ст. и с. Ольшаница.

Утром 3 июня произошел встречный бой восточнее с. Ольшаница. После 10 часовой жестокой борьбы, противник был отброшен и отступил в беспорядке спешно на север, а после через с. Кагарлык обратно в исходное положение.

> Примечание: О численности и расположении наших частей, штабов и батарей пр—к был ориентирован очень хорошо; о снаряжении и наличии трех бронепоездов, (кажется) не знал.

После занятия м. Кагарлык, пр—к на отступившую на восточн. берег р. Россава 132 бригаду (180 штыков) не обратил никакого внимания и не преследовал ее, так как предполагал, что бригада отступила на юг.

При сражении под ст. Ольшаница решили бой в техническом отношении, батареи соединенных бригад (16 орудий) и артиллерия бронепоездов (8 орудий). В моральном отношении—озлобление кр—цев

на наглую операцию поляков. Пехота бросалась в атаку невоздержанно и охотно. Потеря со стороны пр—ка при этом сражении были значительные.

Польские солдаты и унтер-офицеры о цели и направлении операции не были ориентированы и работали нервозно, часто опасаясь противоудара Буденного.

II. Операция 1 и 5 польских полков на м. Колки.

Общая обстановка на участке по р. Стырь до 24 июля была следующая: части 44 дивизии укрепились после наступательной операции по восточному берегу р. Стырь от с. Куликовичи до с. Топульно включительно; связь вправо с частями 7 дивизии по фронту—живая, влево с частями 24 дивизии на ст. Клевань—живая.

Противник на этом участке вел оборонительные, но очень активные бои. Дабы не допустить предполагаемый удар 44 и 24 дивизий на ст. Рожище и разбить наши части, поляки провели следующую операцию: ночью на 24 июля переправились незаметно 1 и 5 пехотные полки и незначительное количество кавалерии со ст. Топульно на восточный берег р. Стырь и ударили на оперативный штаб 131 Таращанской бригады в с. Суск, причем одновременно демонстрировал пр—к и с западного берега против частей 131 бригады, находящихся на восточном берегу. Захватив одну батарею и часть оперштабрига 131, противник ударил в тыл полкам 131 бригады, часть взял в плен, часть отбросил, после чего укрепился западнее с. Суски.

131 бригада с очень значительными потерями отступила на ст. Тростянец.

Для восстановления утраченного положения из с. Тростянец в район с. Суск была направлена Башбригада, которая после перестрелки заняла с. Суск.

Утром 25 июля противник, успевший между тем подтянуть 2—3 батареи, налетел на Башбригаду, которую отбросил на Тростянец. 131 бригада перешла в район Журавиче, где начала приводить себя в порядок. По занятии с. Суск противник продолжал наступление на северо-восток.

Утром 26 июля противник ударил во фланг 130 Богунской бригаде в районе Колки, причем демонстрации его на западном берегу продолжались беспрерывно. После короткого, но жестокого боя, 130 Богунская бригада отошла на с. Горамовка. Наступление правофланговой группы противника на левый фланг 132 Пластунской бригады в районе с. Семки (вост. м. Колки)—отбито.

После занятия м. Колки, противник 25 июля построил мост через р. Стырь и в ночь на 27 июля переправился обратно на западный берег р. Буга.

Вечером 27 июля все части 44 дивизии стояли на позициях, занимаемых ими 23 июля.

Примечание: Командиром польской группы состоял не штаб-офицер, а обер-офицер (фамилия не выяснена).

Переправе поляков содействовали в ночь на 24 июля буря и дождь, отсутствие возможности у 131 бригады освещать весь вверенный ей участок (малочисленность штыков).

Движению противника содействовала пересеченная местность, леса.

Направление противника на м. Колки явилось полной неожиданностью. В дивизии существовало предположение, что противник производит глубокий налет в восточном направлении для обороны ст. Режица, после чего возвратится обратно на запад через с. Топульно.

Ход действий показал, что противник (агентурным путем) о силе и участке каждой боевой единицы 44 дивизии был ориентирован очень хорошо: он знал место стоянки всех штабов, знал разграничительные линии между бригадами, кроме этого пользовался местными проводниками и двигался лесками, незаметными дорогами.

По отношению к местным жителям противник выказал неосторожность: так, проводник знал точно номер части, с которой двигался, знал фамилию командира, количество штыков и пулеметов. На пропусках пр-к прикладывал очень четкие печати, которые после точно показали нам боесостав всей группы.

Цель операции была известна всем польским солдатам и почти всем проводникам.

Рядовые и унтер-офицеры противника работали спокойно, с уверенностью в успехе операции.

2. Наступление.

При определении величины размаха начатого польского наступления, а также намерений командования противника, мы успешно ориентировались следующими внешними признаками:

Когда наступление происходило после короткой, но сильной артиллерийской подготовки, когда пехота противника молниеносно занимала наши позиции и через прорыв двигалась дальше без малейшей остановки, когда со стороны противника появлялись эскадры летчиков и бронеавтомобили,—тогда с уверенностью можно было заключить, что происходит более крупная операция и противник вводит в действие силы не менее дивизии, или даже задумывает действия стратегического характера. Дальше, характерной чертой крупнейшей операции противника сказывалось обыкновенно, что противник больше действовал ручными гранатами или бомбометами, чем пулеметами, вводил в бой артиллерию, бронемашины, часто исключительно с целью морального воздействия. Вообще, при выполнении более значительных операций, польский генеральный штаб больше стремился действовать на психику, стараясь ошеломить, чем уничтожить наши части.

Если артиллерийская подготовка была мала, или даже совсем отсутствовала, если работали только пулеметы противника, а его пехота двигалась постепенно, выделяя фланговые охранения, если отдельные части на других участках демонстрировали,—тогда можно было определенно рассчитывать, что происходит операция местного характера с менее обширными целями, хотя бы она производилась на широком фронте.

В обоих случаях наступления, противник двигался волнами с далеко вперед выдвинутыми патрулями гренадеров. При исполнении крупных операций офицеры и солдаты более нервничают, чем при частных наступлениях и эта нервозность повышается по мере продвижения вперед.

Особый способ операции поляков—это налет, или как его называют поляки: „выпат" (вылазка). Налет—это самый верный признак, что противник, в общем, на данном участке переходит к обороне, которую и производит в активной форме. Если же такие вылазки следуют быстро одна за другой, то можно ожидать подготовку к более крупным действиям противника. (Львов—Пасха 1919 г., Чудно—Волынский—апрель 1920 г.).

3. Оборона.

В обороне поляки слабее, чем в наступлении. В общем, при отражении атаки действует больше твердая дисциплина польского солдата, боязнь перед своими офицерами, чем подлинная боевая подготовка и действительная устойчивость.

В случае прорыва польских позиций, части соседних участков редко отходят назад; напротив, именно со стороны этих участков противник обыкновенно переходит в контр-наступление: контр-атака со стороны фронта прорыва замечается редко. Противодействия противника, после совершившегося у него прорыва, следует ожидать немедленно, сейчас-же, а самое большое на следующее утро. Если оно не произойдет и в этот последний срок, то с уверенностью можно заключить, что противник пока контр-атаки не задумывает или не имеет лишних резервов. (Бучач—июнь 1919 г., Грубешов—август 1920 г.).

Более крупные польские части позволяют себя часто окружить в городах или укрепленных пунктах и, несмотря на это, продолжают обороняться. Командиры этих частей, повидимому, надеются на верную выручку другими частями. Особенно замечательным в этом отношении является генерал Вербецкий, начдив легионов 3-й дивизии.

Примеры: г. Бережаны в восточной Галиции—июнь 1919 г. Владимир—Волынский—август 1920 г.

Главным оружием при обороне поляков является не артиллерия, как у немцев, не минометы, как у итальянцев в мировой войне, а исключительно пулеметы. Всегда замечается стремление не только

окопаться, но и укрепиться техническими заграждениями. Даже при обороне, предполагаемой на короткий срок, противник обильно пользуется проволочными заграждениями. Правила мировой войны—укрепляться за реками, лощинами и болотами—противник строго придерживается.

4. Разведка.

Глубокой разведки воинскими частями—поляки не любят и редко ее производят. В последние месяцы польской войны со стороны противника первый раз только кавалерийская бригада производила глубокую разведку из района Замостье—Грабовец на г. Грубешов. Сами поляки избегают посылать маленькие кавалерийские отряды или мелкие пехотные части далеко вперед и предпочитают держать свои части в кулаке. Разведку в глубине противника поляки предоставляют охотно шпионам, агентам, польским крестьянам и „украинским патриотам" и агентурная разведка действительно дает противнику прекрасные результаты. Отсылаемым шпионам редко ставится задачей разведка нашего расположения, нашего укрепления и численности отдельных групп, чаще—обнаружение мест стоянки командования, стыков наших дивизий и бригад, эшелонов на одиночных станциях нашего тыла и очень часто получают шпионы задачу уничтожить или повредить наши телефонные провода.

Если польский командир все-таки вынужден повести глубокую разведку—он предпочитает разведку ударом и для этой цели отправляет более крупные кавалерийские или пехчасти, с задачей налета на определенную местность.

Ближняя разведка поляков поставлена хорошо. Как только войдут с нами в соприкосновение, перед нашими позициями являются многочисленные разведпартии, часто с пулеметами, всегда с ручными бомбами и ракетами, и в кратчайший срок дают своему командованию точную картину нашего расположения и укреплений.

Летчиками поляки пользуются реже для разведки, чаще, и опять таки целыми эскадрами, для нападения на отходящие обозы и обстрела пехоты во время более крупных операций. Пилот работает больше пулеметом, чем бомбами, больше прокламациями, чем пироксилином.

5. Охрана--сторожевая служба.

Заставы и дозоры обыкновенно слабые, но очень бдительные и никогда не спят. Авангарды и боковые охранения осторожные и внимательные. Самые мелкие заставы подпускают наши кавалерийские разъезды на ближайшее расстояние и открывают огонь в последний момент.

При вынужденном отступлении отходит колонна с пулеметами в полной боевой готовности, большей частью по канавам вдоль дороги, но никогда по шоссе, причем всегда принимаются всевозможные меры против налета кавалерии. Отступление 3-й дивизии легионеров из г. Владимира-Волынского прикрывал генерал Вербецкий следующим образом: колонна дивизии двигалась не по шоссе, а только по канаве и по полям левее шоссе; правее шоссе, по находившимся там окопам вдоль всей линии дороги, сопровождали колонну сначала один, а после—другой батальон 7-го полка, гуськом, длинной цепочкой с самым тщательным наблюдением за лесом в районе с. Пятыди, где в самом деле была в засаде кавалерия нашей бригады. Конечно, при таком охранении наш командир кавотряда не мог решиться на решительный удар во фланг отступательной колонне.

6. Связь.

Связь у противника стоит на должной высоте современной техники.

В общем и целом я вынес впечатление, что при происходящих прорывах и других крупных происшествиях, соответствующие моему положению командиры противника, даже при самой отдаленности места действий, скорее об этом узнавали и получали соответствующие указания, чем я. Каждая часть, начиная со взводов и выше, имеет специальных, только предназначенных для связи „бегунов“, называемых „лончниками“ и, кроме того, у батальонного командира 2—3, у командира полка около 10—12 конных „лончников“.

7. Офицерский корпус.

Молодые офицеры (запаса военного времени), до младшего штаб-офицера включительно, хороши. Наоборот, все старшее офицерство носит еще маску старого режима. Замечательно, что действиями 3-х полков на станции Мироновка руководил лично не начальник дивизии или бригады (последний остался в Василькове), а командование было поручено одному более младшему командиру полка. Также при прорыве группы 5-го и 1-го полков из м. Ржищев на Колки операциями руководил только капитан, но не старший штаб-офицер.

8. Наши контр-приемы.

На основании всего изложенного, в 132-й бригаде выработалась следующая контр-тактика в наступлении:

Принципиально производятся атаки только ночью, это потому, что поляки наше наступление обыкновенно ожидают только с рассветом и потому, что минимальное количество имеющейся в нашем ра-

снаряжении пехоты ночной обстановкой и криком „ура“ в глазах противника легко может быть преувеличено.

На не укрепленные позиции наступать внезапно, тихо, без артподготовки, ночью—без артиллерии, потому, что более слабое сторожевое охранение противника легко может быть отброшено, а главные силы вступают в бой уже с запозданием и частью деморализованными.

Внезапные нападения на укрепленные позиции не были успешными. Но зато удовлетворительные результаты дала медленная, упорная и методичная артиллерийская подготовка на протяжении ночи и по уже пристрелянным целям. Такой способ артиллерийского огня сокрушает нетерпеливого польского солдата и, после этого, дело успешно увенчивается атакой пехоты с рассветом. Во время самой артиллерийской подготовки наша пехота может незаметно, без шума и под прикрытием нашего артогня приблизиться к проволочным заграждениям и внезапно обрушиться на противника.

Б. Захаров.

Предварительная разведка путей отхода артиллерии*).

Цель настоящей статьи — осветить некоторые особенности тактики артиллерии вообще, а при отступлении артиллерии — приемы охранения и разведки тыла — в особенности, в том виде, который они должны получить под влиянием наличия боевых примеров с полным отражением настоящей войны.

В полевом уставе, к сожалению, нет деталей касающихся отступления артиллерии. Их не найдешь и в «Наставлении для действия полевой артиллерии в бою». Да им там и не место. Там общие принципы, общие понятия, там только канва; но это не значит, что не нужно на них останавливаться.

Все существующие уставы и наставления есть та канва, по которой предоставлено право работать красной нитью начальникам. Уставом дается известное направление; наставлениями и всевозможными пособиями расширяется кругозор, за начальником же остается право, так сказать, импровизации при каждом частном случае, непредусмотренном уставом. Так, например: в «Наставлении для действия полевой артиллерии в бою» указано, что возможность беспрепятственного движения артиллерии много зависит от заблаговременной разведки пути, говорится же это только в развитие работы разведки при подходе к полю сражения, высылаться же разведка должна лишь накануне движения. Основываясь на этом наставлении многие артиллерийские начальники не считают нужным, при стоянке на позиции, заблаговременно производить разведку возможных путей отступления.

На войне, когда боевая обстановка меняется не считаясь с наставлениями и уставами, заблаговременность нельзя понимать так узко, и нижеприведенные примеры говорят нам за то, чтобы разведку вести действительно заблаговременно, а не тогда, когда это является уже спасением.

*) Материалы для настоящей статьи любезно предоставлены Инспектором Артиллерии Запфронта.

В тактике артиллерии хотя и указываются некоторые приемы разведки при отступлении, но общими фразами, и в действительности, на деле, забываются.

Одним из недостатков наших уставов—является малое внимание, уделяемое ими вопросам отступления, разработанным в общих фразах, между тем, как тактика отступления гораздо труднее и практика последних боев показала нам это.

Артиллерия, стоя на позиции, подчиняется общевойсковым начальникам, которые не всегда достаточно знакомы с основными свойствами артиллерии и ее тактикой, а поэтому совершают ошибки, губящие дорого стоющую во всех отношениях артиллерию.

Не умаляя достоинства в знании артиллерийского дела большинства из командиров полков, приходится признать, что гибель артиллерии на фронте не так падает виной на артиллерийских начальников, как на командиров полков и начальников боевых участков.

Позволю себе привести два случая из последних боевых операций, когда в одном из них вина за неправильный маршрут, данный батареям и отсутствие выработанного плана действий при отходе артиллерии на тыловые позиции, в каждом отдельном случае наступления противника, падает на начальника боевого участка.

БОЕВЫЕ ПРИМЕРЫ:

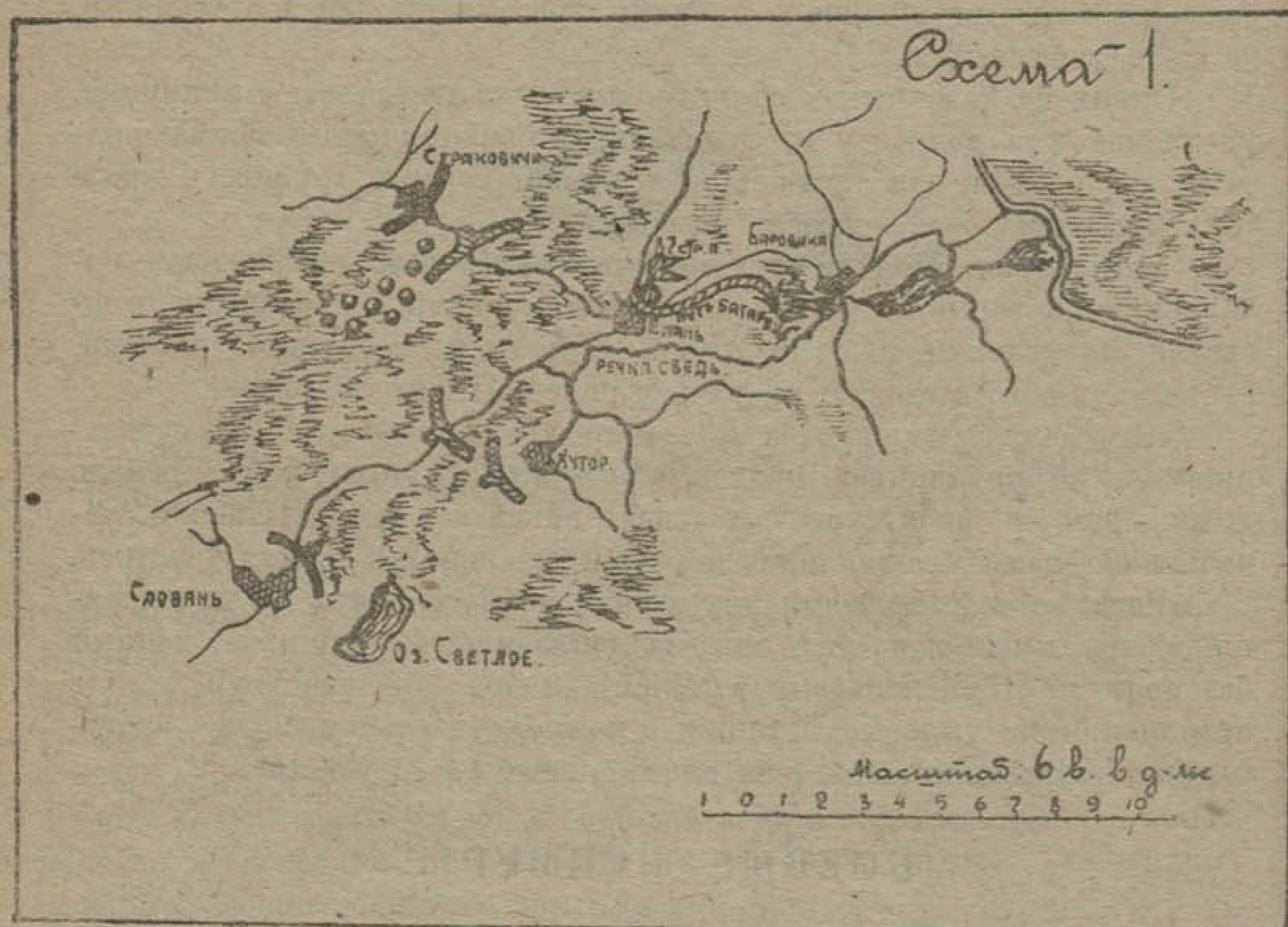
В ночь на 17 апреля 1920 г. 3-я батарея 2-го легкого артиллерийского дивизиона 10-й стрелковой дивизии заняла позицию у деревни Елань, как показано на схеме № 1.

Около четырех часов утра, в районе деревни Славянь, завязалась сильная перестрелка с противником. В то же время связь с баталионами у деревень Страковичи и Славянь оборвалась. Начальник участка, командир 86 стрелкового полка, приказал командиру батареи перейти в походное положение; через короткий срок батарея получила распоряжение двигаться по дороге к северу от деревни Елань под прикрытием взвода 86-го полка.

Едва голова батареи вытянулась из деревни, как в направлении на деревню Страковичи послышалась сильная ружейная и пулеметная стрельба и вскоре части противника оказались на дороге, по которой предстояло итти батареи.

Тогда командир батареи повернул обратно и, по приказанию командира 86-го полка, направился на деревню Боровика.

Пройдя около четырех верст по лесной дороге, голова колонны остановилась. Итти дальше оказалось невозможным, так как батарея попала на „хозяйственную“ дорогу, неожиданно оборвавшуюся и заведшую отступающих в болото. Попытка повернуть на зимнюю дорогу и итти к северу на деревню Боровика не имела успеха, так как на этой дороге только-что потонули повозки обоза 86-го и 87-го полков и лошади разведчиков.

Между тем, сзади наседала конница противника. О том, чтобы вывезти орудия, нечего было и думать. Тонули не только пушки, но даже лошади. Сняты были прицелы и замки. Люди спасались в брод, не будучи в силах вынести ничего, кроме своего вооружения и орудийной принадлежности, оставив даже лошадей, которые вязли и мешали только движению. Увеличить запряжку первого орудия, успевшего по свежему грунту прорваться вперед, не удалось, самая же пушка, после окружения ее противником, была брошена.

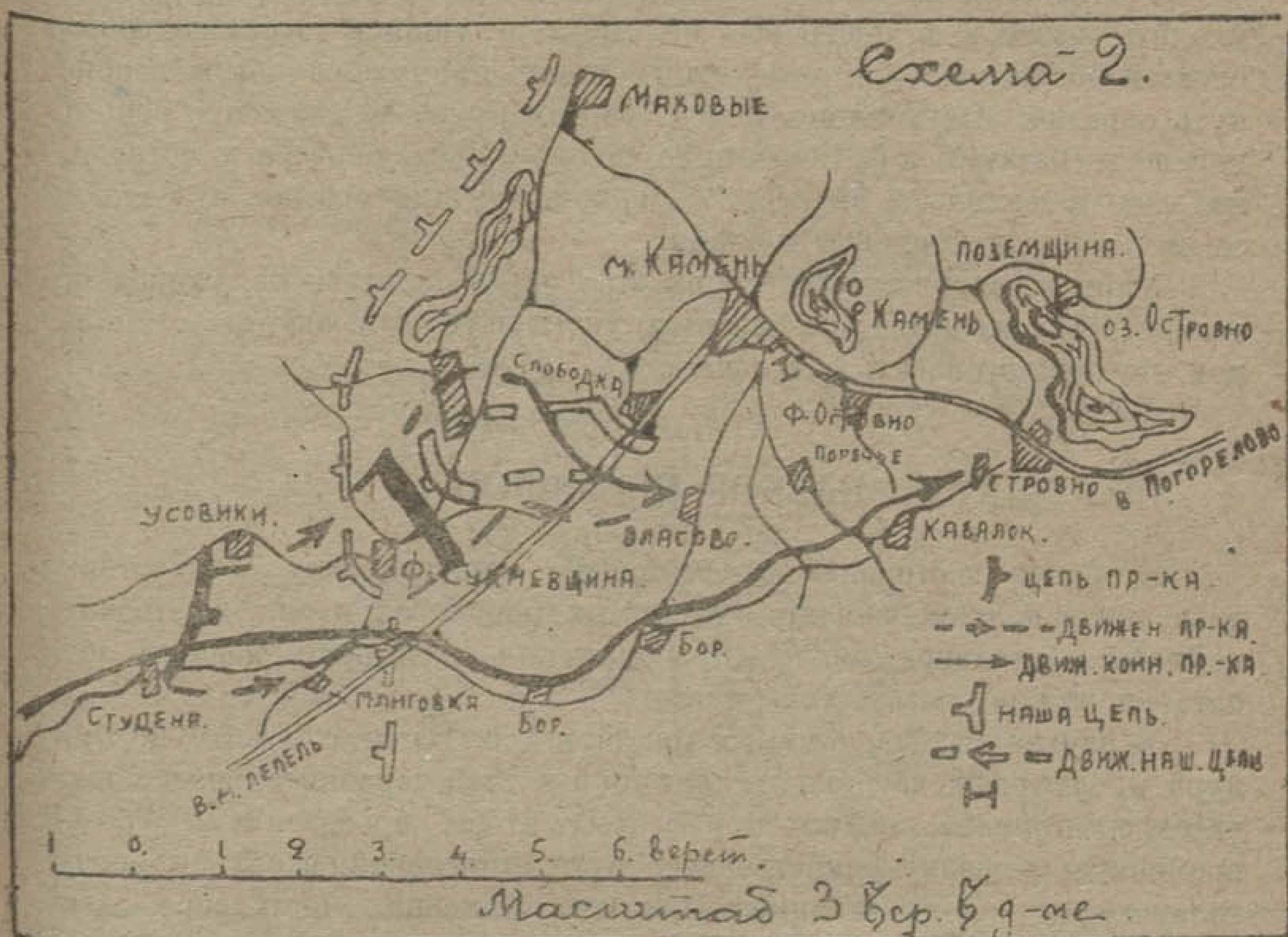
Предварительно путь отступления обследован не был. В результате— потеря батареи, имущества, почти всего конского состава и нескольких человек батарейной прислуги.

Еще более материала дает история утраты орудия 5-й батареей 2-го легкого артиллерийского дивизиона 17-й стрелковой дивизии.

Общая обстановка рисуется в следующем виде: части 149-го полка (1 баталион) занимали сторожевым охранением линию Маковые—Бабча—ф. Сукневщина—Плиговки, как показано на схеме № 2.

Батарея стояла на позиции у юго-восточной окраины местечка Камень.

16 декабря 1919 года около 9 часов утра, противник (как выяснилось впоследствии силою около 400 штыков), сосредоточившись на участке Усовики—Студена повел наступление на ф. Сукневщина и после 15 минутного боя выбил оттуда нашу заставу силой в 22

человека, которая под прикрытием огня 5-й батареи отошла к деревне Бабча, а после повторных атак к деревне Слободка.

В образовавшийся, таким образом, прорыв противником было брошено два эскадрона конницы (всего около 300 сабель), направившиеся под прикрытием леса по дороге Бор, мимо ф. Власово и д. Поречье, на Кабалок—деревню Островно и вышедшие, таким образом, в тыл местечка Камень.

Не имея сведений о движении неприятельской конницы, начальник участка, командир 149-го стрелкового полка, приказал батарее перейти на позицию к деревне Островно, имея задачей поддержать отступающий 1-й баталион.

Около 10½ часов противник, оттеснивши пехотные части к деревне Слободка, появился на опушке леса севернее ф. Власово, сдерживаемый нашим артиллерийским огнем и стрелками 1-го баталиона.

Передав через разведчика приказание обозу батареи уходить из деревни Островно в направлении на дер. Погорелово, командовавший батареей снял батарею и повел ее для занятия указанной позиции. Не доезжая около полутора верст до дер. Островно, командовавший батареей заметил справа, на горке, кавалерию противника; в тот же момент на краю деревни завязалась перестрелка между последней и уходившим на восток обозом батареи.

Решив воспользоваться промедлением противника, батарея стала уходить назад к ф. Островно, но, подвергнувшись преследованию слева и обстреливаемая пулеметным огнем, принуждена была повернуть обратно. Очутившись перед озером Островно, комбат решил перевести батарею к ф. Поземщина, по льду. Посреди озера, у острова, под лед провалилось, вместе с передком, головное орудие, а следом за ним попал в промоину и ящик.

Увидав задержку, противник стал опять садиться на лошадей, вследствие чего пришлось выпрячь уносы и, бросив орудие с ящиком, поспешно спасать остальное.

РАЗБОР ПРИМЕРОВ.

Оставляя в стороне недостаточную ориентировку, отсутствие разведки в полках, вполне об'яснимые недостатком сил, и прочие дефекты управления, по поводу положения, в которое попали обе батареи, нужно сказать следующее:

В первом случае, батарея, придя в дер. Елань с севера и будучи предупреждена о занятии позиции у этой деревни за несколько часов, не приняла никаких мер к тому, чтобы произвести заблаговременную разведку единственного пути отступления в случае фронтального нажима противника. При этих условиях немудрено, что отступая, она заблудилась и попала в тупик.

Во втором случае 5-я батарея 17-й стрелковой дивизии имела несколько путей для отхода:

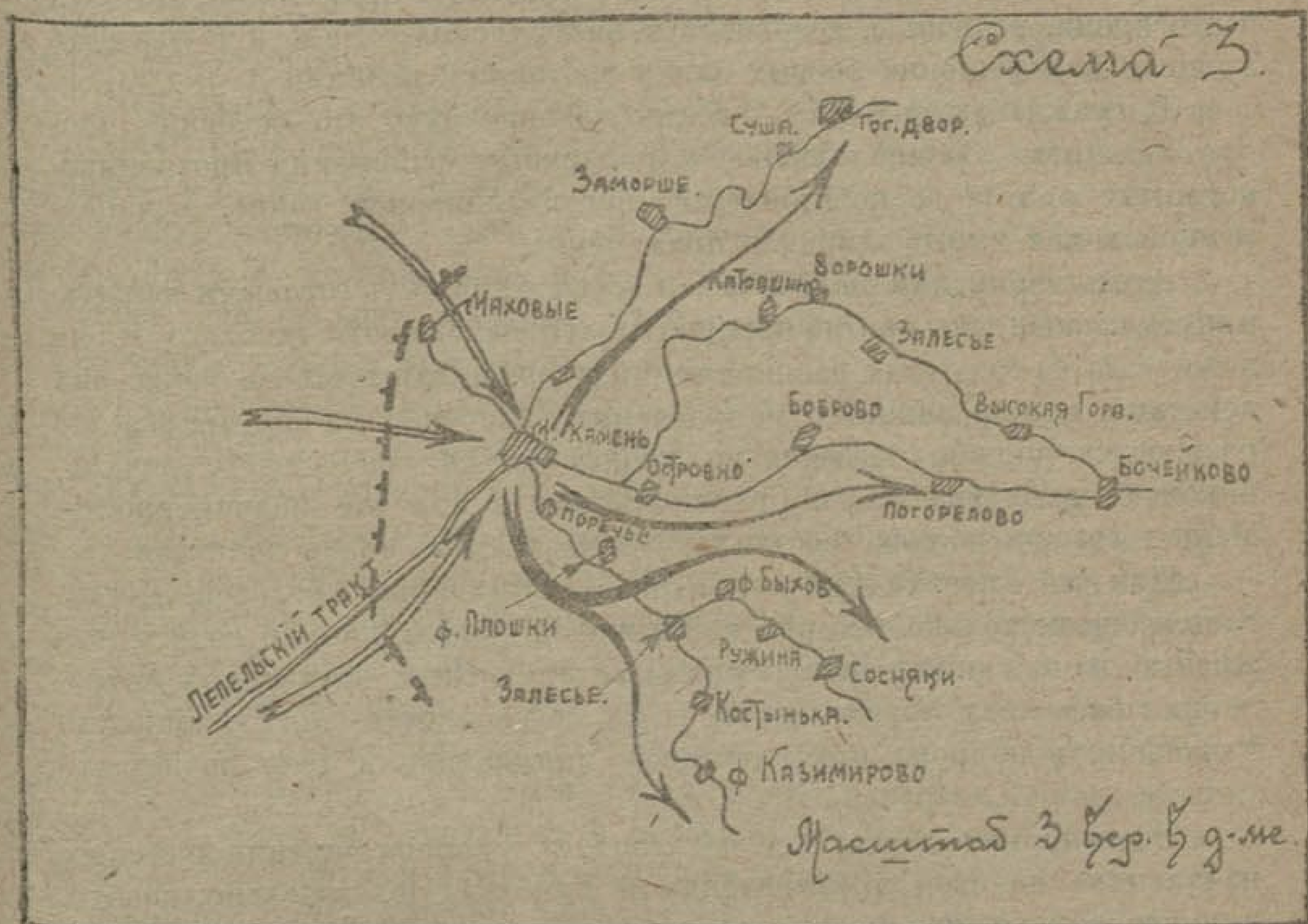
а) в случае фронтального нажима на Островно-Боброво-Погорелово.

б) при направлении справа, т. е. от дер. Маковые на Поречье-ф. Плошки-Залесье, а оттуда или на ф. Быхов-Ружина-Сосняки, или даже с еще большим уклоном влево—на дер. Костыпька-ф. Казимирово.

в) в случае прорыва вдоль Лепельского тракта (как оно и было в действительности), наиболее соответствующим обстановке путем отступления—была дорога на Клевзово и далее на северо-восток—Заморше-дер. Суша и господский двор Суша, как показано на схеме № 3.

Таким образом, уже в силу чисто априорных соображений, батарее следовало отходить на северо-восток, а не на восток. Факты подтверждают это, так как переправившись через озеро Островно, батарея действительно взяла направление параллельно—указанному, на дер. Катовщина-Ворошки и, только выйдя из под удара противника, свернула на Залесье-Высокая Гора-местечко Бочейково.

Вина за неправильный маршрут должна быть отнесена, главным образом, на долю начальника участка, который поставил артиллерии задание, не отвечающее истинному положению вещей. Но и командиру батареи следовало бы, особенно имея ввиду высокую подвиж-

ность фронта, заблаговременно учесть опасность этого направления или сговориться с начальником участка на счет наивыгоднейшего, в смысле полезности и безопасности, пути отхода.

Из этого вытекает следующий вывод, который должен быть принят за правило:

Немедленно по занятии позиции, начальник артиллерии участка выясняет, путем совещания с начальником участка, возможные пути наступления противника и, в зависимости от них, а также от предполагаемого плана действий, на каждый отдельный случай, намечаются пути для отхода артиллерии на тыловые позиции. Эти дороги должны быть наиболее кратки, удобны и укрыты и должны пролегать в стороне от возможного района расположения противника.

Наметив дороги и распределив их между частями артиллерии, начальник последней распоряжается их осмотром и, если надо, исправлением.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

В приведенных примерах вовсе не заключается упрека в недостатке знания артиллерийского дела этим командирам; это только напоминание артиллеристам о необходимости быть предусмотрительнее. На основании этих примеров можно наметить некоторые тактические приемы, при возможных случаях отхода артиллерии, при этом несколько дополнив и развив главную работу — разведки путей отхода артиллерии, по существующим уставам и „Наставлению для действия полевой артиллерии в бою“.

Временное затишье на фронте, хотя бы на один день, не значит об'явления отдыха. Необходимо всегда помнить о противнике, который в это время, возможно, готовится к наступлению. Надо использовать затишье для решения боевых задач настоящей позиции.

В гражданскую войну — войну маневренную, это особенно следует помнить. Военная хитрость, различные ухищрения противника, которыми нельзя воспользоваться при позиционной войне, в маневренной войне имеют широкое применение.

Артиллерийским начальникам необходимо быть готовыми каждую минуту к нападению противника, учитывать возможность такового и, не дожидаясь на то особых распоряжений, разработать детально план своих действий при различных направлениях наступления противника; эта разработка должна обязательно производиться совместно с начальником боевого участка и представляться в порядке подчиненности. Мало того, она должна составлять часть общего плана действий.

Для этого необходима тесная связь артиллерии с пехотой. Достигается она не только технической и живой связью, но еще совместною жизнью начальников артиллерии и тех пехотных, на которых артиллерия работает; такая связь дает возможность артиллерийским начальникам широко проявить свою инициативу в деле поддержки пехоты.

Боевая обстановка всегда требует удаления артиллерийского начальника на свой наблюдательный пункт. Следовательно, необходимо заранее привлекать артиллерийских начальников к работе по составлению плана действий при наступлении и, особенно, при отступлении.

Чаще всего, почему-то, артиллерийские начальники при этой работе игнорируются, между тем при разработке всякого плана возникает масса всяких мелких вопросов, мелких деталей, которые требуют участия артиллерийского начальника, потому что последний тут же, на месте, может их разрешить. Если эти вопросы на месте не будут вырешены, то они не будут приняты во внимание и в дальнейшем, что может отозваться очень существенно, как и показывают приведенные выше примеры.

Начальники, сидящие верхом на лошади, не чувствуют особенной усталости при отступлении и переменах позиции, но нужно помнить об орудийной прислуге, которая, по новому уставу, не сидит, и о лошадях, которые также легко устают; поэтому каждый отход должен быть заранее продуман и не должен утомлять людей и лошадей напрасным бросанием то вправо, то влево.

Кроме того, при отступлениях люди всегда склонны к панике, а потому малейшая оплошность и неправильный выбор того или иного направления начальниками действует подавляюще на подчиненных и усугубляет создавшееся положение.

Вообще говоря, ведь война редко решается только результатами боевого счастья фронта. Тыл, во всех отношениях, та Ахиллесова пята, которую всегда хочет уязвить противник. Для того, чтобы тыл

был не страшен, его надо изучать тщательно и, только зная его, можно смело обороняться, а если придется отступать—тогда знакомая дорога не будет страшна и не будет вызывать паники.

Как правило, полевой устав указывает, что артиллерия снимается с позиции раньше пехоты, но, как исключение, чтобы дать благополучный выход из боя частям артиллерии и пехоты, тот же устав рекомендует жертвовать известной долей артиллерии. Жертва эта может быть и не принесена Марсу, если начальник этой артиллерийской доли хорошо знаком с окружающей местностью и умеет использовать каждую ее складку.

Подвижность, во всех своих проявлениях, не является отличительной чертой нашего характера; этот недостаток нужно учитывать, поэтому каждый командир батареи и дивизиона, не дожидаясь каких-либо особых распоряжений, должен, стоя на позиции, разведать пути не только на позиции, т. е. местность от стоянки батарей до их батарейных резервов, но путем систематической высылки разведчиков знать состояние дороги по радиусу на полу-переход.

Изучать же по карте дороги отступления не всегда возможно. Во многих случаях ничтожные ручейки, которые на карте едва намечены, оказываются для артиллерии непроходимыми, потому-что артиллерия очень чувствительна к дороге и чем тяжелее орудие, чем больше его калибр, тем важнее состояние дороги.

По карте определить его невозможно. Значит нужно заблаговременно высылать какую-то разведку, которая заранее изучала бы тыл и во многих случаях указала бы способы: как обойти или уничтожить те препятствия, которые могут задержать артиллерию.

Эта разведка называется разведкой пути и для производства ее должен высылаться раз'езд пути.

В гражданской войне такой раз'езд пути может принести пользу не только, так сказать, ногами, но и глазами, он может быть в тоже время охранением, связью и во время предупредить о случайном прорыве противника. *)

Артиллерийская разведка, как общее правило, ведется на местности, освещенной общевойсковым разведыванием и прикрытой передовыми частями других войск. Опыты гражданской войны доказали нам, что на артиллерию должны быть возложены и самостоятельные задачи, особенно при отступлении, поэтому артиллерийская разведка должна вестисъ своими средствами непрерывно и быть самостоятельной во всех отношениях. **)

*) **Прим. ред.** Возможный, но только частный случай.

) **Прим. ред. У артиллерийской разведки настолько много своей собственной работы, что возлагать на нее столь широкие задачи—значит нанести ущерб ее прямым функциям. Совершенно правильно отмечает автор широкую сферу деятельности артразведки в Кр. Армии, но это есть только лекарство от ее общей болезни—недостатка разведки вообще—и притом, лекарство паллиативное и, как всякое снадобье—облегчает страдание одного в ущерб здоровью другого. Необходимо не расширять об'ем работы артиллерийской разведки, а бороться со

Под хорошей организацией отступления понимается, когда отступление выполняется своевременно и без излишней потери сил.

Главные отличительные стороны хорошо организованного отступления—это безопасность и беспрепятственность.

Безопасность не должна опираться только лишь на общевойсковое охранение и приданное батареям пехотное прикрытие. Артиллерия должна иметь свое охранение.

Действительно, общевойсковое охранение поставлено в чрезвычайно тяжелые условия. Если легко на карте нанести колонны по дороге, а сбоку, без дорог, показать боковые отряды, то далеко не так легко осуществить это на практике. Далеко не так легко действительно двигаться в стороне от дорог там, где будет попадаться движение по пахоте, будут попадаться ручьи и заборы. Люди изматываются и отстают.

Поэтому, артиллерия, окруженная цепью по сторонам в начале, может вполне естественно расчитывать, что не только ночью, но даже днем, к концу отступления останется оголенной.

В наставлении же для действия полевой артиллерии в бою, ст. 20 говорит, что только в случае необходимости артиллерийские части, сверх общевойскового охранения, освещают местность по сторонам пути следования высылкой отдельных конных наблюдателей. Ст. 121 дополняет это, говоря, что: „наличность прикрытия не снимает с артиллерийских начальников заботы о безопасности своих частей, которые должны охраняться.

Из состава связи: 8 конных разведчиков, 4 конных наблюдателя, 3 конных телефониста, или даже и из числа 4 конных орудийных начальников, да плюс конного комсостава, батарея всегда может выделить два боковых раз'езда по три человека каждый, кроме, конечно, раз'езда пути впереди. Это охранение будет много надежнее всех остальных. *)

Что касается до беспрепятственного движения, то тут необходима разведка своя, исключительно артиллерийская.

Раз'езд пути должен быть значительной силы. Он должен быть выдвинут вперед и своевременно сообщать командиру батареи или дивизиона о всех неисправностях дороги и возможном обходе труднопроходимых мест, мостов, бродов и гатей.

злом в корне, стремясь к упорядочению производства разведки всеми родами оружия. Этим, конечно, не отрицается целесообразность артразведки в более широких размерах, когда иные сведения, получаемые артиллерией, недостаточно полны. Но на этом отрицательном примере не следует строить правила и увлекаться слишком широкими заданиями для узко-специальной по своему существу, артразведки.

*) **Прим. ред.** За недостатком лошадей наблюдатели и телефонисты в артиллерии спешены, кроме того, орудийного нач—ка нельзя отрывать от орудия. Положение, выдвигаемое автором и отвечающее необходимости, в жизни, к сожалению, редко осуществимо.

Одно из условий беспрепятственности отступления—это хорошие лошади, хорошо кормленные и хорошо кованные, при хорошем наблюдении.

Из этого краткого перечня задач разведки видно, что главная тяжесть работ падает на сравнительно мелкие части, т. е. на разведку батарей и на разведку дивизионов.

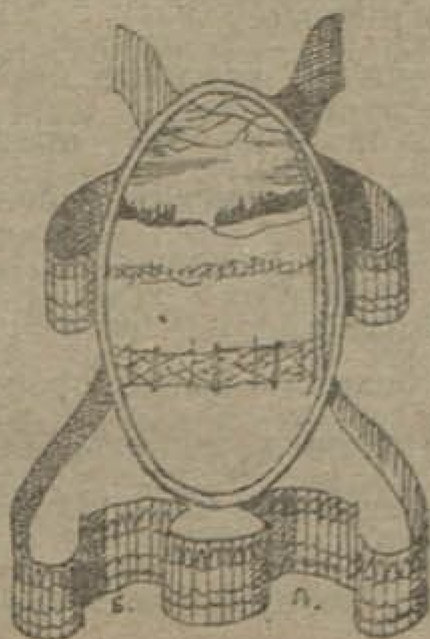
Скупиться на средства разведки отнюдь не следует — все окупится, благодаря беспрепятственности и безопасности движения.

Движение колонны артиллерии рекомендуется совершать от маяка до маяка, оставляемого раз'ездом пути, причем каждый маяк должен проводить батарею по своему участку, предварительно изучив его, с возможными обходами, дабы не утомлять походом людей и лошадей. Особенно эта мера рекомендуется ночью.

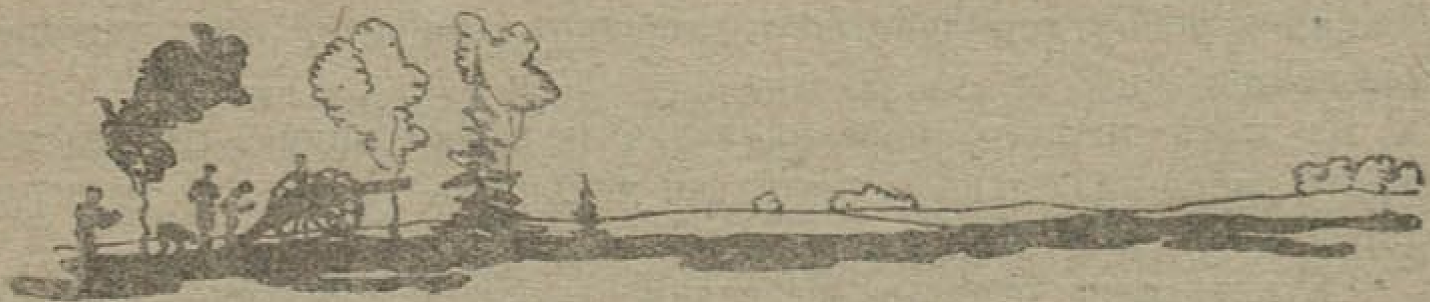
За последние операции артиллерия много блуждала вследствие отсутствия указателей на дорогах. Эта мера необходима. Об этом должны позаботиться инжвойска, на которых возложена обязанность упорядочения дорог.

Все необходимые исправления дорог и мостов вблизи позиции артиллерийские начальники должны в экстренных случаях принять на себя, так как ждать специальную саперную команду может не позволить обстановка.

Методы небольшого наступления, применяемые последними нашими главными противниками — поляками, при небольших исключениях, были определенно тождественны (см. сборник 1-й журнала „Революция и Война“, статью «На пассивных участках Запфронта»): неглубокий обход небольшими силами и стремление захватить материальную часть артиллерии. К таким приемам нужно быть приготовленными, нужно употребить все меры, парализовать этот частичный удар, а учитывая возможность неудачи, изучить тыл. Особенно это важно при зимних кампаниях, когда дороги появляются новые, а старых, указанных на карте, иной раз и не найдешь.

М. Волчанецкий.

Польская артиллерия на русском фронте.

I.

Первые национальные польские артиллерийские формирования должны быть отнесены к 1917 г., когда в России был образован 1-й польский корпус под командою Довбор-Мусницкого. После воссоединения Польши из частей бывших Российской, Германской и Австрийской империй началось усиленное строительство вновь народившейся армии. При этом, в состав создаваемых частей вошли представители как русской армии, так и немецкой и австрийской. Таким образом, уже в самом начале следовало предполагать в физиономии формируемой артиллерии значительную пестроту, которая не могла быть сглажена ни единством организации, ни национальной общностью, ни, тем более, кратковременным обучением. Впоследствии, с появлением в польской армии французских инструкторов, имевшееся на лицо разномыслие в тактике и технике, должно было значительно усилиться, тем более, что в лице французов польская артиллерия получила руководителей с ярко выраженной физиономией, свойственной идейным наследникам Ланглуа и Персена. Итак, польская артиллерия создавалась в неперебродившей обстановке борьбы четырех различных влияний: русского, французского, австрийского и германского.

Это априорное суждение об условиях, под воздействием которых слагалась боевая физиономия польской артиллерии, подтверждается также отзывами о последней германских военных авторитетов, помещенными в повременной немецкой печати.

Вместе с тем, если в смысле внутренней подготовки многочисленность источников комплектования имела отрицательное значение, то и в материальном отношении поляки должны были испытать известное embarras de richesse, вследствие разнообразия типов вооружения и снаряжения.

II.

Организацию польской артиллерии нельзя считать установившейся вполне, так как в различных случаях встречаются довольно значительные уклонения от средних норм.

Устройство полевой артиллерии таково: каждой дивизии, в составе 3-5 пехотных и 1-2 уланских полков, придается артиллерийская бригада в составе двух полков, легкого (ПАП) и тяжелого (ПАЦ), имеющая параллельную с дивизиями нумерацию.

Каждый полк состоит из трех дивизионов трех-батарейного состава, с нумерацией от 1 до 9. Легкие батареи четырех-орудийные, вооружены 3 дюймовыми и 75 м/м. орудиями различных образцов; тяжелые имеют по три 6 дм. гаубицы или 42 лин. пушки системы Шнейдера-Крезо (Франция) и Круппа (Германия). Таким образом, численный состав артиллерии дивизии следующий:

		Легких.	Тяжелых.	Всего.
Полков		1	1	2
Дивизионов		3	3	6
Батарей	Пушечных	9	3	18
	Гаубичных	—	6	
Орудий	Пушек	36	9	63
	Гаубиц	—	18	

Характерной особенностью приведенной организации является отсутствие легких гаубиц. Впрочем, на фронте наблюдалась стрельба орудий, по своим свойствам относившихся наблюдателями к числу 105 м/м. или 48 лин., т. е. легких гаубиц.

Фактическое состояние артиллерии далеко отстает от штатного. В разных случаях удавалось установить различными способами соотношение, в среднем, менее одной легкой и тяжелой батарей на полк или, в переводе на общепринятые цифры, всего около 5,3 орудий на 1.000 бойцов, действительно занимающих фронт.

Сравнивая эту величину с тем количеством артиллерии, которое фактически обслуживает Красную Армию, видим, что последняя имеет в несколько раз более орудий, чем противник. Несмотря на это и вопреки общепринятому правилу, противник держит 15-20% своей артиллерии в ближнем резерве, в 10-20 верстах от фронта.

Количество орудий в батареях также редко достигает штата и обыкновенно колеблется около 3-х в легких и 2-х в тяжелых батареях; встречались, впрочем, и одноорудийные батареи. Вместе с тем, число батарей в полках не всегда соответствует штатам.

Командный состав почти исключительно из германской и австро-венгерской армий; офицеров прежней русской армии очень мало и те, главным образом, из состава 1-го и 2-го польских корпусов, сформированных в 1917 году и перешедших в состав польской армии. Комсостав очень молодой: батареями командуют подпоручики или поручики, дивизионами—капитаны, иногда даже поручики; полками—подполковники или капитаны. Офицеров в батареях мало, иногда всего один человек; зато в управлениях дивизионов и полков их сосредоточивается нередко по 7 человек.

Количество солдат в частях много меньше штата. Встречаются батареи, имеющие всего по 39 солдат, тогда как при командире дивизиона, в то же время, набирается до 150 человек. По некоторым данным средний состав батареи—140 солдат.

Это тяготение к штабам и тылам, само по себе, есть весьма симптоматический показатель, свидетельствующий о качестве армии.

Число лошадей колеблется в пределах от 34—35 до 100—120 на батарею, составляя, в среднем, 95 голов, что при имеющемся количестве орудий и обоза и необходимости содержать вспомогательные команды (разведки и связи) не может обеспечить всех нужд батарей. Зато, опять таки, в управлениях дивизионов лошадей, видимо, почти штатное количество, превышающее в некоторых случаях цифру 100.

Качество и состояние конского состава хорошее; чистка отличная.

Отпуск фуража достаточный. В некоторых полках лошади доставленные из Америки.

Обеспечение батарей перевозочными средствами неоднообразное, и даже в одних и тех же полках встречаются значительные колебания—минимум—2 и максимум 20 повозок. Образец последних, по внешнему виду, близкий к австрийскому, отличается малой устойчивостью и поворотливостью и тяжел на ходу.

В телефонном имуществе и оптических приборах иногда испытывается недостаток, что должно отражаться на успешности наблюдения и связи.

III.

Таковы условия, в которых создавалась польская артиллерия, и рессурсы, которыми она располагает. Рассматривая их, следует признать, что они не создают благоприятного базиса для успешной работы.

Действительно, на практике вырисовались весьма неприглядные свойства неприятельской артиллерии, которые, лучше всего, характеризуются следующими отзывами о ней наших строевых начальников.

Один безусловно опытный артиллерист, бывший инспектор артиллерии в старой армии, пишет:

„Я только что вернулся с Полоцкого направления, где мне пришлось наблюдать бесполезное разрушение города неприятельской артиллерией; работа ее ничего выдающегося и страшного не представляет; нашим артиллеристам она не мешает, вследствие чего наши наблюдатели и командиры спокойно ведут свое дело".

По отзыву другого: „В течение годовой работы, артиллерия противника не представляла собой серьезной силы. Все это приучило (наших) артиллерийских начальников к легким успехам и дерзкому образу действий".

Или: „польская артиллерия стреляла без всякой системы, крайне нечетко и редко. В боях под м. С. и ст. Е. полковник, командовавший ударной группой (противника) прямо, признался, что если бы у него была такая артиллерия, как у красных, то он вечером был бы в Д.-(об'ект действий поляков в указанных боях); что артиллерийский комсостав у них имеется, но совершенно нет обученной прислуги.... Неприятельская артиллерия причиняет очень мало вреда. За 10 месяцев не было совершенно случая, чтобы она заставила наши батареи прекратить огонь".

„За весь период операций, неприятельская артиллерия проявляла очень малую деятельность. Обычно стрельба носила быстрый и беспорядочный характер, причем во многих случаях она производилась без непосредственного наблюдения. В общем, во всех действиях артиллерии проскальзывало не стремление оказать помощь и поддержку своей пехоте, а сохранение личной безопасности... Вынести что-нибудь поучительное из стрельбы польской артиллерии было невозможно".

В одном донесении встречается такое мнение:... „планомерностью и меткостью стрельба противника не отличается... можно только отметить великолепную, повидимому, налаженность артиллерийских тылов".

В положительной оценке последней стороны сходятся все отзывы. Об'ясняется это, между прочим, относительным достатком в лошадях.

Зато к плохому искусству стрельбы присоединяется дурная выделка снарядов. По общему впечатлению до трети последних не разрывается; в одном случае начальник артиллерии дивизии пишет: „мною лично наблюдалось, что из 28 выпущенных подряд легких снарядов последовало только три разрыва".

Особенно плохо рвутся шрапнели; эффект применяемых противником снарядов двойного действия—ничтожен.

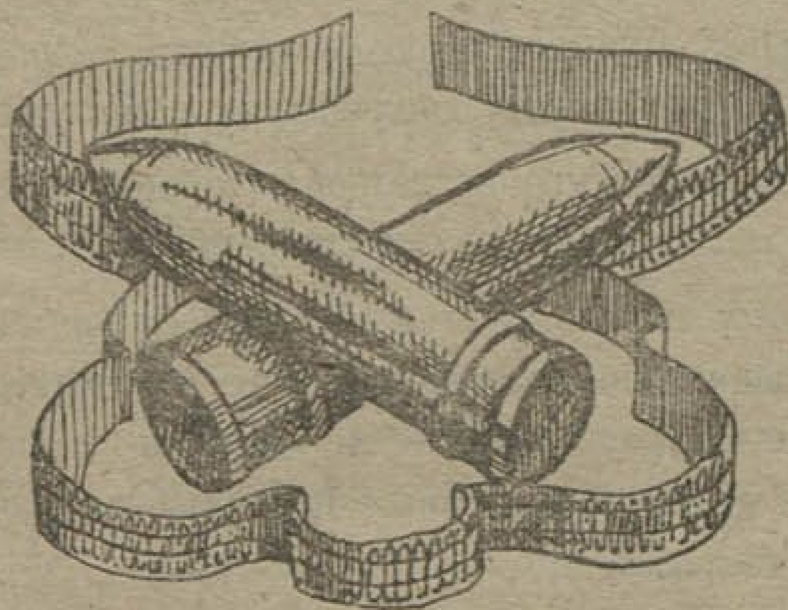
Пленные поляки, солдаты и офицеры, отзываются о своих артиллеристах неблагоприятно, называя их „байбаками", „ленюхами" (лентяями) и т. п. нелестными эпитетами.

Захваченные у противника документы не содержат в себе указаний по применению группового расположения и действий артиллерии.

Роль командиров дивизионов ограничивается исключительно хозяйственно-административными функциями. Командиры батарей на наблюдательных пунктах бывают редко, вследствие чего порученные им участки знают плохо, и охотно ограничиваются обстрелом площадей. Вообще, тон официальных документов свидетельствует о небрежном отношении к службе и деловой брезгливости, если можно так выразиться, польских артиллеристов, т. е. стремлении ограничиться выполнением наиболее приятных и легких обязанностей.

Рисуемая этими источниками картина, как и отзывы, приведенные выше, в общем неблагоприятны. Сами артиллеристы жалуются на недостаток руководства ими; в то же время, по донесениям французской военной миссии в Вильне и Варшаве, польское командование в последнее время противодействует работе французских инструкторов, не пропуская их в армию. Поэтому вся деятельность последних, по выражению донесения, свелась в конце—концов к подаче „дружеских советов", не доходящих, видно, до войсковой массы.

Такова физиономия польской артиллерии, этого дитяти, питомца нескольких нянек. Как и можно было ожидать,—дитя оказалось неудачным.

Г. Рудаков.

К вопросу о пересмотре „положения о хозяйстве в роте".

В Известиях Наркомвоен от 30 января с. г. об'явлен приказ Главначснаба от 18 января, за № 11, о назначении комиссии при Техническом Комитете Цуса под председательством Председателя Техкома и из представителей Народных Комиссариатов Р. К. И. и Финансов для пересмотра и переработки изд. в 1919 году „Руководства для ведения хозяйства, делопроизводства и отчетности по всем видам денежного и материального довольствия в частях, войсковых штабах и управлениях Красной Армии".

Несомненно, это мероприятие следует всемерно приветствовать, так как всякому лицу, соприкасающемуся в той или иной области с вопросами войскового хозяйства и связанными с ними делопроизводством и отчетностью, приходится в повседневной работе затрачивать немало ценного времени на подыскание всевозможного рода справок, раз'яснений, дополнений и т. п., об'явленных в позднейших по времени изданиях законоположения.

Вполне естественным и своевременным является, поэтому, необходимость во вторичном издании «Руководства», которое включило бы весь законодательный материал, изданный позднее, и привело бы его в стройную и законченную систему. Однако, с своей стороны, мы позволяем высказать предположение, что комиссия не ограничит порученной ей работы лишь систематизацией и сводкой законоположений, изданных в последующий за выходом в свет «Руководства» период, а подвергнет пересмотру по существу и ранее изданные и вошедшие в «Руководство» законоположения, легшие в основу нашего военно-хозяйственного законодательства.

Если бросить самый поверхностный, ретроспективный взгляд на историю создания и последующего развития Красной Армии, то едва ли можно отрицать, что наиболее важные законодательные акты, определяющие ее устройство, организацию, комплектование, снабжение, характер внутреннего быта, правовое положение и проч., отличаются некоторой неясностью, неполнотой, а во многих случаях и недостаточной продуманностью, дающей повод к произвольному и распространительному толкованию.—Причина такого явления заключается в самой поспешности издания того или иного законоположения, обуславливаемой событиями текущего момента. Винить в этом, конечно, никого не приходится.—История переходных эпох в жизни каждого народа, а революций тем более, дает слишком богатый материал, когда законодатель, даже при исключительной талантливости и объективности в оценке совершающихся событий, не в состоянии предусмотреть в издаваемых им актах всю сложность возникающих вопросов, которые сама жизнь выдвигает в действие при практическом применении изданных законов. События революционной эпохи слишком многообразны и так радикально ломают существующие устои государственного устройства, создавая одновременно новые формы жизни, что оценить их значение можно лишь впоследствии, а заключить вновь создаваемые правовые или иные нормы человеческих взаимоотношений в исчерпывающих законодательных актах не под силу человеческому уму.

Те же самые явления непрестанной смены событий имели место по отношению Красной Армии с момента ее создания, устройство и организация которой при этом резко отличались от армии, ранее существовавшей. В задачу же нашего исследования не входит, конечно, оценка всего законодательного материала, определившего существование Красной Армии.

Наша задача гораздо скромнее и касается лишь одной области—хозяйственной,—а, в частности, пока ограничивается рассмотрением действующих законоположений о хозяйстве наиболее мелкой войсковой единицы—роты, эскадрона, батареи— Прик. Р. В. С. Р. 1919 года, № 396,—что, собственно, и составляет предмет настоящей статьи.

Ст. 1-я. «Положения о хозяйстве в роте» гласит текстуально следующее: «*Командир роты, не принимая непосред- о участия в ведении хозяйства, обязан иметь посто-*

яиное попечение о хорошем довольствии и содержании красноармейцев и заботиться о своевременном удовлетворении их всем положенным от казны довольствием».

Из приведенного явствует, что законодатель в совершенно категорической форме исключил *непосредственное участие* командира роты в ведении ротного хозяйства. Мысль законодателя выражена совершенно ясно и не допускает никаких кривотолков. Важно лишь выяснить, какими побуждениями руководствовался законодатель в данном случае.

Учитывая, что писалось по данному вопросу в разное время по адресу старой армии, можно допустить много различных предположений, но серьезно приходится считаться только с двумя: 1) желанием освободить командира роты от каких бы то ни было забот хозяйственного характера и тем обеспечить возможно большее время для подготовки и обучения роты в строевом отношении и 2) опасением, что командир роты, являясь самостоятельным начальником во всех проявлениях хозяйственного обихода своей части, может из корыстных или иных побуждений, диктуемых «злой волей», в ущерб интересам своих подчиненных, пользоваться незаконным способом теми или иными видами причитающегося роте довольствия.

Возможно допустить, что оба приведенные соображения имелись в виду законодателем—в таком случае на нас падает задача проследить, нашло ли его намерение всестороннее и последовательное выражение в изданном им акте.

Обращаясь к рассмотрению прав и обязанностей командира роты по ротному хозяйству, мы усматриваем, что его деятельность (ст. 2 и 3) ограничивается лишь функциями надзора или поверки действий должностных хозяйственных лиц роты. В избрании этих лиц он принимает косвенное или консультативное участие. Руководство по ротной отчетности возложено на его помощника, а сам командир роты ни одной из книг, или ведомостей, установленных «Положением» не только не ведет и не составляет, но даже не удостоверяет своею подписью. Наконец, в целях *«наблюдения за добросовестным исполнением хозяйственными лицами своих обязанностей, а также за правильной выдачей красноармейцам всего положенного от казны довольствия, в каждой роте избирается ротный контрольно-хозяйственный совет, состоящий из 3-х красноармейцев».* Конституция этого органа, какого не существовало в старой армии,

с достаточной полнотой изложена в «Положении», в равной степени с той же полнотой изложены права и обязанности должностных хозяйственных лиц роты. Казалось бы, при таких условиях *непосредственное участие* командира роты в ведении хозяйства исключается, но нельзя не признать, что это только кажущаяся видимость, а действительность, и при том не только практическая, но даже и формальная,—разумеется в этом последнем случае то же самое Положение,—доказывает совершенно противное.

Выше мы указали, что командир роты *обязан* иметь *постоянное* попечение о хорошем довольствии и содержании красноармейцев и заботиться о *своевременном* удовлетворении их всем положенным от казны довольствием.

Посмотрим, какие еще обязанности возложены на командира роты по хозяйству. Они изложены в ст. 2 и 3, ссылку на которые мы уже делали выше, и заключаются в следующем.

Ст. 2-я. „Командир роты осматривает во всякое время и не менее 4-х раз в году, все имущество и продовольствие роты, сверяя таковые по ротным книгам и описям, а также поверяет действия хозяйственных лиц роты. При поверках обращает внимание на боевую готовность роты в отношении исправного содержания имущества и оружия, принимает меры к устранению замеченных недостатков, а в более важных случаях доносит по команде“.

Ст. 3-я. „При обнаружении беспорядков по хозяйству в роте, происшедших от невыполнения возложенных на командира роты статьями 1 и 2 обязанностей, он подвергается ответственности по законам“.

Приведенными статьями исчерпываются права и обязанности командира роты по ротному хозяйству. Зададимся теперь вопросом — из чего же собственно состоит хозяйство роты, от *непосредственного участия* в ведении которого ротный командир, по воле законодателя, отстранен?

Ответ на этот вопрос мы находим в том же «Положении». Красноармейцы получают от казны следующие виды довольствия и содержания: денежное, провиантское, приварочное, чайное, мылом, табаком и спичками, вещевое, оружие, учебные огнестрельные припасы, письменные принадлежности и инвентарь для ротной канцелярии, топливо, осветительные материалы, подстилочные принадлежности, материалы для содержания в

порядке зданий и дворов; кроме того, роте придается обоз, назначение которого обслуживать—хозяйственные и служебные надобности роты.

Установив таким образом все виды довольствия и содержания, относящиеся к обиходу ротного хозяйства и, принимая за непреложное правило постулат законодателя, что командир роты не принимает *непосредственного участия* в ведении хозяйства роты, сопоставляем это положение с обязанностями командира роты, которые возложены на него вышеприведенными 1, 2 и 3 статьями «Положения» и спрашиваем: возможно ли осуществить *постоянное попечение о хорошем довольствии и содержании красноармейцев, заботы о своевременном удовлетворении их всеми видами причитающегося от казны довольствия без непосредственного участия* во всех тех актах и действиях, которыя обусловливают порядок довольствия и содержания красноармейцев, своевременное удовлетворение всеми видами причитающегося от казны довольствия и *которые возможны лишь при непосредственном его участии, т. е. в самом хозяйстве?*

Производство осмотров не менее 4-х раз в году всего имущества и продовольствия роты со сверкой таковых по ротным книгам и описям, поверка действий (каких?) хозяйственных лиц роты и, наконец, *принятие мер к устранению замеченных недостатков*, — разве это не будет опять таки *непосредственным участием* в сущности дела ротного хозяйства? И если найдутся лица, которые будут отрицать, что в совокупности перечисленных нами обязанностей командира роты, как это установлено «Положением», не выражается *его непосредственное участие в ведении ротного хозяйства*, то вполне позволительным является вопрос, за что же командир роты подвергается ответственности по законам, когда он не выполнит своих обязанностей, возложенных на него предыдущими статьями 1 и 2 — и как можно вообще обнаружить беспорядки в роте, если ответственное и заинтересованное в этом лицо — командир роты — лишен права *непосредственного участия в ведении хозяйства?*

Размер настоящей статьи не позволяет нам остановиться еще подробнее на этом вопросе с целью подвергнуть его более основательному анализу, но и приведенной аргументации мы полагаем достаточно, чтобы признать, что редакционная форму-

лировка прав и обязанностей командира роты, поскольку они выражены в ныне действующем «Положении», грешат внутренним противоречием и большой непоследовательностью.

В логическом выводе из всего нами сказанного следует признать одно из двух:—или командир роты является лишь строевым начальником, к ротному хозяйству никакого отношения не имеет и, следовательно, никакой ответственности за него не несет, или же, если законодатель считает необходимым обязать командира роты за состояние ротного хозяйства в его настоящем виде ответственностью по законам, то и участие в хозяйстве командира роты должно быть столь-же правомочное, как и строевые его права и обязанности.

Выше мы упомянули, что в ныне действующее положение введен новый орган с контрольно-хозяйственными функциями, какого не знала старая армия—контрольно-хозяйственный совет, избираемый красноармейцами из своей же среды. О роли и значении контрольно-хозяйственных советов, не только по отношению к роте, но к полку и вообще отдельной войсковой части, писалось на страницах повременной военной печати и говорилось уже не мало и поэтому вопросу создалась довольно обширная литература; в частности нам известно, что Рабоче-Крестьянская Инспекция Запфронта также интересовалась этим вопросом и собрала богатый материал; отзывы строевых начальников, поскольку приходилось их слышать, обычно сводятся к тому, что контрольно-хозяйственные советы превратились в подсобные для хозяйственных управлений войсковых частей исполнительные органы и функции контроля осуществляют сравнительно редко и не всегда удачно.

В нашу задачу, в настоящей статье, ввиду ограниченности по техническим соображениям ее размера, не входит оценка деятельности и значения названных органов—об этом придется поговорить особо,—но, в частности, мы полагали бы желательным сохранить существование контрольно-хозяйственных советов, только несколько реформировав их организацию, хотя бы подобно тому, как это сделал «Гувуз» по отношению к подчиненным ему военно-учебным заведениям, где созданы отдельные контрольные и отдельные хозяйственные комиссии с более или менее определенно ограниченными функциями.

В заключение нам остается посвятить несколько строк

действующего «Положения» и высказать некоторые пожелания, которые были бы приняты во внимание при составлении нового «Положения», если таковое последует.

Ввиду того, что в ныне действующее «Положение» введен принцип выборности при замещении различных должностей, то для большей ясности редакции было бы не лишним в отдельных статьях определенно указать, какие именно должности замещаются властью командования, какие — путем избрания.

К 1-й категории, как это установлено нынешним «Положением», относятся: каптенармусы вещевой и оружейный, заведывающий продовольствием роты, ротный переписчик, в артиллерии и коннице — фуражир (статья 98). Относительно этих должностей, кроме фуражира, следует исправить кодификационный недосмотр. Ст. 16 «Положения» определяет, что «должностные хозяйственные лица», к каковым, согласно ст. 12, относятся все перечисленные нами (кроме фуражира) *избираются из состава роты помощником командира роты с согласия командира ее и представляются им на утверждение заведывающего хозяйством полка, который докладывает об этом командиру полка для об'явления в приказе по полку*". Между тем, ст. 57 Устава Внутренней службы гласит, что каптенармусы вещевой и оружейный и заведывающий продовольствием *„назначаются выборным порядком*". С точки зрения формального закона принято руководствоваться распоряжением, об'явленном в хронологическом порядке позднее. Устав Внутренней службы издан и об'явлен к руководству и исполнению в 1918 году, а «Положение» в 1919 году. Несомненно, что приоритет на стороне «Положения», но, во избежание произвольного толкования, случаи каковото нам известны, в новом издании следует об этом сделать соответствующую оговорку.

Указанная нами кодификационная несогласованность в известной степени относится вообще к перечисленным хозяйственным должностям. Ст. 4-я, определяющая обязанности помощника командира роты, говорит между прочим: «он (помощник командира роты) избирает с согласия ротного командира *кандидатов* на хозяйственные должности». Ст. 16-я, как мы уже цитировали выше, говорит: *„должностные хозяйственные лица* избираются из состава роты помощником командира роты с согласия командира ее" и т. д. Невольно

рождается вопрос — раз имеется согласие командира роты на избрание определенных лиц, то избираются кто-же? Кандидаты, или правомочные лица? Быть может нам на это могут возразить, что пока утверждение представляемых к определенному назначению лиц не оформлено приказом по полку, их следует считать кандидатами: такое возражение было бы правильно лишь в том случае, если бы власти, от коей зависит утверждение, представлялось на определенную должность несколько лиц, из которых можно было бы сделать выбор того или иного лица, но раз представляется только одно лицо, то ясно, что вводить случайный термин «кандидат» — значит затемнять истинный смысл закона и тем создавать вредный повод для его произвольного и распространительного толкования. Вот поэтому, возвращаясь к высказанному выше нами пожеланию, следовало бы, позволим себе повториться, в отдельной статье определенно указать, какие именно должности замещаются властью командования, какие-выборным порядком. Должности, относящиеся к 1-й категории, нами уже перечислены, что же касается 2-й, то к таковым относятся: члены контрольно-хозяйственного совета (ст. 5-я), повар и его помощник (ст. 21-я), взводные раздатчики (ст. 20-я), уполномоченный для получения корреспонденции и посылок (ст. 31-я), и лицо, уполномоченное вести хозяйство части роты, в случае слишком большого удаления от ротного двора (ст. 49 и 50).

Заканчивая на этом настоящую статью, мы позволим себе еще вкратце коснуться вопроса о ротной отчетности. Последняя слишком громоздка и обширна и некоторые ведомости без ущерба для дела могли бы быть исключены, как например, ведомость предметам вещевого довольствия, состоящим на руках у красноармейцев роты (ст. 66—форма № 12). Раз предметы вещевого довольствия с показанием их количества и времени выдачи заносятся в служебную книжку красноармейца, и, кроме того, ведется вообще книга вещевого довольствия, куда вносится весь приходо-расход по этому виду довольствия (ст. 64—форма № 11), то, мы полагали бы, что особой надобности в ведении этой ведомости нет. Кстати, заговорив о книге вещевого довольствия, не лишнее будет указать на еще одну незначительную кодификационную неточность: — ст. 64 говорит, что «книга вещевого довольствия выдается в роты *ежегодно* из хозяйственного управления полка» и т. д. — в пункте 2-м по-

яснения к этой книге, приложенного к форме № 11, указано: «книга выдается вещевому каптенармусу из хозяйственной части полка на *несколько лет*».

Подобная несогласованность повторяется также по отношению к листу о припасах. В названной статье указано:... «заведывающий продовольствием роты проставляет в соответствующей графе листа о припасах (форма № 8) число красноармейцев, состоящих на продовольствии в этот день, род приготовляемой пищи и количество припасов, вложенных в котел, а *дежурный по роте* скрепляет это своей подписью в последней графе этого листа». В форме последняя графа отведена для расписок *дежурного по кухне* и, с своей стороны, мы полагаем, что именно последнее лицо, как безотлучно находящееся на кухне, должно удостоверять в листе о припасах количество припасов, вкладываемых в котел, хотя ст. 350 Устава Внутренней службы относит эту обязанность также к дежурному по роте.

В «Положении о хозяйстве в роте», действовавшем в старой армии, была приложена инструкция о хлебопечении—думаем, что было бы крайне полезно сделать это и в нынешнем «Положения»; нередко бывают случаи, когда рота, находясь в отделе, может вести самостоятельно свое хозяйство, а местные условия предоставят возможность выпечки потребного количества хлеба,—весьма важно под рукой иметь соответственное для этой цели наставление. В неменьшей степени представляется необходимым приложить к «Положению» табели всех видов довольствия и содержания, установленных к отпуску красноармейцам—нынешнее «Положение» в этом смысле ограничивается общей фразой: «установленные соответствующими законоположениями оклады, нормы»—отчего-же не указать, какие именно оклады и нормы установлены для всех видов следуемого в роту довольствия и содержания? Вреда в этом не будет, а польза несомненна.

Позволяем себе выразить надежду, что высказанные нами соображения и выраженные пожелания найдут благожелательное внимание тех, кому об этом ведать надлежит.

ОБЗОР

боевых действий Кр. Армии.

Н. Какурин.

На пути к Варшаве.

(Боевые операции 10 стрелковой дивизии под Варшавой, в августе 1920 года, в связи с общей стратегической обстановкой на левом фланге XVI армии).

Введение.

Появившиеся до сих пор в специальной печати описания действий Красной Армии носят в большинстве общий характер, что вполне естественно, ибо в основание их положены оффициальные источники в виде директив и приказов и лаконический материал журналов военных действий и срочных донесений. Эти материалы дают лишь обобщающие выводы обозревателю, в силу чего тактический элемент либо совсем не освещается, либо затрагивается вскользь. Все вместе не дает возможности составить ясную и исчерпывающую картину того, как руководящая идея, изложенная в директиве или приказе высшего командования, претворяется в действительности в жизнь непосредственными исполнителями.

В тактическом отношении, таким образом, нам приходится при тех или иных выводах довольствоваться, главным образом, отчетами инспекций, которые имеют дело с войсками преимущественно на учении или на отдыхе и редко имеют возможность подойти вплотную к действительной боевой жизни войск. Между тем, знание как в действительности реагируют войска и их начальники на то или иное изменение боевой обстановки, на то или иное задание, выдвигаемое им этой обстановкой, знание той общей обстановки, в которой приходится в действительности работать и приводить свои решения командыванию, уже непосредственно имеющему дело с войсками—это знание нам необходимо для того, чтобы требования наши соответствовали силам и возможностям войск и отдельных исполнителей.

Детальное, по возможности, изучение отдельных тактических эпизодов дает нам богатый материл для поучительных выводов на будущее.

Не следует опасаться безбоязненно вскрывать свои ошибки и всесторонне анализировать их—следует помнить, что не ошибается только тот, кто ничего не делает и не надо забывать, что в тяжелой боевой обстановке, где не имеется много времени на предваритель-

ное размышление, требуется заранее правильно поставленный и достаточно развитой военный кругозор, чтобы принимаемое решение вполне соответствовало данной обстановке. А этим далеко не все обладают.

Предлагаемая статья, написанная на основании сохранившихся материалов и личных воспоминаний, является попыткой более детального изучения действий командывания и войск, главным образом, в тактической плоскости в современной маневренной войне. Вместе с тем я постараюсь установить, насколько в маневренной войне требования стратегии властно вторгаются в жизнь даже сравнительно некрупных войсковых соединений и требуют вдумчивого к себе отношения и всестороннего обсуждения при принятии того или иного решения, а следовательно насколько требуется ныне от начальника войсковой тактической самостоятельной единицы и широты кругозора, и специальной подготовки в тех, подчас крайне сложных и трудных условиях обстановки, которые только создаются в маневренной войне.

Более детальное изучение отдельных операций минувшей кампании даст нам не только поучительный и ценный материал в тактическом, но и в организационном отношении, укажет и выяснит нам некоторые практические методы вождения и управления войсками в условиях обстановки маневренной войны и нашей новой реорганизации.

Заранее оговариваюсь, пунктуальной точности во всех деталях, главным образом, по руководству боем дать не могу, ибо все записи моих распоряжений по телефону отдельным исполнителям в день боя под Варшавой 17 августа, к сожалению, погибли в период дальнейшего отступления; однако, общий смысл всех распоряжений и указаний, равным образом и приблизительное время их отдачи, сохранились в моей памяти достаточно хорошо.

I. Общая обстановка после форсирования реки Зап. Буг и действия XVI армии на путях к Варшаве.

После упорных боев с переменным успехом на реке Западный Буг, противник вынужден был начать отступление с этого рубежа в силу неблагоприятно сложившейся для него общей стратегической обстановки в общем направлении на следующий сильный оборонительный рубеж его — р. Вислу.

Более упорно задерживаясь перед правым флангом, противник сравнительно легко сдавал на остальном фронте XVI армии и, несмотря на форсированное преследование его нашими частями, ему удалось разорваться с нами и, прикрываясь арриергардами, беспрепятственно отойти к Варшаве.

Ряд чисто об'ективных признаков указывал, что отход этот совершился им преднамеренно, заблаговременно и в порядке.

Отсутствовали совершенно отсталые, бродячие люди и команды, что так характерно для вынужденного и трудного отступления. Со-

вершенно не попадались пленные, что указывало на сравнительно спокойное отступление даже арриергардов, не доводивших дело до упорного сопротивления. Нигде не было видно брошенных повозок, оставленного имущества, сожженных складов.

Переправившись через реку Западный Буг, утром 9 августа, 10 стрелковая дивизия, следуя в общем направлении на Корницу, Збучин, Вищнев, Куфлев, Ново-Минск, 12 августа, после незначительного сопротивления, овладела районом г. Ново-Минск и, тесня небольшие части противника, к вечеру 3 августа передовыми частями вошла в соприкосновение с последним, занимавшим плацдарм впереди Варшавы по правому берегу р. Вислы, причем на участке дивизии оборонительная линия противника, начинаясь восточнее м. Окунев, проходила западнее с. Длуга-Шляхетская и несколько восточнее с. Юзефы, далее шла через Коник Новый и селения Изабелла и Горашка на господский двор Вензовна, оттуда по рекам Меня и Свидер до впадения последнего в р. Вислу.

Попытки форсировать указанную оборонительную линию в течение дней 14 и 15 августа не дали желательных результатов. Противник оказывал стойкое сопротивление, короткими контр-ударами и, главным образом, сосредоточенным артиллерийским огнем, отбрасывая наши части, успевшие зацепиться за тот или иной участок его основной оборонительной линии.

Аналогичное явление наблюдалось на участках соседних дивизий.

Таким образом, значение боев на ближайших подступах к Варшаве в дни, предшествовавшие началу активного контр-маневра поляков, свелось для нас, в частности для 10 стр. дчвизии, к детальному ознакомлению со свойствами и устройством позиции противника и к определению в общих чертах его группировки на этой основной линии обороны.

Выяснилось, что позиция противника была усилена сплошными окопами полной профили с ходами сообщений и проволочными заграждениями местами в четыре—пять рядов кольев.

Противник непрерывно работал над усилением своей позиции, особенно проволочных заграждений.

Выяснилось также наличие в распоряжении противника значительных артиллерийских и технических средств. Наибольшее скопление артиллерии тяжелой и легкой наблюдалось в районе сел Милосна и Александров.

Железнодорожные линии и шоссе, проходившие через фронт позиции в направлении к Варшаве, охранялись бронепоездами, делавшими непрестанные попытки выйти из-за своего фронта и атаковать нас совместно с бронемашинами. На указанном участке позиции противника удалось зарегистрировать пленных 2-го запасного Познанского и части 66 и 63 пех. полков.

Оценка общей обстановки.

Сильный удар полученный поляками на Березине, их неудачные и упорные попытки зацепиться на линии реки Западный Буг и на ближних подступах к Бресту, отчаянный тон польских и заграничных газет, тревога почти во всех странах капиталистического мира о судьбах Польши, красной нитью проходившая и в иностранной прессе, наконец, разноречивые показания пленных и перебежчиков, единогласно, однако, сходившихся на утверждениях о крайнем моральном упадке и падении дисциплины в рядах польской армии, все это, конечно, было немаловажными данными для стратегии и требовало в связи с общей политической обстановкой возможно быстрых и энергичных действий в целях скорейшей ликвидации одним решительным ударом затянувшейся войны и окончательного разгрома польской армии.

Но вся эта обстановка обещала успех лишь при одном условии— стремительного и безостановочного наступления нашей армии.

По мере продвижения нашего вперед, в пределы Польши, выгоды морального перевеса и численного превосходства, чем мы были особенно сильны в начале кампании, естественно должны были уменьшаться с нашей стороны и увеличиваться со стороны нашего противника, сближавшегося со своей базой и перешедшего яко-бы к оборонительной войне за свою территорию. Для малосознательных масс польского населения и армии, подогретых искусною и разносторонней пропагандою, этот фактор должен был сыграть немаловажную роль.

Таким образом, соотношение моральных и материальных сил обеих сторон все более и более приходило к состоянию неустойчивого равновесия и всякое нарушение этого равновесия могло уже повлиять на дальнейший ход кампании, по крайней мере на ближайший период времени. Естественно, что поляки, осадившие вплотную на свой тыл и на свои источники пополнения, могли скорее расчитывать на благоприятное для них изменение обстановки в этом отношении, чем мы, значительно оторвавшиеся от своей базы и источников пополнения.

Самым неблагоприятным для нас фактором, в случае вынужденной остановки, являлась крайняя малочисленность частей, делавшая их тактическими единицами лишь по названию, а не по сути.

Достаточно сказать, что число штыков в полках моей дивизии колебалось в круглых цифрах от 160 до 250, нигде не превосходя последней цифры. Если это обстоятельство и было допустимо при условии обладания нами в полной мере инициативой, то малейшая остановка или перерыв в действиях сразу же отдавали все преимущества в руки противника, ибо при переходе к обороне боевой порядок дивизии, в лучшем случае, мог изобразить лишь жиденькую цепочку сторожевого охранения, с ничтожной силой огневого сопротивления на каждом выбранном противником для удара пункте и с

невозможностью маневрировать из-за отсутствия для этой цели необходимого количества живой маневренной силы.

Каждый бой с сопряженными с ним неизбежными потерями, вне зависимости от его исхода, грозил окончательно свести на нет удобоуправляемость и маневренную гибкость наших частей из-за полного почти исчезновения в них живой силы. Естественно, что сохранившиеся в частях пулеметы и артиллерия, при таком ничтожном количестве штыков, превосходили уже всякие, наиболее широко допускаемые теорией военного дела, нормы, а следовательно до известной степени обременяли командование, а не облегчали его задачу. Нечего, конечно, говорить об обозах, численность и разнородный состав которых еще более были огромны и несообразны с наличием действительной боевой силы.

Все эти данные всеми своими отрицательными сторонами в полной мере отразились бы на нас в случае перехода инициативы в руки противника.

В своем стремительном движении вперед армии западного фронта, оставив на уступе сзади юго-западный фронт, вплотную почти подошли к линии р. Вислы; слабенькая количественно Мозырская группа, растянувшись цепочкой, связывала оба фронта. Так, по крайней мере, рисовалась тогда мне, как начальнику дивизии, общая стратегическая обстановка. Общее положение сторон несколько напоминало обстановку в начале кампании 1914 года, с тою разницею, что центр тяжести нашей группировки был отнесен к правому флангу и армии шли прямо на запад. Зная, что высший польский генеральный штаб является воспитанником и наследником австрийского генерального штаба и, зная, что целые поколения офицеров австрийского генерального штаба воспитались на изучении Брестского направления, как решительно выходящего в тыл всему нашему прежнему Варшавскому передовому театру, я сильно опасался, чтобы поляки не воспользовались этим направлением для активного маневра во фланг и на сообщения XVI армии, сбив слабые и растянутые части Мозырской группы. Этот маневр давал им такие выгоды, что его стоило бы попробовать. Но интуитивные предположения начальника дивизии в современной войне имеют место лишь в очень ограниченных и исключительных случаях совершенно самостоятельных действий отдельной дивизии, поэтому приходилось лишь ожидать дальнейшего развития событий и, по возможности, готовиться к ним.

Как единственную предупредительную меру в этом отношении, я мог избрать—и избрал—возможно полное эшелонирование в глубину моего тыла, не подтягивая громоздких обозов II разряда на уставную дистанцию, а ставя их в районе Вишнев, Збучин (южнее Седлеца).

Очевидно и высшее командование вполне учитывало возможность активного маневра противника в вышеуказанном мною и наиболее опасном для XVI армии направлении. Согласно директивы Команд-

запа, вверенная мне дивизия должна была растянуться сильно к югу, сменив 8 стр. дивизию на участке Карчев, Магнушев. 8 стр. дивизия должна была сосредоточиться в районе г. Лукова и поступить в резерв фронта. Указанная перегруппировка должна была быть произведена в течение 17 и 18 августа.

Однако, события разыгрались ранее, чем указанная перегруппировка могла осуществиться и противник упредил наши намерения.

II. Начало контр-маневра польской армии.

Как выше уже указывалось, польская армия, потрепанная и морально и материально, быстро оторвавшись от преследовавшей ее Красной Армии и не цепляясь во что бы то ни стало за территорию, отошла на сильную оборонительную линию р. Вислы и под прикрытие верков старых русских крепостей по этой реке.

Здесь она пополнилась, оправилась, отдохнула от непосредственных впечатлений боя и успела спокойно перегруппироваться для новых боевых операций.

По утверждению самих поляков, к началу своего наступления им удалось сосредочить на всем русском фронте до 10 свежих дивизий. Ясно, что даже и не вполне укомплектованные дивизии эти настолько увеличили силы противника, что уже сами по себе они в значительной мере склонили чашу весов на сторону противника, а искусное введение их в дело еще более увеличило их удельный вес.

Последние перегруппировки XVI армии перед началом польского контр-наступления, имели целью сосредоточение значительного кулака на ее правом фланге, на кратчайших подступах к Варшаве, с целью штурма последней. Ту же цель преследовал повидимому и противник, готовя свой удар против левого фланга и в охват тыла XVI армии.

Если бы мы успели, как и предполагалось, своевременно вывести во фронтовой резерв 8 стр. дивизию, то такое распределение сил со слабым центром и сильно растянутым левым флангом не являлось бы особенно рискованным, ибо 8 стр. дивизия, активно маневрируя, воспрепятствовала бы хоть временно противнику использовать для себя все выгоды такого положения. Но, если бы противник упредил нас в своем маневре, или же атаковал нас до завершения сосредоточения 8 стр. дивизии в указанном районе, как это случилось, то такое положение армии грозило ей весьма тяжелыми последствиями.

Как теперь стало известно, польское командование некоторое время колебалось между планом французского генерала Вегана, предлагавшего отойти за р. Вислу и принять бой на переправах через эту реку, активно маневрируя из тет-де понов у Ново-Георгиевска, Варшавы и Ивангорода и планом, приписываемым маршалу Пилсудскому к

предусматривавшем нанесение главного удара с фронта Люблин Ивангород в общем направлении на Брест.

Последнее мнение восторжествовало, а с утра 16 августа противник перешел в наступление против частей Мозырской группы.

III. Расположение частей 10 стр. дивизии накануне боя под Варшавой. Последние директивы и распоряжения командарма XVI. Распоряжения по дивизии. Обстановка на фронте 8 и 10 стр. дивизий.

Ввиду ограниченности времени и необходимости срочно выполнить смену 8 стр. давизии, мною, не дожидаясь смены моего правофлангового участка частями 17 стр. дивизии, согласно директивы командарма за за № 517/к, в течение ночи с 16 на 17 августа, приказано было произвести частичную перегруппировку на фронте дивизии. Цель этой перегруппировки заключалась в том, чтобы уже с рассвета 17 августа иметь в своем распоряжении свободные войска, которыми я мог бы в первую очередь сменить ближайшую ко мне бригаду (22 стр.)—8 стр. дивизии в районе пос. Карчев.

Мой оперативный приказ № 097/г указывал комбригу 29 в ночь с 16 на 17 августа сменить своим резервным полком правофланговые части 28 стр. бригады на участке от ст. Вензовна включительно, до устья р. Меня. По смене же частей 30 и 29 бригад частями 17 стр. дивизии, 29 стр. бригаде указывалось занять участок с. Борышев (исключительно)—устье р. Меня (включительно), имея ввиду в дальнейшем наступление на Александровск.

Комбригу 28 стр. бригады, по смене его правофланговых частей частями 29 стр. бригады, приказано было занять участок от устья р. Меня (исключительно) до устья р. Свидер (включительно), имея в виду в дальнейшем наступление в связи с 29 стр. бригадой, в общем направлении на Блота.

Имеющийся полк резерва, не дожидаясь конца смены,—направить в п. Карчев, для смены 22 стр. бригады. Полк этот должен был, находясь в п. Карчев, наблюдать за р. Вислой на участке от устья р. Свидер до с. Надбжеж (включительно) и не расходоваться без моего разрешения. Наконец, комбригу 30 стр. бриг. было приказано, не дожидаясь смены его бригады частями 17 стр. дивизии, полк своего резерва (90 стр.) с наступлением темноты в ночь с 16 на 17 августа перевести в с. Мальцанов в мой резерв, где полк этот должен был дождаться сосредоточения всей 30 стр. бригады и следовать вместе с нею на смену частей 8 стр. дивизии, либо по условиям обстановки мог быть двинут для этой же цели и не дожидаясь сосредоточения всей бригады.

В дальнейшем, приказ давал указания о продолжении перегруппировки на 17 число и указывал общую ближайшую цель действий дивизии, заключавшуюся, согласно директивы Командарма (№ 517/к)

в содействии правым флангом дивизии общему наступлению армии на Варшаву и намечал новую перегруппировку артиллерии.

Я выше уже указывал причины, заставлявшие меня особенно внимательно относиться ко всяким изменениям в обстановке на фронте моей соседки слева—8 стр. дивизии, поэтому поддержка связи с ее командыванием не только технической, но и живой, вызывала мою исключительную заботливость.

Все мои распоряжения и действия находились в первый период начала боя в тесной, причинной связи с обстановкой на фронте этой дивизии, пока противник давал мне к этому возможность.

В течение дня 16 августа, противник на участке моей дивизии вел себя спокойно, однако около 16 часов он, при поддержке бронепоезда, выбил было из дач Отводск эскадрон 10 кавполка, но положение там было скоро восстановлено. Под вечер же противник более значительными силами атаковал 30 стр. бригаду, но атака эта была отбита.

В 17-м часу дня начальник 8-й стр. дивизии (ныне покойный) тов. Рябинин по телефону сообщил мне, что м. Гарволин в расположении 8 кавполка занято, повидимому, партизанами. Желая возможно полнее осветить себе обстановку, я тотчас же командировал в Штаб 8-й стр. дивизии, не дожидаясь донесений от бывшего у меня там для связи тов. Баумгартена, еще одного из помнаштадивов ген. штаба тов. Парма. Последний вернулся из штаба 8-й стр. дивизии около полуночи, доложив мне, что на его взгляд обстановка на участке 8-й стр. дивизии более серьезна, чем это первонально рисовалось начдиву 8. Его мнение подтвердило мои прежние предположения. Вызвав вторично к телефону тов. Рябинина, я узнал от него, что атака на Гарволин, предпринятая 72 стр. полком, окончилась неудачей и что с рассветом для той же цели он собирается ввести в дело всю 24 бригаду. Далее он сообщил мне, что части Мозырской группы, повидимому, совсем рассеялись и из его тона, как и всегда спокойного и сдержанного, я вынес впечатление, что события, предшествовавшие занятию противником м. Гарволин были полной неожиданностью не только для 8-й стр. дивизии, но, повидимому, и для Мозырской группы.

Мои предположения оправдывались. В полночь с 16 на 17 августа мне стало ясно, что мы имеем дело с новым активным маневром противника в самом опасном для нас направлении, принимая во внимание раброску и численную слабость частей 8-й стр. дивизии; положение этой дивизии было тяжелое уже потому, что противнику всецело удалось использовать элемент внезапности. По этою ночью я еще не предполагал, что маневр противника будет так глубок и обширен и цели им себе поставленные так решительны. Мне казалось первоначально, что мы имеем дело с одной лишь маневренной группой противника со стороны Ивангородского плацдарма, задавшейся ограниченной целью помешать активным действиям XVI армии против Варшавы.

Во всяком случае, на мой взгляд, обстановка была очень серьезная, наше стратегическое положение неблагоприятное и требовались решительные меры и определенное решение, вызывающее коренную перегруппировку дивизий XVI армии. Однако, положение начальника дивизии, еще непосредственно не атакованной, не давало мне ни нравственного, ни служебного права непосредственно бить тревогу в армии. Я осведомился только у начдива 8: сообщена ли им вся обстановка в армию и получил от него утвердительный ответ.

Оценивая создавшуюся обстановку, я не сомневался, что 17 августа и мне придется принять бой и при этом в трудных условиях. Не было не только оснований прекращать начавшуюся ночью частичную перегруппировку дивизии, но наоборот, она как раз соответствовала именно теперь новой обозначавшейся обстановке, ибо давала возможность в кратчайший срок освободить для начдива 8 части его дивизии для активного контр-маневра. Единственное отступление, которое я сделал, это было разрешение командиру 30 стр. бригады временно, на ночь, оставить в его распоряжении 90 стр. полк, впредь до выяснения обстановки, ибо он опасался ночной атаки противника. Кроме того, необходимы были меры и чисто предупредительного характера на случай всевозможных неожиданностей.

Поэтому, тотчас же после разговора с тов. Рябининым, я отдал приказание: командиру 28 стр. бригады всемерно ускорить на рассвете смену частей 22 стр. бригады в районе пос. Карчев, направив туда для этой цели первоначально 10 кавполк, находившийся в его распоряжении. Начальнику артиллерии было приказано, чтобы головвзводы артиллерийского и ружейного парков, пополнив немедленно войсковые запасы, отошли ночью же на меридиан Ново-Минска и с рассветом безостановочно двигались дальше за новыми пополнениями.

Обозам II разряда дивизии, группировавшимся в районе Вишнев-Збучин, приказано было итти с рассветом в район с. Дрогичин. Последняя мера имела целью не только разгрузить свою коммуникационную линию, но и подготовить себе новую, на случай захвата прежней противником.

Все лишние повозки и учреждения, находившиеся при полевом штабе, были немедленно отправлены. Вполне понятно, что о последних двух мерах войска дивизии временно в известность поставлены не были.

Меня сильно беспокоил район Ново-Минска. Зная пристрастие наших обозов и тыловых учреждений к большим узловым пунктам и часто наблюдающуюся у нас привычку, особенно обозных частей, вылезать из своих разграничительных линий, я боялся перегруженности этого последнего. В частности, меня тревожило наличие в ближайших окрестностях г. Ново-Минска ударной артиллерийской группы, приданной 17 стр. дивизии. Зная, что группа эта не имеет снарядов, зная, что и наша дивизионная артиллерия с трудом регулярно и в достаточном количестве питается ими, я считал бесполез-

ным присутствие столь громоздкой группы в столь близком тылу, совершенно неоправдываемое обстановкой и опасное для группы в случае неблагоприятно сложившейся для нас боевой обстановки.

Кроме того, наши пехотные части, как я указывал, были настолько малочисленны, что и имеющаяся у нас дивизионная артиллерия в пропорциональном отношении превосходила все допускаемые в этом отношении теорией военного дела нормы.

Привычку таскать за собой артиллерию в излишнем против потребности, вызываемой обстановкой, количестве, не считаясь с тем, может ли она по количеству имеющихся в ее распоряжении огнеприпасов быть действительной участницей боя или только лишь бесполезной зрительницей его, я об'ясняю тем обстоятельством, что мы привыкли уже слишком буквально исполнять все указания инструкций и уставов о том, что вся наличная артиллерия должна, по возможности, принимать участие в бою. Если мы фактически не могли поставить ее на позицию, то мы во всяком случае держали ее пришитой к ближайшим окрестностям боя—в силу непонятных для меня совершенно причин, или из ложной боязни ответственности, опасаясь оторвать ее от войск и поставить ее в тылу. В этом отношении чрезвычайно характерен случившийся во время дальнейшего нашего отступления на р. Западный Буг факт, когда один из младших войсковых начальников, собрав около себя сборную группу штыков в 100 и решив с ними оборонять р. Буг, задержал при этой группе 14 легких и тяжелых орудий. В результате группа все-таки разбежалась, а большая часть орудий погибла.

Итак, имея ввиду все указанное, я тогда же приказал командиру 10 инж. баталиона тов. Суботину, который вместе с баталионом только что прибыл в г. Ново-Минск и был там мною временно оставлен за начальника гарнизона, приготовиться к возможной необходимости энергично поддерживать порядок в Ново-Минске, регулировать движение обозов, подготовить переезды и дороги, изучить пути через город и пр. Все эти распоряжения заняли у меня почти всю ночь. В 6 часов 17 августа я еще раз вызвал к телефону начдива 8, чтобы осведомиться у него об обстановке; он сообщил мне, что сведений о 24 бригаде у него нет, что 23 бригада находится по его сведениям в районе с. Любица, но что в районе с. Суфчин уже в ближайших окрестностях своего штаба он слышит сильную ружейную и пулеметную стрельбу. У меня сложилось впечатление, что события на фронте 8 стр. дивизии нарастают с быстротой, которую трудно было даже предугадать и что обстановка в которой находятся 24 и возможно 23 стр. бригады, по крайней мере загадочна. Однако я считал, что в руках начдива находится еще 23 стр. бригада, что не позднее полудня он сможет получить в свое распоряжение 22 стр. бригаду, смененную частями моей дивизии и никак не расчитывал на ту скоротечность, которую в действительности приняли события на участке 8 стр. дивизии.

Тем временем, части вверенной мне дивизии продолжали указанную перегруппировку и к рассвету 17 августа выполнили указанные им передвижения без помех со стороны противника.

Общая оценка обстановки.

Выше мной указывалось, что общая стратегическая обстановка в полном ее размере и об'еме не может быть известна начальнику дивизии. Главным образом, он не может быть в курсе всей совокупности мотивов и предположений командования армии, тех подчас сложных причин характера не только стратегического, но и политического, которые влияют на окончательное принятие решения; не знает он также в большинстве случаев и обстановки на фронтах соседних армий, с которой армейскому командованию в значительной мере приходится считаться при принятии тех или иных решений.

Поэтому, все изложенное ниже пишется не с целью критики кого-либо или осуждения чьих-либо действий, а с целью только наиболее яркого доказательства той истины, что в период напряженной и трудной обстановки события часто упреждают решения. Приказы запаздывают и являются уже не отвечающими обстановке.

В настоящий момент у меня под руками находится директива Командарма XVI° № 520/к. Сейчас я не помню, была ли эта директива получена мною и доложена мне в день боя 17 Августа. Во всяком случае твердо помню, что утром 17 Августа я ее еще не знал, ибо и до полудня еще не имел представления о ширине фронта наступления противника.

Вот эта директива:

„Высоко-Литовск 17/VIII 20, 6 час. 00 мин.

С утра 16/VIII противник перешел в наступление против Мозырской группы, ударом с реки Вепржа; в северном направлении противник отбросил 57 дивизию к востоку за г. Радин, заняв Желихов, Адамов и Радин. Конница противника с броневиками заняла г. Гарволин. Штадив 57 перешел в Луков. На участке третьей армии в общем без перемен. Командзап приказал передать 8 стр. дивизию с полдня 18 августа в резерв фронта и сосредоточить ее в районе Лукова; связь со Штазапом держать через Штарм 16. Приказываю: 1) Начдиву 8 с утра 17 августа, исполняя ранее данные указания, перейти в наступление силами не менее бригады на Гарволин от Осецка и Колбель, разбить находящегося в этом районе неприятеля, отбросив его к югу, овладеть к исходу 17 августа районом Ласкаржев, Желихов, обеспечивая этим себе выход остальными частями дивизии первоначально в район Сточек, а затем, по обстановке, и на Луков. 2) Начдиву 10-ускорить смену частей 8 дивизии, вернув Начдиву 8 Кавполк 8 дивизии. Получении сего донести“. Далее следуют подписи и отметка о передаче директивы в 10 ч. 26 м. 17 августа. Обращаясь к расчету времени и пространства и анализируя задачу, выпадающую на 8 стр

дивизию, необходимо констатировать следующее. Дивизия должна была сосредоточиться, подтянув к себе 22 стр. бригаду. Одной стрелковой бригадой она должна была атаковать противника у Гарволина, сбить его и, преследуя, занять фронт Ласкаржев-Желихов. Для указанной цели бригада в течение дня с боем должна была проделать переход от 25 до 30 верст, считая по полету птицы и в конце концов занять фронт в 20 в., считая опять таки только по полету птицы. Естественно, что даже не учитывая совсем злой и противодействующей нам воли противника, задача эта сама по себе едва ли могла бы быть исполнена ранее исхода 17 августа.

Остальным бригадам дивизии надлежало сделать также переход около 30 в. до Сточека, причем накануне и, примерно, по моим расчетам, между 12 и 16 часами, противник, находившийся в Желихове, был от этого пункта всего верстах в 17, т. е. вдвое почти ближе.

Таким образом, при условии продолжения своего движения безостановочно, а не было основания предполагать противное, неприятель безусловно упреждал главные силы 8 стр. дивизии в Сточеке на следующий день, а следовательно достижение 8 стр. дивизией поставленной ей задачи на 18 августа ставилось в зависимость от исхода для 8 стр. дивизии боя, в который она неминуемо должна была ввязаться всеми своими силами 17 августа. Следовательно, высшее командование не могло уже смотреть на эту дивизию, как на маневренно свободную, как на резерв, еще не связанный волей противника и вполне готовый для проведения всех решений и планов командования в жизнь. Необходимо было значит искать других решений, которые радикально могли бы или изменить обстановку в нашу пользу, или же изменить неблагоприятное для нас стратегическое положение. Действительно, уже 16 августа противник был ближе к важному узлу железных и шоссейных дорог, г. Седлецу, лежавшему непосредственно в нашем тылу, чем мы к нему. Итак, только свободные, сильные резервы, при этом маневрирующие из глубины и примерно во фланг обозначавшемуся общему фронту польского наступления, могли обеспечить для нас радикальное изменение в обстановке. Если их не было под руками и в наличности, то следовало уже искать другого решения—исправлять свое невыгодное стратегическое положение. Таковым решением по создавшейся обстановке могло быть единственно перемена фронта XVI армии на юго-запад, что могло быть достигнуто началом отхода ее из под Варшавы не позднее вечера 16 августа за реку Ливец. Такое решение и было принято, но уже поздно и под давлением противника, было навязано ими нам, а не добровольно принято нами и поэтому не дало всех желательных результатов. Уклоняясь от боя 17 августа в крайне невыгодной для нас обстановке, мы, начав движение с вечера 16 августа, еще днем 17 августа могли отойти за указанный рубеж без помехи со стороны противника, ибо, как показали дальнейшие события, лишь вечером 17 августа передовые части противника вошли в

Схема
расположения частей
10 стр. дивизии к утру
17 августа и к 24 час.
с 17го на 18 августа 20г.
Условные знаки
Красные войска к утру 17 авг.
к 24 час. 17-18 ав.
Линия польских войск
Масштаб
НОВО-МИНСКЪ
89 полк
88 полк
85 полка
86 полка
87 полк.
84 полк
83 полк
82 полк
10 к. п.
90 п.
88 п.
86 п.
85 п.
83 п.
82 п.
89 полк
5 б-рея
6 б-рея
10 гауб. д-он
42 п. б-рея
4 б-рея
3 б-рея
б-рея 6 г.
Шт. 30 бр
Шт 10 д
Шт. 29 бр
Шт 28 бр
Окунев
Длуга Шляхетская
Длуга Косцельна
Ценцива
Порембы
Цыганка
Борек
Чарна
Мистов
Якубов
Длуска
Бржуза
Недзялка
Каралина
Янов
Осины
Кошувка
Стоядла
Хросля
Александрувка
Демба-Велька
Коберне
Вельголяс
Духнов
Голица
Борышев
Горашка
Изабела
Милосна
Александров
Гурки
Руда
Коцица
Пенцлин
Порембы
Переславль
Кощая
Подрудзе
Кендзерек
Тарток
Замене
Ендженик
Мальцанов
Вулька Млендзка
Глинянка
Ржахта
Юзефов
Воля Корчевска
Сверк
Отвоцк
Погожин
Острова
Добржин вел.
Рудаенко
Олексин
Семпохов
Рудно
п. Колбель
п. Карчев
Погоржель
Войцехов
Крживаца
Ленкавица
Эглехов
Пясечно
Сиодло
п. Сенница
Тыборов
Вицеюв

гор. Седлец, но при этом в распоряжении командования армией оставалась бы большей частью не введенная в бой 8 стр. и совершенно целая 10 стр. дивизия.

В дальнейшем и вся армия могла бы отойти за линию р. Буг в состоянии удобоуправляемом и боеспособном, не втягиваясь в решительный бой до тех пор, пока обстановка не дала бы нам возможности принять его в благоприятных для нас условиях.

Это решение требовало от нас временного пожертвования территорией и, может быть, значительной, но на войне вообще, а в маневременной особенно, принцип сохранения территории должен всегда уступать место принципу сохранения боеспособности армии и способности ее к маневрированию. Этот последний, для полного своего осуществления, как необходимого условия требует для армии, уклоняющейся от боя, решительного оторвания ее от наседающего противника, дабы обеспечить себе необходимую свободу перегруппировок вне зависимости от злой воли противника. Войска, втянутые в бой, фиксируются противником в том месте, где этого хочет противник и оказываются не в состоянии выполнить в большинстве случаев приказов своего командования о новой перегруппировке, прежде чем они фактически не выйдут из боя. Обстановка в дни 18, 19 и 20 августа на фронте XVI армии, когда мы пытались совершить наши перегруппировки и создать себе резервы последовательной рокировкой вдоль фронта и попыткой втягивать части резервов в непосредственном соприкосновении с противником, показала нам, что эти резервы, не успев сосредоточиться, втягивались в бой в направлениях и непредвиденных и нежелательных для высшего командования.

Впрочем, последнее не входит уже в рамки настоящей статьи, а потому перехожу после этого невольного отступления в область чисто стратегических рассуждений, опять к своей теме.

IV. Расположение частей 10 стр. дивизии к утру 17 августа, состав дивизии, описание участка занятого дивизией, новые данные в обстановке. Положение на участке 8 и 10 стр. дивизий. Оценка обстановки. Принятое решение. Завязка боя на фронте 10стр. дивизии и бой на фронте 30 и 29 стр. бригад.

К утру 17 августа части 10 стр. дивиз. располагались следующим образом:

30 стр. бригада: 89 и 88 стр. полками занимала участок: Кладбище, что в 3/4 в. севернее с. Длуга Косцельна, с. Длуга Косцельна Будка, что южнее буквы „С“ надписи Скруда, шоссе Ново-Минск—, Варшава включительно. Вправо была связь с частями 51 стр. бригады, влево с частями 29 стр. бригады.

90 стр. полк—див. резерв временно находился в с. Александрувка.

Общее протяжение участка было 4 версты.

Артиллерия бригады располагалась: 5 легкая батарея у с. Циссе и 6 легкая батарея у ф. Бжезины. Кроме того, на участке бригады стояла группа тяжелой артиллерии дивизии, непосредственное руководство которой было возложено мною на командира 10 гауб. дивизиона тов. Белавенцева.

Группа эта располагалась:

10 гауб. дивизион занимал позицию на восточной окраине с. Вельголяс. 42 линейная батарея стояла на шоссе у костела с. Дембе-Вельке. Батарея 6" гаубиц, за отсутствием для нее пока подходящих целей, стояла в резерве в с. Хощувка.

Задачей этой группы была, главным образом, борьба с артиллерией противника в районе с. с. Милоска, Янунек, его бронепоездами и бронемашинами, скопление которых наблюдалось постоянно на участке 30 стр. бригады и поддержка, в случае необходимости, 29 стр. бригады.

Штаб 30 стр. бригады располагался в с. Дембе-Вельке.

29 бригада располагалась следующим образом:

85 и 86 стр. п-ки каждый одним баталионом занимали фронт: баталион 85 стр. п-ка от Ново-Минского шоссе исключительно через отметку 54, что 2а. северо-западнее с. Духнов, восточная опушка леса, что в 1 в. северо-зап. с. Духнов включительно; число штыков этого баталиона было 147; баталион 86 стр. п-ка, силою 158 штыков занимал участок от восточной окраины с. Борышев до Аннополь включительно. В полковых резервах были: б-н 85 стр. п-ка в с. Духнов, силою 179 штыков—он же и участковый резерв и баталион 86 стр. п-ка в районе с. Голица.

87 стр. полк производил смену 82 стр. полка на участке с. Вензовна включительно, устье р. Свидер включительно, очевидно запоздав выполнить эту смену в течение ночи.

Общее протяжение участка бригады было 8 верст.

Артиллерия бригады располагалась: 4 легкая батарея в 1/2 в. юго-восточнее с. Концк и 3 легкая батарея в одной версте северо-западнее с. Пенцлин. Штаб 29 стр. бригады занимал ф. Тереславль. 28 стр. бригада одним полком—84 стр. бриг. занимала участок от устья р. Меня до устья р. Свидер. 82 стр. полк, заканчивая смену, сосредотачивался в с. Рудка, откуда он около 10 час. выступил в посад Карчев для смены 22 стр. бригады, куда и прибыл около 13 часов. 83 стр. полк сосредоточивался в бригадный резерв в с. Яблонна.

10 Кавполк получил приказание тотчас по подходе 82 стр. полка к району п. Карчев следовать кратчайшим путем в мой резерв в с. Руда, но впоследствии, в силу полной невыясненности обстановки на участке 8 стр. дивизии, я оставил его в подчинении командира 28 стр. бригады в районе с. Погожин для охраны левого фланга и тыла 28 стр. бригады и для разведок на юг и юго-восток. Численность пол-

ка не превышала 60—70 сабель, ибо один эскадрон еще не успел прийти из Мозырской группы, а пол-эскадрона было при мне.

Общее протяжение фронта 28 стр. бригады было 8 верст.

Штаб бригады располагался в с. Мальцанов. Штаб 10 стр. дивизии с полуэскадроном каралерийского полка находился в госп. дворе Руда. Общая численность дивизии в круглых цифрах не превосходила 2500 штыков, 160 сабель, при 71 пулемете, 16 легких, 3 тяжелых орудиях и 4 полевых гаубицах (см. схему).

Более детально численность дивизии по бригадам указана мною на прилагаемой схеме, причем цифр о 30 стр. бригаде у меня не имеется точных; но приблизительно они указаны верно.*)

28 стр. бриг.				29 стр. бриг.				30 стр. бриг.			
82 п.	83 п.	84 п.	94/614	85 п.	86 п.	87 п.	63/551	88 п.	89 п.	90 п.	?/1032
Ф—26.				Ф—25.				Ф—18.			

К моменту начала боя под Варшавой, вверенная мне дивизия располагалась большею частью своих сил в охватывающем ее треугольнике железных дорог: Варшава—Ново-Минск, Ново-Минск—Пилява и Варшава—Пилява. Треугольник шоссе, как бы вписанный в первый, соединял на участке дивизии с. Милосна с посадом Колбель, этот последний с г. Ново-Минском и Ново-Минск с Милосной. Я потому начинаю описание участка с путей, а не с местности, что в современной войне, а особенно маневренной, в равнинных местностях Европы главное значение принадлежит, по моему, путям, их начертанию, системе и свойствам; они являются осями вероятного развития более значительных операций. В дальнейшем я придаю значение местности в отношении тех укрытий, которые она представляет войскам и ограниченности или обширности кругозора; рельеф, если он не особенно характерен и реки, если они не особенно значительны, при состоянии нашей техники и огневой, и инженерной имеют лишь второстепенное значение для боевых операций.

Итак, местность внутри указанного треугольника, не представляя никаких особенностей в отношении рельефа, имела в общем равнинный и закрытый характер, вследствие обилия лесных площадей Внутри шоссейного треугольника лес, разреженный полями, вырубками, просеками, но всетаки имевший в общем сплошной характер, тянулся от Ново-Минска к Вензовне и Млендзу полосою шириной в 4—5 в. Южнее шоссе Милосна-Колбель, лес приобретал еще более сплошной характер—деревни, с окружающими их полями, являлись как бы оазисами в этом лесу. Наконец, линия занятая польской позицией также прикрывалась рощами и перелесками и кроме того имела хорошо маскированный лесом тыл, особенно в районе своего правого фланга.

---

*) **Примечание:** числитель—строевой комсостав, знаменатель—штыки.

Равнинно-лесистый характер местности затруднял управление войсками, требовал от младших начальников большой инициативы, хорошего тактического кругозора, а главное—уменья держать свои части в руках; он же стеснял деятельность артиллерии, главным образом, в отношении выбора подходящих наблюдательных пунктов; несколько лучше в этом отношении были условия в районе шоссе Варшава—Ново-Минск.

Хорошим, сравнительно, наблюдательным пунктом, в отношении преимущественно дальнего обзора, была колокольня Дембе-Вельского костела,—служившая кроме того хорошим ориентировочным пунктом. С этой колокольни открывались, даже в неясную погоду, крыши, башни и колокольни Варшавы. Там был оборудован один из наблюдательных пунктов тяжелой артиллерийской группы, там же находился и мой наблюдательный пункт.

На участке дивизии, в силу соображений приведенных выше, находились, таким образом, три важнейших направления, которые могли послужить осями развития операций противника более крупными силами. Направления эти были: шоссе Варшава—Ново-Минск, шоссе Милосна—Колбель, железнодорожная линия Варшава-Пилява. Два последние я считал менее опасными, ибо они в конечном результате не выводили к важным стратегически для противника об'ектам, первое же представлялось мне важнейшим для меня и для противника, ибо выводило к узлу дорог—г. Ново-Минску, лежавшему кроме того в ближайшем расстоянии от противника; занятие этого узла ставило в очень трудное положение 28 и 29 стр. бригады, ибо угрожало их сообщениям. Кроме того, все указанные направления давали противнику в полной мере использовать сильные технические средства, бывшие в его распоряжении, в виде бронепоездов, бронемашин и танков. Опять таки Ново-Минское направление и в этом отношении являлось важнейшим, ибо давало возможность всестороннего использования этих средств, благодаря наличию в непосредственной близости друг от друга и шоссе, и железной дороги. Это же направление и для противника, по моим соображениям, было немаловажно, а следовательно должно было быть более сильно обеспечено, ибо было кратчайшим и удобнейшим с участка дивизии в отношении к Варшаве.

На основании изложенных соображений, я обеспечивал Ново-Минское направление компактным, сравнительно, расположением на нем самой сильной своей бригады—30 стрелковой и всей тяжелой артиллерии дивизии.

Обращаясь к оценке занятого участка, необходимо отметить, что он по своему протяжению совершенно не соответствовал тому количеству штыков, которыми я располагал; 16 верстный фронт, который мне предстояло не только наблюдать и охранять, но и оборонять при условии ввода в дело всех сил дивизии, мог быть занят только 2500 штыков. Фактически, конечно, при завязке боя количество штыков было еще меньше. Как я уже указывал, 29 стр. бригада для обо-

роны 4-х верстного и неблагоприятного вследствие закрытого характера местности участка, выделила только 305 штыков, оставляя примерно то же количество в частных и полковых резервах. В таком же положении, примерно, было дело и на участках других бригад. Ясно, что при таком положении дела боевой порядок дивизии, в сущности, должен бы представить собой лишь сторожевое охранение, да и то вдвое более растянутое против установленных норм.

Естественно, что необходимо было прийти на помощь войскам инженерными средствами обороны, но только 16 августа войска окончательно установились на позициях и с этого же времени было приступлено к инженерному усилению позиций. Командиру инженерного баталиона я приказал произвести рекогносцировку второй линии обороны на фронте Дембе-Вельке, ф. Тереславль, Ржахта, Добржин-Вел., р. Свидер и приступить к ее укреплению, но противник не дал нам привести этого намерения в исполнение.

С целью воспрепятствовать противнику безнаказанно использовать шоссе и железную дорогу для своих целей, я приказал произвести временную порчу железных дорог в пределах участка дивизии, минировать мосты и сооружения и завалить шоссе баррикадами из бревен. Последнюю меру я считал наиболее действительной на случай попыток бронемашин и танков проникнуть в наше расположение, ибо практикуемые обычно способы порчи шоссе, в виде его перекапывания и уничтожения небольших мостиков являются обыкновенно чрезвычайно скоро исправимыми. Особенно солидные баррикады были сооружены на шоссе, на участке 30 стр. бригады. Как показали дальнейшие события, эти баррикады были настолько солидны, что задержали движение неприятельских танков, пытавшихся продвинуться по Ново-Минскому шоссе и заставили их избрать другой маршрут.

Утро 17 августа на фронте 10 стр. дивизии началось усиленной канонадой противника по всему фронту. В 9 час. 30 м. утра ко мне в полевой штаб прибыл помощник начальника штаба 8 стр. дивизии ген. штаба Прохоров, с запиской начальника 8 стр. дивизии на имя командующего XVI армией, с просьбой передать эту записку по нашему аппарату в штаб армии. К сожалению, оригинал записки погиб вместе с частью моего штабного обоза на переправах через р. Западный Буг, но содержание ее в общем я хорошо помню, за исключением часа, которым она была подписана (если не ошибаюсь она была помечена 8 часами). В этой записке начдив 8 ставил в известность штаб армии, что его дивизия, как управляемая единица уже исчезла и что он теперь принимает лишь меры к спасению и выводу обозов, сохранившейся артиллерии и отдельных войсковых частей, оставшихся от его дивизии и сам со штабом переезжает в Ново-Минск. Действительно, с раннего утра 17 августа непрерывная вереница обозов, отдельных всадников, небольших команд, с тонув-

шей местами в этой общей массе артиллерией, тянулась по шоссе и ближайшим дорогам от Колбеля к Ново-Минску.

Я тотчас же лично вызвал к аппарату начальника оперативного управления XVI армии тов. Варфоломеева, передал ему эту записку, прибавив от себя, что общая обстановка такова, что требует немедленного принятия решения и отдачи определенных приказаний.

Итак, уже в 10 час утра для меня было совершенно ясно, что моя дивизия остается с совершенно обнаженным левым флангом. Правда, была надежда, что части 23 стр. и 22 стр. бригад смогут, конечно, не остановить, но задержать напор противника до получения новых указаний от штаба армии, или до наступления темноты. Как ни опасно было положение дивизии, я не считал себя вправе немедленно отдавать какие бы то ни было приказания об отходе, хотя бы частичном, ибо это поставило бы уже в совершенно безвыходное положение остатки 8 стр. дивизии, ее обозы и часть оставшейся артиллерии.

Во имя выручки соседей, я решил пожертвовать своим левым флангом — 28 стр. бригадой, удерживая занятое мною положение до тех пор, пока к этому представлялась хоть какая-нибудь возможность.

Детально ориентировав в обстановке командира 28 стр. бригады, я приказал ему кавалерийским полком вести усиленную разведку и наблюдение за Колбелем и районом к югу от него, по возможности держать связь с 22 стр. бригадой и иметь наготове свои резервы на случай появления противника на фланге или в тылу у него.

В дальнейшем изложении мне приходится базироваться и на свою память, и на имеющиеся реляции бригад и полков. Последний материал не может быть безусловно принят на веру. Описания составлены на спех и в них замечается несогласованность во времени, особенно это относится к описаниям боев, составленным 29 стр. бригадой; я склоняюсь больше к основным донесениям командиров полков этой бригады, которые и совпадают вполне с моими воспоминаниями о событиях.

Между 9 и 10 часами, противник, по словесному донесению командира 30 стр. бригады, вновь пытался перейти в наступление на участок 30 стр. бригады, но попытка эта была отбита.

В 13 час. он повел уже серьезное наступление, после предварительной артиллерийской подготовки, на 30 и 29 стр. бригады. Главный удар был, повидимому, направлен на левый фланг 30 стр. бригады вдоль Новоминского шоссе и на стык между 30 и 29 стр. бригадами. Эта атака была поддержана танками и бронемашинами, причем танки, не будучи в состоянии преодолеть баррикад воздвигнутых на шоссе, спустились с него и двинулись полем, угрожая охватить правый фланг 85 стр. полка. Главный натиск пришлось выдержать 88 стр. полку, который и начал осаживать на ф. Бжезины.

Командир 29 стр. бригады приказал своему участковому резерву, баталиону 85 стр. полка, атаковать противника во фланг от

с. Духнов, в общем направлении на ф. Бжезины, но 85 стр. полк одновременно почти с этими событиями на фронте 30 стр. бригады, был сам атакован, так же как и 86 стр. полк. Пользуясь растянутым положением и ничтожным количеством штыков 85 стр. полка, противник прорвал его расположение и силами до 500 штыков пробился до самого с. Духнов. 86 стр. полк, атакованный одновременно с этим противником при поддержке огня тяжелой и легкой артиллерии, не удержался и, понеся значительные потери, отошел к с. Пенплин.

Все указанные события произошли между 13 и 14 часами. Таким образом, к этому времени бой на фронте дивизии уже завязался полностью на участках 30 и 29 стр. бригад, причем на фронте этих бригад противник ввел, во всяком случае, превосходящие их силы, при этом поддержанные значительной артиллерией и сильными техническими средствами в виде бронепоездов, танков и бронемашин.

Действительно, канонада все разгоралась и все приближалась к штабу дивизии. Наша артиллерия, бедная снарядами, не могла оказывать достаточного отпора артиллерии противника, обильно снабженной ими.

Около того же времени, не могу только теперь припомнить из какого, но достаточно достоверного источника, я получил сведения о занятии пос. Колбеля и Сенницы противником.

Итак, к 14 часам обе моих правофланговых бригады уже ввязались в серьезный бой на своем фронте, а положение 28 стр. бригады, хотя еще непосредственно не атакованной, тем не менее внушало самые серьезные опасения.

Занятие противником пос. Колбеля приводило меня к заключению, что наступление противника на участке 8 стр. дивизии продолжает развиваться, очевидно встречая все меньшее сопротивление, а следовательно в связи с этим и возникает уже непосредственная угроза моему тылу. Для меня уже определились главные оси наступления противника—это были шоссе Варшава—Ново-Минск и шоссе Колбель—Ново Минск. Оба эти направления, идя к общему для них об'екту—г. Ново-Минску, как бы в клещи брали мою дивизию. Одновременно с этим сильный бой разгорался и на фронте соседней справа 17 стр. дивизии.

Дальнейшее промедление не вызывалось и не оправдывалось обстановкой.

Около 14 часов я вновь вызвал начальника оперативного управления XVI армии, сообщив ему обстановку, я уведомил его, что обстановка на участке 8 стр. дивизии, в связи с занятием противником пос. Колбель, вынуждает меня самого принять те меры, которые диктуются обстановкой, не дожидаясь общего приказа.

Связь с бригадами у меня работала все время исправно. Примерно с полудня порвалась и долго не налаживалась связь с 17 стр. дивизией. Телефонно-телеграфной связи с пос. Колбелем, что впрочем вполне понятно, не было уже с 9 часов.

Тут сказалась общая наша бедность иными средствами связи, кроме технических, столь необходимыми в условиях маневренной войны. Я не мог расходовать тех 30—40 сабель, которые были в моем распоряжении, не зная еще какую обстановку готовит мне вечер, а между тем, при более обильном в моем распоряжении количестве конницы, не на измотанных лошадях, конечно, можно и должно было сейчас же осветить свой левый фланг и тыл и постараться найти и войти в связь с частями 8-й стр. дивизии, которые могли еще находиться в районе пос. Колбель.

Между 14 и 15 часами я, предварительно ориентировав командиров бригад в общей обстановке, отдал им следующие приказания: Командиру 30 стр. бригады, которому был передан 90 стр. полк из дивизионного резерва, равно как и командиру 29 стр. бригады, было приказано, упорно задерживаясь на всяком подходящем рубеже и всемерно поддерживая связь между собою и соседями, под натиском противника постепенно осаживать на линию Хощувка, Хросля, Коцак, Подрудзе, Замене.

Командиру 28 стр. бригады я приказал временно, прикрываясь с фронта 84 стр. полком и постепенно загибая левый фланг этого полка в направлении на Отвоцк-Яблонна, остальные два полка бригады и 10 кав. полк сосредоточить в районе с. Глина-Остров и отсюда либо оказать содействие частям 8 стр. дивизии в районе посада Колбель, если бы удалось установить с ними связь и выяснить, что они еще находятся в районе пос. Колбель (я считал, что согласно предположения начальника 8 стр. дивизии—22 стр. бригада должна будет атаковать п. Колбель с запада, примерно из района с. Домбровки и, кроме того, где нибудь севернее Колбеля должны находиться части 23 стр. бригады. В таком случае действия 28 стр. бригады по шоссе Варшава-Колбель были бы как нельзя более уместны; эта бригада установила бы тесную связь между 22 и 23 стр. бригадой и всем им возможно удалось бы восстановить фронт и задержать наступление противника. В противном случае командиру 28 стр. бригады приказывалось, двигаясь в направлении на с. Добржин-Велький атаковать во фланг противника, наступающего по шоссе Колбель—Ново-Минск, имея в дальнейшем общее направление на Миканов; в районе Замене—Миканов искать соединения с главными силами дивизии.

Места штабов бригад намечались: 29 и 30— Ново-Минск, 28—ф. Тереславль. Последняя должна была держать связь со мною через штаб 29 бригады в Ново-Минске. Для штаба дивизии намечен был ф. Осины в 1 $^1/_2$ в. от г. Ново-Минска на Седлецком шоссе.

Постоянно меняющаяся обстановка и быстро назревающие события маневренного боя, при невозможности с желательной быстротой налаживать техническую связь и крайняя необходимость, особенно в данной обстановке, поддерживать связь с бригадами, вынудила меня

прибегнуть к такому способу, как расположение двух штабов бригад в одном пункте, при непосредственном соседстве третьего.

Бой связанный с постоянным занятием новых позиций, ничтожное количество огнестрельных припасов в распоряжении тяжелой и гаубичной артиллерии, в связи с общей малочисленностью пехоты делавшей ее и без того уже перегруженной артиллерией, не вызывали необходимости по обстановке присутствия в дальнейшем тяжелой и гаубичной артиллерии на поле сражения. Поэтому начальнику артиллерии было приказано снять тяжелую и гаубичную артиллерию с позиции и общей колонной, под прикрытием инженерного баталиона и под начальством командира 10 гауб. дивизиона тов. Белавенцева, направить ее в район г. Венгрова. Ему же приказано было регулировать и направлять движение артиллерийского и ружейного парков согласно дальнейших указаний начальника артиллерии, причем особое внимание было обращено на поддержание между ними тесной взаимной связи при помощи конных ординарцев.

Все указанные распоряжения и соображения заняли времени около часа, но к 15 часам уже все командиры бригад были вполне осведомлены в обстановке и успели получить последние указания.

В начале 16 часа я приказал начальнику штаба дивизии тов. Кангелари отправиться в район ф. Осины, проследить за скорейшим прохождением через Ново-Минск обозов и артиллерии и наладить связь из ф. Осины и с г. Ново-Минском, и со штабом армии.

Между тем боевые события на фронте 29 и 30 стр. бригад продолжали развиваться. Развивая достигнутый успех на левом фланге 30 и на фронте 29 стр. бригады, противник оттеснил левый фланг 88 стр. полка к с. Вельголяс, а правый фланг 85 стр. полка к с. Конц; в окрестностях этих двух селений оба полка восстановили между собою связь.

Командир 30 стр. бригады развернул 90 стр. полк на западной окраине с. Дембе-Вельке в виде опоры для отходящих частей бригады, ибо 89 стр. полк в связи с отходом соседа также должен был осадить на линию с. Цисее.

Броневой поезд противника, исправляя поврежденный путь, медленно продвигался вперед, беря под фланговый огонь части 29 и 30 стр. бригад и сильно затрудняя их положение. Постепенно отходя назад, но не теряя порядка, части 30 стр. бригады отходили на западную окраину с. Дембе—Вельке, а части 29 стр. бригады на фронт с. с. Гурки, Порембы.

В начале 17 часа снаряды тяжелой артиллерии противника начали ложиться в окрестностях г. двора Руда, где еще оставались я, комиссар дивизии и два генштабиста: Ковшов, (ныне тоже покойный) и Парм. Последнего я направил к командиру 28 стр. бригады, как бывшего в курсе всех моих распоряжений и знавшего точно причины, чем каждое из них было вызвано. Кроме того я считал, что задача выпадавшая на командира 27 стр. бригады была наиболее

трудной и ответственной, почему я находил не бесполезным придать ему лицо генерального штаба. Полевая артиллерия дивизии в это время уже снималась с позиции, отходя на тыловые позиции. Задерживать долее телефонно-телеграфную связь на г. дворе Руда являлось бесцельным и, уведомив своих комбригов об отбытии в новое место расположения штаба, мы отбыли в район ф. Осины, куда и прибыли в начале 18 часа. Все Седлецкое шоссе от Ново-Минска было запружено обозами и артиллерией. В отличном порядке и спокойно проходили батареи ударной артиллерийской группы; в воздухе реяли многочисленные самолеты противника, временами сбрасывавшие бомбы на обозы и обстреливавшие их из пулеметов, но особой паники это не вызывало. На западной окраине с. Осины я встретил своего начальника штаба, который доложил мне, что связь с Ново-Минском уже установлена; от него я узнал, что огромное большинство обозов 8 и 57 стр. дивизий, равно как и части артиллерии, уже прошли шоссе Колбель—Ново-Минск; в г. Ново-Минске ему удалось войти в связь со штабом 17 стр. дивизии, ориентировать его в обстановке и от него получить сведения о том, что получен приказ по армии об отходе на линию р. Муховка—Ливенец. Одновременно он сообщил мне, что по сведениям от начальника штаба 8 стр. дивизии пос. Цеглов занят противником в невыясненных силах; для проверки этого сведения мною немедленно был выслан инструкторский раз'езд из бывшего при мне полу-эскадрона, другой раз'езд направлен был для освещения местности в район с. Меня, госп. двор. Меня. Около 15 часов полки 30 и 29 стр. бригад устроились на линии Циссе, Александрувка, Дембе-Вельке, Гурки, Порембы, однако и на этой линии противнику удалось вскоре сбить их и части 30 стр. бригады отошли на линию: ф. Олесин-Велький, ф. Остров,-Каня, Коберне, Хросля; 85 стр. полк—29 бригады к 17 часам занял позицию по западной и юго-западной опушке леса, что в ¼ в. севернее с. Подрудзе; отход 85 стр. полка совершался при более трудных условиях; отходя на с. Пенцлин, полк встретил там уже противника, так что вынужден был пробиваться, на это ушло около двух часов времени; потеряв до 75 стрелков и один разбитый пулемет, 86 стр. полк к 19 часам подтянулся к с. Подрудзе.

87 стр. полк во время начала отхода бригады оторвался от нее и, по всей вероятности, погиб, окруженный противником, ибо до сих пор нет никого из участников, кто бы мог пролить свет на последние минуты полка. Я лично рисую себе картину так, что у полка испортилась техническая связь и командование полка своевременно не заменило или не смогло заменить ее живой ординарческой и войсковой связью со штабом бригады и соседями. Полк, потеряв связь со своей бригадой, мог бы во всяком случае соединиться с 28 стр. бригадой, которая в это время еще не испытывала непосредственного на себя нажима противника и, если не весь, то по крайней мере его остатки могли бы выйти вместе с остатками 28 стр. бригады.

28 стр. бригада за описанный промежуток времени приступила к перегруппировке, согласно отданного мною распоряжения, для движения в район с. Добржин-Велький. За все это время противник на фронте бригады ограничивался лишь канонадой против 84 стр. полка.

В дальнейшем, бои бригад по своей обстановке вылились в боевые отдельные эпизоды, почему они мною будут рассмотрены уже в отдельности. Все эпизоды, которые теперь удалось расположить в порядке времени их возникновения на основании сопоставления целого ряда донесений и показаний отдельных участников боя, тогда не могли быть, конечно, известны ни мне, ни даже командирам бригад. Чувствовалась только общая картина боя; она мне рисовалась так: 30 стр. брагада, несмотря на упорный и непрекращающийся натиск врага, была еще вполне удобоуправляема и боеспособна; она, несмотря на большие потери, отходила от рубежа к рубежу, задерживалась на них и оказывала сопротивление противнику; связь со всеми полками равно как и со штабом дивизии, поддерживалась командиром бригады.

Примерно в таком же положении, но несколько худшем, была 29 стр. бригада, ибо командир бригады уже некоторое время не чувствовал связи со своим 87 стр. полком. Наконец, не возникало сомнений, что 28 стр. бригада, не скованная противником на своем фронте, успеет занять указанное ей новое исходное положение и совокупным ударом всех своих сил в указанном направлении сумеет присоединиться к главным силам дивизии.

Но не следовало упускать из виду, что мог наступить предельный момент упругости и сопротивляемости частей. Части, малочисленные в начале боя, успели уже понести крупные потери. Достаточно вспомнить, что 86 стр. полк, выбивая противника из с. Пенцлин, понес потери в 75 человек, т. е. около 30% общего количества своих штыков, не превышавшего 252.

Естественно, что фронт бригад в силу этих обстоятельств все более и более разрывался; боевой порядок и без того жидкий в начале боя еще более разжижался; — части, чтобы сохранить управление, должны были поневоле сокращать фронт, а это неминуемо вело к разрывам боевого порядка, куда все время устремлялся противник.

Указания, полученные из штаба 17 дивизии и самая обстановка требовали уже нового очередного решения от командования дивизией, дабы сохранить управление в своих руках, не взирая ни на какие обстоятельства.

Подобно тому, как в начале боя я не мог решиться на значительный отход, спасая свои части, но оставляя на произвол судьбы остатки 8 стр. дивизии и обнажая фланг соседней справа 17 стр. дивизии, так и теперь, руководя отступлением 30 и 29 стр. бригад, я непрестанно должен был иметь ввиду свою 28 стр. бригаду; чем дальше от нее оторвались бы 29 и 30 стр. бригады, тем труднее было бы ей выполнить ее основную задачу и вообще тем положение ее стало бы

хуже. Кроме того, ближайший тыл дивизии все еще был загроможден обозами, шедшими уже в два ряда, и необходимо было опять-таки дать возможность всем им вытянуться из ближайших окрестностей г. Ново-Минска. В силу всего изложенного, я опять таки решил весьма постепенно, по крайней мере в течение 17 августа, осаживать на указанный армейской директивой рубеж, тем более, что близился вечер, с наступлением которого бой должен был стихнуть.

Поэтому в 18 часов 30 м. я отдал приказ своим бригадам № 098/г, в котором указывалось: вечером 17 августа арьергардам дивизии задержаться на линии Ново-Минск—Миканов, имея боковой арьергард от 28 стр. бригады в районе с. Россош.

Главным силам 30 стр. бригады для ночлега указывался район Недзялка, со штабом в Якубове, 29 стр. бригаде—Игнацев со штабом в этом же пункте, 28 стр. бригаде—район Мепе-Цеглов, со штабом в Тыборове. Ночлег полевого штаба дивизии был назначен в с. Вежбно.

Расположением 28 стр. бригады с двумя арьергардами я предусматривал на следующий день возможность и необходимость для нее действий не только на юго-запад, но и на юг, на случай, весьма вероятный, если бы противник начал резать путь отступления дивизии с юга.

Эта бригада, по моим предположениям, с утра 18 августа должна была выполнить трудную задачу обеспечения отступления всей дивизии в условиях флангового ее марша по отношению к противнику, наступающему с юга.

В дальнейшем, мой приказ предусматривал выход дивизии к вечеру 18 августа в районы: 30 стр. бригада—Пежухлы, Зайонц, Пачоски; 29 стр. бригада в район Макободы-Бале, и 28 стр. бригада в район Седлец-Ягодне. Оговариваюсь, что приказ этот писался мною до получения подробной директивы из армии, которая намечала иные районы для расположения бригад.

Имея в виду уже выше мною указанную обстановку, т. е. угрозы в виду противника и с тыла и с фланга, я озаботился перевести обозы II разряда в район: Венгров, Соколов, Островск.

В 19 часов этот приказ был разослан. Между 19—20 час., ближе к 20 часам, снаряды противника начали ложиться в окрестностях с. Осины, а значительно увеличившиеся в числе аэропланы начали осыпать бомбами и пулеметным огнем обозы, двигавшиеся по шоссе. Началась паника; обозы на рысях пошли по шоссе, подымая клубы пыли. Кононада с небес была настолько значительна, что даже в моем штабе насчитывалось два раненых осколками бомб. Косвенная польза всей этой канонады заключалась в том, что она заставила обозы поторопиться со своим движением и действительно, примерно через час после ее начала, последние хвосты обозов отошли от Ново-Минска и совершенно очистили шоссе.

Причины обстрела с. Осины артиллерийским огнем некоторое время были для меня непонятны: по моим расчетам наши войска,

должны были быть впереди г. Ново-Минска и артиллерия противника не могла еще на такую близкую дистанцию переменить своих позиций.

Оставалось одно предположение—о действиях бронированного поезда, и так оно в действительности и случилось. Около 20 час. бронированный поезд противника с дессантом, сбив наш караул на железнодорожном мосту и не дав времени подрывной команде взорвать мост, подошел к ст. Ново-Минск и открыл огонь по городу и по внутренним флангам 30 и 29 стр. бригад.

Результатом появления броневого поезда в окрестностях Ново-Минска был окончательный разрыв боевого порядка 30 и 29 стр. бригад.

Как уже указывалось выше, примерно между 19 и 20 часами боевой фронт 30 и 29 стр. бригад проходил по линии с. с. Олесин-Вельний, Коберне, Кощак, Подрудзе, Замене. Натиск противника не останавливался, а занятие бронепоездом противника с дессантом ст. Ново-Минск еще более ухудшало положение обеих бригад.

В дальнейшем полки, в силу своей крайней малочисленности, уже потеряли связь между собой по фронту и бой начал носить эпизодический характер, отдельный для каждого из полков.

89 стр. полк—правофланговый 30 стр. бригады—ходом вещей был более привязан к левому флангу 17 стр. дивизии; отходя с последним, этот полк, очевидно в связи с действиями левофланговой бригады 17 стр. дивизии, будучи выбит с фронта ф. Олесин-Вельний, ф. Остров-Каня—Коберне,—после 19 часов произвел контр-атаку, захватив пленных 15 Познанского полка, но вторично был сбит противником и отошел к с. Рысе, откуда, вновь вступив в связь с командиром бригады и получив от него указания через д. Цыганка, отошел на позицию к с. Борек, откуда уже поздно ночью присоединился к главным силам своей бригады в районе с. Якубов.

88 и 90 стр. полки к исходу дня задержались на линии Каралина—с. Осины. Поздно ночью штаб бригады вошел вновь в связь со всеми своими полками.

С 29 стр. бригадой дело обстояло хуже.

85 стр. полк, к 17 час., заняв позицию по опушке леса, что $^1/_4$ в. севернее с. Подрудзе, около 18 часов снялся с позиции без непосредственного нажима противника, получив сведение о занятии противником г. Ново-Минска в то время, когда 86 стр. полк еще подтягивался к с. Подрудзе. Реляция 29 стр. бригады о бое 17 августа не указывает, к сожалению, источников получения этих сведений. Сопоставляя время в которое противник начал обстрел шоссе Ново-Минск—Седлец и то обстоятельство, что оба штаба бригад были еще в Ново-Минске, я считаю, что сведение это безусловно не отвечало действительности, не было проверено, и командир 85 стр. полка совершенно неосновательно начал отводить свой полк, ставя в трудное положение соседний с ним 86 стр. полк.

85 стр. полк, очевидно уклоняясь от возможной встречи с противником, взял направление лесом на колонию Мариянки, где встретился с частями 23 стр. бригады (67 стр. полк и саперная рота 23 стр. бригады). Вместе с ними он следовал на с. Божа Воля и Пясечно, куда и прибыл к 24 часам.

Час спустя после отхода 85 стр. полка из района с. Подрудзе, туда прибыл 86 стр. полк. Здесь полк занял позицию по указанию генштаба тов. Парма, выставив сторожевое охранение на юг по шоссе Ново-Минск—Колбель.

Однако, в 19 часов 50 мин. противник вновь начал теснить этот полк, который с обнаженными флангами не мог уже долго удерживаться и начал отходить к г. Ново-Минску. Встреченный на этот раз уже действительно противником в районе последнего, около 21 часа, полк вынужден был изменить свой маршрут по обстоятельствам от него независящим, и пробиваясь через окружавшего его противника двинулся на с. Тартак, где был в 3 часа 18 августа, и далее на с. Пясечно куда прибыл в 9 часов 18 августа. Преждевременный отход 85 стр. полка вырвал совершенно из рук командования 29 стр. бригады управление ее полками, ибо ни 85, ни 86 стр. полки не получили приказания командира бригады, отправленного им в 20 часов из Ново-Минска, с указанием отойти в связи с 30 стр. бригадой и, в случае не прекращающегося натиска противника,—на линию Осины, Буды, Герченцке, госп. двор Меня.

Ординарец посланный с приказом не мог проскакать по дороге Ново-Минск—Подрудзе, а ординарцы посланные в об'езд были уже обстреляны противником.

Артиллерия 29 стр. бригады, отходя вместе с полками, сначала располагалась в районе с. Кендзерек, а потом перешла восточнее г. Ново-Минска и под вечер двинулась по Седлецкому шоссе на Калушин, откуда свернула на Мокободы—Соколов.

Все эти обстоятельства во всех подробностях стали известны уже позднее; когда командир 29 стр. бригады поздно вечером в с Якубове докладывал мне обстановку, он считал факт, осуществление коего ожидалось им,—за совершившийся, именно,—что приказание отданное им в 20 часов из Ново-Минска уже получено его полками и с минуты на минуту ожидал выхода своих полков на указанную им линию; ни гибель 87 стр. полка, ни преждевременный отход 85 стр. полка в произвольном направлении ему еще тогда известны не были. В 21 час, удостоверившись в том, что приказ мой № 098/г получен обоими командирами бригад и, приказав командиру 29 стр. бригады принять все меры к доставлению этого приказа командиру 28 стр. бригады, я покинул с. Осины и через с. с. Янов, Игнацев, Бржезовка отправился в с. Якубов. По дороге в. Игнацев я встретил штаб 8 стр. дивизии и точно ориентировал начдива 8 как в обстановке на фронте моей дивизии, так и о принятом мною решении; он сообщил мне, что переедет в м. Калушин, в окрестностях этого местечка по-

старается собрать сколько удастся из частей своей дивизии, и вместе с ними примкнет к левому флангу моей дивизии южнее Седлеца. Около 23 часов я прибыл в с. Якубов, куда начали уже подходить части, собираемые в резерв командиром 30 стр. бригады. Уже темнело и замирали последние отзвуки боя на подступах к Варшаве.

Вернулись мои раз'езды из района Меня и Цеглов и донесли, что последние были под вечер еще свободны от противника.

Бой 30 и 29 стр. бригад после полудня 17 августа позволяет сделать уже некоторые тактические выводы.

Выводы.

Почти до вечера 17 августа я вполне определенно, если так можно выразиться, чувствовал пульс боя на фронте обеих бригад.

До 15 часов командование обеих бригад было достаточно своевременно осведомлено об обстановке на фронте своих полков, своевременно ставило меня в известность об изменениях в обстановке, получало и отдавало распоряжения.

Командование 30 стр. бригадой сохранило управление в руках до самого конца боя 17 августа.

Командование 29 стр. бригадой, правда по причинам от него независящим всецело, фактически к тому времени выпустило совсем управление из своих рук. Одной из причин, и немаловажных к этому, я считаю, что по мере усложнения обстановки, по мере накопления тяжелых переживаний боя, в общей обстановке среди которой пришлось действовать частям, начали играть роль и элементы чисто индивидуальных свойств отдельных начальников, и степень их предшествующей выучки и дисциплинированности, Конечно, главной причиной потери управления командыванием 29 стр. бригады является, как я уже и выше указывал, преждевременный отход 85 стр. полка.

Бой 17 августа обеих бригад приводит к заключению, что управление войсками в трудных условиях маневренного боя требует больших и чисто практических навыков от высшего командования. Строить все свои предположения исключительно на технической связи нельзя: в маневренном бою она, во первых, оказывается и слишком хрупкой, и кроме того не всегда успевают ее навести там, где нужно.

Эту связь необходимо дублировать, а иногда и просто заменять живой связью на мотоциклах и конной; недостаточно, чтобы последняя шла сверху вниз. Каждый начальник должен быть приучен, как только обстановка усложняется, автоматически устанавливать связь и снизу вверх. Многие наши начальники последнего правила еще никак не могут переварить и считают вполне возможным во всех обстоятельствах ожидать, пока высший штаб не установит сам с ними связи.

В последнем случае особенно тягостно сказалась поразительная бедность живыми средствами связи наших штабов, дивизий и бригад в минувшую летнюю кампанию. Считаю, что одной из причин гибели 87 стр. полка были именно два вышеуказанных мною обстоятельства.

Этот-же бой показывает нам, как по мере затруднения и перерывов в управлении для каждого отдельного начальника все в большем и большем размере возникает необходимость правильно разбираться в обстановке, беря ее в общем широком масштабе.

Если-бы командир 85 стр. полка всесторонне обсудил обстановку в общем масштабе, он вспомнил бы, что его преждевременный отход, без предуждения командования бригады и соседа слева, ставит в тяжелое положение последнего и что если узел дорог в тылу его действительно занят противником, то более шансов на успех пробиться из охватывающего кольца было бы вместе с 86 стр. полком, а не по одиночке.

Учитывая общую обстановку ему, миновав г. Ново-Минск, следовало во всяком случае искать свою дивизию и свои части в северо-восточном направлении, стремясь вновь выйти на Седлецкое шоссе, а не двигаться по линии наименьшего сопротивления на с. Пясечно.

Если мы строго разбираем действия командования и отдельных начальников, то одна справедливость заставляет нас здесь сказать несколько слов об устойчивости проявленной войсками в бою 17 августа.

Голословные утверждения о том, что такая-то и такая-то часть мужественно, самоотверженно дралась столько-то и столько-то раз отбивая яростные атаки противника будут, конечно, не убедительны для историка. Я остановлюсь на фактах и цифрах и вкратце напомню основные фазисы боя:

Утром 17 августа мой штаб располагался в 8 верстах от передовых цепей. С 9 часов противник начал напирать на наше расположение и лишь в 17-ом часу я перенес место расположения штаба, когда цепи противника были от него еще в 2-3 верстах. Таким образом, за 7 часов упорного боя противник выиграл у нас всего верст 5 или 6, имея ввиду то обстоятельство, что дивизия дралась в совершенно ненормальных тактических условиях, имея вместо боевого порядка в сущности лишь жиденькую цепочку сторожевого охранения.

Что бой был действительно упорным, свидетельствуют потери: как уже говорилось 86 стр. полк при обратном взятии одной лишь деревни Пенцлин понес до 30% потерь; естественно, что к концу боя эта цифра должна была еще увеличиться.

Прочие полки дивизии действовали в общем одинаково и, примерно, в одинаково трудных условиях; не будет ошибкой считать, что дивизия за время боя понесла от 30 до 40% потерь убитыми и ранеными.

Мне могут сделать упрек, что в течение боя штаб трижды менял место своего расположения. Но это вполне понятно в быстро

меняющихся условиях маневременного боя, требовавших возможно более непосредственного участия в руководстве войсками.

Последнее особенно важно в условиях трудного маневренного боя, когда события накапливаются с такой быстротой, что часто самый факт их совершения как бы упреждает даже донесения о них по телефонному проводу, а следовательно в обстановке необходима своевременная, по возможности, о них осведомленность, дабы распоряжения высшего командования в свою очередь были своевременны и соответствовали обстановке.

Обстановка на участке 28 стр. бригады после полудня 17 августа. Попытка прорыва 28 стр. бригады. Оценка и выводы. Общее положение на участке дивизии к 24 часам 17 Августа.

По условиям создавшейся обстановки и особому заданию полученному этой бригадой последняя находилась в период боя 17 августа в условиях отличных от двух соседних бригад дивизии и действия ея не находились в тактической связи с ними.

Поэтому, ее действия носили обособленный характер, что дало возможность отложить описание их под конец, не нарушая цельности описания боя на фронте 2 и 30 стр. бригад.

В начале 15 часа командир 28 стр. бригады получил мое приказание, приведенное подробно выше, о сосредоточении его главных сил в районе Погожин—Остров, с целью дальнейших действий либо в связи с частями 8 стр. дивизии в районе Колбеля, оказывая им поддержку, либо с целью прорыва в общем направлении на Миканов, для присоединения к главным силам дивизии. Одновременно ему по телефону-же была сообщена лично мною ориентировка о положении на фронте 30 и 29 стр. бригад и, примерно, рубежи, на которые последовательно будут отводиться бригады в случае дальнейшего на них натиска противника и невозможности удерживать его.

Все дальнейшее мое изложение основывается на подлинных документах в виде реляций о боевых действиях полков 28 стр. бригады и протоколах следственной комиссии XVI армии, расследовавшей причины гибели пулеметов и орудий в частях XVI армии за период нашего отступления от Варшавы, ибо прямой связи с командованием 28 стр. бригады я не имел с 16 часов 17 августа почти до конца всей Варшавской операции. Подлинные документы грешат многими упущениями. Про многое существенно важное там либо совсем не упоминается, либо об этом можно судить вскользь. Представление о действиях командования бригадой можно составить не по донесению самого командования, а сопоставляя подлинные реляции командиров полков и на основании их делая выводы.

На основании этих документов картина действий 28 стр. бригады в бою 17 августа рисуется так: получив задание, командир 28 стр. бригады отправил в тыл, в пос. Цеглов, часть своих обозов и большую часть сотрудников своего штаба вместе с начальником штаба; вместе с ними отправлена была и 2-я батарея 1-го легкого

артиллерийского дивизиона, которая и прибыла благополучно в Цеглов к 24 часам 17 августа.

Дальнейшие действия 28 стр. бригады не носят единого, цельного характера, а сводятся к боям отдельных полков, почему и будут описываться в порядке вступления того или иного полка в бой.

Первым получил приказание начальник бригадного резерва командир 83 стр. полка в с. Яблонна.

Около 13 или 14 часов, говорит командир полка в своем кратком описании действий своего полка, а я полагаю, что после 14 и ближе к 15 часам, полк получил приказание от командира бригады по телефону в самом спешном порядке двигаться на с. Порембы, отправив обозы в Цеглов и ориентировку о занятии противником м. Колбель.

Получив это приказание полк спешно выступил на с. Глинянка, где вновь получил приказание от командира бригады остановиться и задерживать противника, чтобы дать возможность 82 и 84 стр. полкам пройти с артиллерией. С 83 стр. полком следовала и первая батарея 1-го легкого артиллерийского дивизиона в составе 2-х орудий. Командир полка приказал этой батарее стать на позицию восточнее с. Ржахта.

Сам командир полка поехал в с. Ржахта к командиру бригады с целью осведомиться об обстановке и получить дальнейшие указания. Командир полка имел в это время сведения, что 24 и 23 стр. бригады удерживались на фронте Семпохов-Олексин, отражая наступление противника; к сожалению, он совсем не указывает каким путем было получено это сведение. В с. Ржахта командир бригады приказал полку следовать на с. Замене. В подлинном донесении командира 83 стр. полка имеется указание, что командир бригады в с. Ржахта давал указания и полкам 29 стр. бригады, очевидно 87 стр. полку, оторвавшемуся от своей бригады, но дальнейших указаний о судьбе 87 стр. полка мне найти нигде не удалось.

Следуя на с. Замене 83 стр. полк с батареей пришел около 17 часов в с. Ржахта; здесь к командиру полка прискакал разведчик первой батареи и доложил, что в тылу (?) по направлению на Юзефов и Замене идет сильная ружейная и артиллерийская перестрелка; одновременно командир полка получил ряд „частных" сведений от разбежавшихся обозных, местных жителей и проч., что Ново-Минск занят противником (как мы видим выше, в действительности это событие совершилось часа на 4 позднее). Только тогда командир полка выслал вперед разведку на с. Юзефов. Только на основании звуков стрельбы командир полка вывел определенное заключение, что противник движется от Колбеля на Ново-Минск, а от Ново-Минска навстречу на Колбель, дабы отрезать полку путь отступления и послал соответствующее донесение командиру бригады.

Последний тотчас прибыл к полку, который в это время подходил к с. Юзефов; полковые разведчики вступили в это время в перестрелку с противником у шоссе Колбель—Ново-Минск.

В с. Юзефов командир полка отдал приказание 1-му баталиону цепью двигаться на юго-восток, а 2-му б-ну цепью двигаться на северо-восток с целью, как говорит командир полка, „разрезать цепь противника, оттеснить его и создать корридор одним баталионом перерезав шоссе севернее Юзефов фронтом на Ново-Минск, а другим баталионом южнее, фронтом на Колбель, расчитывая пропустить этим корридором 84 и 82 стр. полки, обозы и артиллерию“.

Нет никаких указаний в реляции командира полка о том, какую задачу он дал своей артиллерии, но из донесения командира 1-го легкого артиллерийского дивизиона усматривается, что батарея снялась прямо с передков в узкой улице с. Юзефов, куда она уже успела в'ехать.

Чтобы вполне оценить этот маневр припомним, что 83 стр. полк к началу боя имел всего 168 штыков в своем составе, таким образом для аттаки [на каждое из расходящихся направлений командиром полка предназначалось по 84 стрелка.

Припомним также, что приблизительно около этого же времени у с. Подрудзе занимал позицию 86 стр. полк примерно такой же численности, а лесом южнее Ново-Минска на Марианки пробирался 85 стр. полк с приблизительно равным по количеству числом штыков; не будем удивляться, поэтому, что полк занимающий позицию у Подрудзе не чувствует присутствия другого полка своей дивизии, готовящегося атаковать противника, несмотря на расстояние между этими пунктами всего 3½—4 версты. Не будем слишком строги и к полкам, которые по существу представляли уже роты половинного военного состава, к тому-же истомленные продолжительными боями и переходами. Будем только помнить это при дальнейшем изложении и обращать внимание не на название „полк“, а на то, сколько фактически в этом полку было штыков в тот или иной момент боя.

Тогда нам станет ясно и понятно, что эти „полки“ с их боевыми порядками даже в масштабе 2-х верстной карты в сущности являлись лишь точками, затерянными в лесистом треугольнике внутри железных дорог: Варшава, Пилява, Пилява, Ново-Минск, Варшава.

Развернувшись в эксцентрический боевой порядок 83 стр. полк двинулся в атаку.

Командир полка был при 2-м баталионе наступавшем на северо-восток, а при 1-м баталионе находился командир бригады с небольшим своим штабом.

Несмотря на свою малочисленность стрелки смело бросились вперед, встреченные сильным огнем противника, огнем двух бронемашин с шоссе и танка с орудием. После минутного успеха— отхлынули назад в с. Юзефов, понеся большие потери убитыми и ранеными. Бой был настолько скоротечен, что батарея стоявшая в узкой улице с. Юзефов едва успела дать один-два выстрела картечью по перешедшим в атаку полякам и была захвачена противником, так-как подать передки и повернуться в узкой улице, запруженной

бегущими людьми и обозами она не могла и не успела. Здесь смертью храбрых пал командир 1-й батареи тов. Воронов, отстреливавшийся картечью и оставшийся один, чтобы испортить свои орудия.

В момент отбития атаки 83 стр. полка командир бригады, вместе с лицами его сопровождавшими, оторвался от 1-го б-на попав в лес южнее Юзефова и с тех пор его участие в руководстве действиями 28 стр. бригады уже фактически ничем не проявлялось, да и не могло проявляться; эта группа лиц, согласно реляции командира 83 стр. полка, присоединилась впоследствии к 24 стр. бригаде, чего на самом деле в действительности не было.

Дальнейшия действия 83 стр. полка были таковы: после неудачной атаки у Юзефова остатки полка собрались у с. Глинянка. Здесь командир полка, опять-таки ориентируясь в обстановке по звукам выстрелов, на этот раз более правильно, решил итти лесными дорогами на север на присоединение, как он говорит, к левому флангу армии, шум боя которой он слышал верстах в 15—20 от себя на северо-восток.

Двигаясь с мерами охранения на с. Концк, 83 стр. полк нагнал шедший туда-же 84 стр. полк, обогнал его и выбил из с. Концк заставу противника; разведка полка обнаружила, что с. Вельголяс занято противником.

Решив уклониться от боя, командир полка с остатками полка пошел западнее с. Вельголяс,—в это время было уже 24 часа,—предложив командиру 84 стр. полка, оставив полковые обозы, присоединиться к нему. После полуночи остатки 83 стр. полка начали переправу через р. Меня. В это время, по словам командира 83 стр полка, послышалась ружейная и пулеметная стрельба: противник напал и начал расстреливать красноармейцев. Очевидно, обнаружив движение нашей колонны, что было не трудно сделать при полном к нему сочувствии местного населения, противник атаковал хвост колонны 84 стр. полка и рассеял его.

Показания немногих участников, вышедших из боя, так неопределенны и туманны, что нельзя более или менее точно восстановить себе маршрута 84 стр. полка до его гибели и целей, которые он преследовал.

Мне лично картина рисуется так: потеряв связь с бригадой и соседями и, может быть, не получив никаких указаний, полк целый день проблуждал по лесным дорогам и по лесам, случайно встретился с 83 стр. полком и погиб где-то в окрестностях с. Вельголяс.

Атака противника для полка очевидно была и неожиданна, и внезапна, так что мер к защите он не успел принять никаких. Это видно из показаний уцелевших пулеметчиков.

Привожу некоторые, наиболее из них типичные:

Политрук пулеметной команды 84 стр. полка показывает: в ночь на 17 августа (очевидная ошибка—в ночь на 18), будучи окружен противником, полк стал пробиваться, но пробиться не мог, так-как со

стороны противника, с тыла и справа напала цепь, а слева два бронепоезда и (?) дессант из эшелона поезда. Полк разбежался и пулеметы были брошены. Больше добавить ничего не могу. Пулеметы были оставлены исправные. Вынести их было нельзя, так как их были окружены и надо было спасаться самим. Испортить пулеметы не было времени.

6-й номер первого пулемета показывает следующее: „днем 16—17 августа (?), точно не знаю, мой пулемет остался в бою при следующих обстоятельствах: полк был окружен, пулеметы, обоз, все вместе, все перемешалось. Поляки с криком „ура“ бросились на обоз, роты; кто куда, кто влево, кто вправо; я, три номера, взводный и начальник, без пулемета, подались влево. Пулемет бросили, потому что нам не в силах было его тащить, приемник был вытащен и брошен начальником, которого теперь в команде нет.

Не будем слишком строги к этим людям—ведь они не имели при себе никакого оружия, кроме своих пулеметов и не их вина, что им не пришлось пустить их в дело.

Не дождавшись 84 стр. полка, командир 83 стр. полка, лично выехав впереди на разведку, ибо никто из бывших при нем „разных частей кавалеристов“ не решался этого сделать, скрыто перевел остатки своего полка через Ново-Минское шоссе в районе с. Цесе, и пробираясь между частями противника, начал уходить на Станиславов.

После своей неудачной атаки у Юзефова, полк в сущности уже не представлял, да и не мог представить, боевой единицы и просто пробирался на присоединение к своим, избегая столкновений с противником, что ему и удалось сделать.

82-й стр. полк по времени последним вступил в дело из всех частей 28 стр. бригады.

Как уже указывалось выше, полк с утра 17 августа был направлен в посад Карчев для смены частей 22 стр. бригады. Смена эта была им закончена к 14 часам; лишь в 17 часов командир полка, очевидно вследствие перерыва прямой связи со штабом бригады, через своего ординарца, посланного для связи в 84 стр. полк, получил сведения об отходе последнего и приказание командира 28 стр. бригады, переданное через командира 84 стр. полка, об отходе 82 стр. полка через с. с. Погожин, Глина, Остров и об ударе во фланг противнику в районе с. Добржин-Вельк., с целью поддержать 24 стр. бригаду. По прибытии полка в с. Погожин ему подчинялся находившийся там 10 кавполк.

В 17 часов 50 мин. полк выступил из пос. Карчев, не тревожимый противником; последний ограничился только артиллерийской стрельбой по полку со стороны Вислы.

Присоединив к себе 10 кавполк в с. Погожин, полк продолжал следовать к с. Остров и, прибыв туда, встретил там части 24 стр. бригады и 8 кавполк.

Командир 24 стр. бригады ориентировал командира 82 стр. полка в обстановке, сообщив ему, что противник отбил наступление 24 стр. бригады на Колбель (?) и продолжает двигаться на Ново-Минск; командир полка искал связи со штабом 28 стр. бригады, но сделать этого ему не удалось, ибо, как припомним, как раз примерно в это время командование 28 стр. бригадой окончательно утратило связь со всеми своими частями и выпустило управление из рук. Командир 24 стр. бригады подчинил полк себе и дал ему новую задачу.

82 стр. полк должен был двинуться в голове колонны, через Глинянку на Целинов и пробиться северо западнее г. Ново-Минска.

Кавалерия: 8 и 10 кавполки вместе с командиром 24 стр. бригады двинулись вперед.

Не доходя с. Глинянки, командир 82 стр. полка получил сведения от кавалерии, что западнее г. Ново-Минска по железной дороге курсируют два бронепоезда противника, а по шоссе двигаются колонны противника с обозами (?). Дойдя до ф. Целинов, командир полка получил новое задание: „прорвать шоссе“ у с. Замене и двинуться далее на с. Клюки.

Минуя с. Ржахта, полку стало известно, что вблизи этой деревни 83 стр. полк имел уже столкновение с противником, окончившееся для полка неудачей. Это, конечно, не могло не отразиться и на моральной стороне 82 стр. полка. В протоколе своего допроса командир 82 стр. полка говорит: „настроение красноармейцев было крайне скверное и подавленное, шли неуверенно, несмотря на мои подбадривания“.

Получив новое приказание, командир полка выслал вперед конную и пешую разведку, выдвинув на фланги колонны в виде боковых застав эскадроны 10-го кав. полка.

Вслед за 82 стр. полком должна была двинуться кавалерия (очевидно 8 кав. полк) и 24 стр. бригада (повидимому ее остатки настолько уже потрепанные боем, что командир бригады не рисковал пустить их непосредственно в бой) и обозы.

Не доходя одной, полутора верст до с. Замене, командир полка получил первые донесения от своей разведки, что противник двигается по шоссе на Ново-Минск большими силами. Остановив полк, он раз'яснил задачу стрелкам и отдал приказания командирам батальонов.

1-му баталиону приказано было рассыпаться в цепь, по команде командира полка, южнее дороги Енджснин-Замене, 2-му баталиону сделать тоже севернее дороги, 3-му баталиону двигаться в полковом резерве по самой дороге, и по команде „в атаку“ усилить цепь в центре.

Эскадрон 10-го кавполка получил приказание двинуться на Клюки-Миканов, где остановиться и произвести разведку на пос. Сеница, Ново-Минск.

Командир полка предусматривал и дальнейший план действий: по занятии с. Замене, баталионам приказано было опять-таки образовать корридор: 1-му баталиону стать фронтом на юг, а 2-му баталиону распространиться на север, 3-му баталиону опять собраться в резерв у с. Замене и таким образом дать пройти обозам и остальным частям 24 стр. бригады. Пулеметы были распределены в цепи по ротно.

Состав баталионов был 30—40 стрелков по определению к-ра полка; баталионами командовали командиры взводов, ротами—отделенные, или даже просто стрелки, так как полк уже в предыдущих боях понес очень большие потери в командном составе. Подойдя на 800 шагов к с. Замене полк еще не был обнаружен противником и командир полка ясно увидел на шоссе колонны противника.

Рассыпав полк в цепь и подведя его необнаруженным шагов на 100—50, командир полка двинул его в атаку. Атака 82 стр. полка была встречена сильным огнем со стороны противника, причем неприятельская артиллерия открыла сразу огонь на картечь, из деревни выехали 2 бронемашины, а правый фланг атакующего полка был встречен ручными гранатами. Полк отхлынул назад.

Решив во что-бы то ни стало пробиться, командир полка приказал кавалерии (очевидно 8 кав. полку, с частью 10-го кав. полка) броситься вперед в атаку.

Далее предоставляю слово самому командиру 82 стр. полка

„Моя команда—„Кавалерия вперед“ была подхвачена всеми кавалеристами находившимися сзади и заинтересованными в исходе боя.

Прекратившаяся стрельба была принята многими за успешный исход моей атаки и все толпой бросились вперед, в предполагаемый прорыв. Противник выдержанно подпустил к самому шоссе, шагов на 50, открыл ураганный огонь и при содействии бронемашин рассеял атакующую кавалерию, которая повернула обратно и смяла совершенно остатки моих цепей. После этого противник перешел в контратаку, освещая путь ракетами и таким образом захватил часть людей полка вместе с пулеметами“.

После неудачной атаки, 82 стр. п-ка обозы и части 24 стр. бригады бросились снова на юг по направлению к с. Глиняики.

Командир 82 стр. полка, собрав остатки полка, после атаки в количестве 3 лиц комсостава, 12 конных разведчиков и 15 стрелков, двинулся с ними на с. Хросля, прорвался через сторожевое охранение противника и впоследствии присоединился к своей дивизии.

Выводы.

Действия 28 стр. бригады в бою 17 августа дают обильный материал и по части управления и командования, и по части тактического руководства войсками.

Во что прежде всего вылились боевые операции всей бригады в целом: в разрозненную атаку двумя полками с промежутком в 4—5 часов в двух различных пунктах (Юзефов-Замене) и с бесцельным присутствием, в районе действий бригады, третьего полка бригады в течение целого дня, закончившимся наконец гибелью этого полка. В чем кроется причина такого неправильного и не приводящего к успеху образа действий?—очевидно, в тех или иных распоряжениях командования и большем или меньшем соответствии их с обстановкой.

С этого мы и начнем.

Задача, полученная командиром бригады сводилась к тому, чтобы сосредоточить свою бригаду, совокупными силами ударить на противника: либо в связи с частями 8 стр. дивизии, если бы последние еще удерживались в районе пос. Колбель, либо, если на эти части расчитывать уже больше нельзя и содействие им по обстановке было уже излишним, в общем направлении на Миканов, с целью прорваться на присоединение к главным силам дивизии.

И в том, и в другом случае задача по самому существу своему требовала от командира бригады возможно полного сосредоточения всех его сил.

Позволяла ли это сделать обстановка? Безусловно позволяла. Противник, имея главными осями своего наступления шоссе Варшава—Ново-Минск и Колбель—Ново-Минск, повидимому мало распространялся от них в стороны, стремясь поскорее сомкнуть кольцо вокруг частей 10 стр. дивизии у Ново-Минска.

Лесистая и закрытая местность давала значительные выгоды командованию 28 стр. бригады к скрытому сосредоточию главных сил бригады.

10-й кавполк, бывший в распоряжении командования 28 стр. бригады, мог быть использован и для освещения района вблизи сосредоточения главных сил бригады, и для поддержания связи с частями 24 и 23 стр. бригад в окрестностях п. Колбель, т. е. мог послужить для первоначального обеспечения операции.

Можно ли было выполнить сосредоточение главных сил бригады во времени и пространстве?

Если бы командованием бригады был использован район для сосредоточения, который мною ему намечался, т. е. Остров—Глинянка, то 83 стр. полк мог бы занять этот район через полтора—два часа после получения приказания, (расстояние от с. Яблона до указанного района 5 в.)—84 стр. полк мог бы подтянуться туда через 2 или 2 ½ часа (расстояние от позиции полка до с. Глинянка—8 в.) и, наконец, 82 полк из пос. Карчев прибыл бы туда через 3—4 часа (расстояние от Карчева через Остров—13 в.), таким образом, считая в среднем, что все части получили приказание около 16 часов (за исключением 82 стр. полка, который его фактически получил в 17 часов),—в районе с. Глинянка к 16 часам командир бригады имел бы полностью уже два полка своей бригады и подходящий 3-й полк,

с которыми и мог бы приступить к решительным действиям с большими надеждами на успех, в зависимости от окончательного к тому времени выяснения обстановки, для чего должна была быть использована в возможно полной мере и кавалерия, и пешая разведка первых прибывающих полков.

Успешность выполнения сосредоточения зависела: от поддержания связи во все время продолжения сосредоточения бригады, для чего мог быть использован личный состав штаба бригады, и от возможно полного ознакомления командиров полков со всеми данными обстановки и с общим планом, идеей командира бригады, для того, чтобы они в случае перерыва связи могли действовать самостоятельно в духе его предположений.

Командиру бригады следовало первоначально руководить, главным образом, сосредоточением своих полков и разведкой окончательно выбранного направления для нанесения решительного удара, а для этого находиться там, где лучше всего действовала первоначально оборудованная связь, т. е. либо в Мальцанове, либо на ф. Тереславль, и лишь по сосредоточению большей части бригады переехать в другое место для непосредственного руководства боем.

Безразлично когда: в сумерки, вечером или ночью произвел бы командир бригады свой решительный удар, существенно необходимо было для успеха дела, чтобы удар этот был произведен, по возможности, мощным кулаком, а не растопыренными пальцами.

Каковы же были действия командования 28 стр. бригады?

Получив новую задачу, командир бригады отдает прежде всего приказание о немедленной отправке излишних обозов и артиллерии непосредственно в пос. Цеглов. Распоряжение вполне правильное, ибо готовясь к прорыву охватывавшего кольца противника, следовало, по возможности, облегчить себя от излишних обозов и от излишней артиллерии. Но с чем отнюдь нельзя согласиться, так это с отправлением в тыл большей части штаба и начальника штаба.

Из распоряжения полученного командиром 83 стр. полка нельзя усмотреть: была ли в точности сообщена ему обстановка и цель предстоящих действий. Полку приказано было просто двигаться в с. Порембы, отправив обозы в пос. Цеглов и сообщено о занятии противником пос. Колбель.

Равным образом, такого же характера приказание получил и командир 82 стр. полка. Оба командира полков о дальнейших предположениях командира бригады, повидимому, осведомлены не были.

В с. Глинянка командир 83 полка получает новое приказание командира бригады: остановиться и задерживать противника, чтобы „дать возможность 82 и 84 стр. полкам и артиллерии пройти“.

Приказание настолько не исчерпывающее всех могущих при этом возникнуть вопросов, что командир полка сам едет к командиру бригады за дополнительными раз'яснениями. Чувствуется, что командование бригадой, упуская из виду руководство операцией в целом,

привязывается к одному полку и начинает непосредственно управлять им.

Нельзя теперь точно установить, пытался или нет командир 28 стр. бригады войти в связь с командованием частей 8 стр. дивизии у Семпохова и Олексина и установить с ними общий план действий.

В с. Ржахта командир 84 стр. полка получает от командира бригады новый приказ—следовать на с. Замене.

Затруднительно определить теперь какими соображениями вызвано было это распоряжение командира бригады, что знал он о месте нахождения двух других полков своей бригады, и из какого расчета времени исходил он, двигая полк сразу на с. Замене, не подождав прибытия двух остальных полков бригады.

В дальнейшем, командование бригады еще более суживает свою роль по руководству операцией в целом.

Командир бригады со всем наличным штабом увлекается атакой одного из баталионов 83 стр. полка, в сумятице боя отрывается от него и до конца операции не может уже соединиться со своей бригадой. Общее управление бригадой окончательно потеряно и, как результат всего этого управления, силы бригады вводятся в бой последовательно, по частям и терпят последовательные неудачи.

Остановимся теперь на тактическом использовании войск и непосредственном руководстве ими ближайших начальников.

Командир 83 стр. полка, пройдя с. Ржахта, на основании слов разведчика первой батареи и „частных" сведений, не проверяя их войсковой разведкой, составляет себе уже определенное мнение об обстановке, мнение, как мы видели в действительности, не отвечающее положению.

Готовясь атаковать противника, командир 83 стр. полка как бы совсем не учитывает присутствия при его колонне артиллерии; содействие последней было ему более чем необходимо, в силу незначительного состава полка. Задача артиллерии, повидимому, не дается, так же, как и не дается времени к подготовке; она случайно снимается с передков в общей колонне там, где остановилась и делается легкой добычей противника.

Ничтожный численный состав полка требовал короткой, но энергичной огневой подготовки, а затем решительной атаки всеми силами на определенно выбранный короткий участок. Избранный командиром полка способ атаки, по расходящимся направлениям, повел к раздроблению сил, к атаке с необеспеченными флангами; как долго должны были наступать баталионы в противоположных друг от друга направлениях ? на какую устойчивость живых стен коридора расчитывал командир полка? чем думал их подкреплять в случае необходимости? и как долго эти стены должны были ожидать подхода 82 и 84 полков, когда, повидимому, никому в точности не было известно местонахождение этих полков?

Видя такие тактические приемы, невольно мысленно переносишься к библейским временам и вспоминаешь, как Моисей жезлом устраивал корридор в Черном море, готовя евреям исход из Египта. Действия командира 82 стр. полка вызывают только замечания в том отношении, что он, принимая ночью решение атаковать противника, совершенно не считался с особенностями действий в ночное время, применяя порядок наступления цепями; в дальнейшем он замышлял сложный маневр, особенно в ночное время, по устраиванию корридора, но противник помешал выполнить ему это.

Все недостатки по использованию конницы во время этого ночного боя ясны сами по себе.

Мы отметили все, по нашему мнению, недостатки по руководству действиями 83 и 82 стр. полков. Справедливость требует упомянуть и о положительной стороне. Оба командира полков стремились лично и непосредственно руководить боевыми действиями своих полков: оба они явились непосредственными участниками боя и служили личным примером своим подчиненным; так оно и следовало по обстановке, ибо оба полка, в сущности, являлись лишь ротами боевого состава.

Теперь интересно представить себе общее положение частей 10 стр. дивизии в полночь с 17 на 18 августа: 89 стр. полк в районе с. Борек; 88 и 90 стр. полки из района с. с. Каролина, Осины подтягиваются к с. Якубов; 85 стр. полк в районе с. Пясечно, перемешавшись там с некоторыми частями 8 стр. дивизии; 86 стр. полк на марше из Тартака к с. Пясечно: 87 стр. полк—пропал без вести, по всей вероятности рассеян совершенно; 84 стр. полк постигла та же участь; остатки 83 стр. полка пробираются сквозь расположение противника западнее с. Вельголяс; 82 стр. полк производит свою последнюю атаку у с. Замене, после которой также рассеивается. (См. схему).

Итак, в результате свыше 12 часового упорного боя, два полка дивизии исчезли целиком, 3-й—почти полностью, а остальные, понеся от 30 до 40 % потерь своего состава, представляли, в сущности, небольшие кучки людей, возглавляемые полковыми командирами.

Когда я в полночь с 17 на 18 августа в с. Якубов принимал доклады от командиров 30 и 29 стр. бригад, такая картина во всей ее полноте не была еще известна ни мне, ни им. Можно было лишь à priori судить, что дивизия растрепалась настолько, что в дальнейшем не может уже явиться удобоуправляемой и способной к известной длительной устойчивости единицей. Войска и начальники в минувший бой дали все, что могли; но перейдя известный предел упругости войск, и моральной, и материальной мы не в праве уже в дальнейшем требовать от них выполнения задач, расчитанных на нормальные организованные соединения.

Если бы численность полков 10 стр. дивизии в начале боя хоть немного бы отвечала тому представлению, какое у нас связывается обыкновенно с названием „полк“, то не смотря на те или иные тактиче-

ские промахи и ошибки отдельных исполнителей, полки и бригады вышли бы из боя, правда с потерями, но в состоянии, дававшем возможность и привести их в порядок, и управлять ими в следующие дни.

Можно было отдавать и писать директивы и приказы, но можно ли было сохранять уверенность, что они будут выполнены войсками и можно ли было фактически требовать этого выполнения.

В действительности, начиная с 18, а особенно с 19 августа, наше маневрирование против продолжающего наступать противника все более принимает форму маневрирования штабов, обозов, артиллерии, а не целых организованных единиц.

Последние все более и более распыляются, а попытки создать из них наспех импровизированные соединения, внося лишь дезорганизацию, не дают реальных результатов и часто влекут за собой только излишние потери. В последующие дни отступления роль командования дивизии свелась, главным образом, к соответствующему общей обстановке направлению тяжелой и легкой артиллерии дивизии, парков, обозов и отдельных войсковых частей в тыл, что дало возможность впоследствии быстро восстановить дивизию и в конце сентября вновь ввести ее в дело.

Заключение.

Предлагаемый вниманию читателя очерк далек от совершенств. Он является попыткой поближе подойти к той действительной обстановке, в которой во время войны и боя приходится действовать войскам и командованию, непосредственно с ними имеющему дело.

Вместе с тем, насколько то позволили имеющиеся у меня материалы и сохранившиеся воспоминания, я попытался поближе подойти и к тактической стороне вопроса.

Верный приведенному в начале статьи принципу, что анализ своих действий и ошибок есть лучшее средство избежать их в будущем, я старался провести этот принцип при Разборе тех или иных операций. Не будем бояться здоровой самокритики, ведь несмотря на все ошибки и даже неудачи, Варшавский поход Красной Армии является одной из блестящих страниц не только ее истории, но и вообще мировой военной истории.

Могучие творческие силы Революции, не поддающиеся никакому учету холодного рассудка, создали Красную Армию—лучшую концепцию этих творческих сил.

Эти же творческие силы со сказочной быстротой, дотоле неведомой в летописях военной истории, перебросили ее с берегов Западной Двины и Березины на берега Вислы.

Будущие военные историки, если они упустят из виду работу и значение этих сил, с удивлением, как перед стратегическим парадоксом, остановятся перед фактом 6 недельного, беспрерывного похода

на протяжении 600 верст, с неработающей в тылу железной дорогой, со слабо налаженным транспортом, со скудным наличием огнестрельных припасов.

Только походы Революционных Армий первой Французской Республики, и то в значительно меньшем размере, напоминают собой нечто подобное.

Русская Революция, постепенно обращающаяся в мировую, уже теперь значительно превысила и своим размахом, и масштабом совершающихся событий, некогда величайшую из революций—первую Французскую Революцию.

Красная Армия своими походами и трудами, особенно в минувшую польскую кампанию, дает нам образцы такого же богатырского размаха в военном отношении.

Наш поход под Варшаву своей стремительностью, энергией и решительностью удивил не только наших противников, но и всю Европу.

Если в нем, глядя теперь на минувшее глазами беспристрастного историка, приходится удивляться, преклоняться перед чисто революционным темпераментом и энергией высшего военного командования, то не меньшего преклонения и удивления заслуживает и нечеловеческая энергия, сила и выносливость тех рядовых красных бойцов, которые нашли в себе силы донести лозунги великой Русской Революции до ворот Варшавы.

Недаром один из выдающихся польских генералов в минувшей кампании, увидев близко наших красноармейцев, воскликнул, обращаясь к своим подчиненным: „смотрите, вот настоящие спартанцы“.

Итак, учась на ошибках тех, подвигам кого мы удивляемся, не будем забывать изречения одного из наших военных писателей:

„Наши достоинства велики и единственны, наши недостатки малы и исправимы“.

Захват Ковеля поляками.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

«Человек боится»—это краткое изречение Ардан дю-Пика военачальникам, будь они лично львиной храбрости, никогда не следует забывать. Зарождение самой первобытной военной техники—взятие в руки дубины, бросок камнем—обязано чувству страха одного человека, слабейшего, перед другими, сильнейшими. Создать неожиданную опасность для сильнейшего, поразить его внезапностью, самому же быть под прикрытием щита или расстояния и видеть поддержку с боков и позади—вот руководящее начало при всяком видоизменении строев и боевых порядков на протяжении мировой военной истории, точно также как и всех усовершенствований военной техники. Убить другого, оставаясь самому в большей или меньшей безопасности, при посредстве машин, или действуя из-за засады, итти на врага скопом—сколько тут соблазна и побуждений к борьбе для слабейшей стороны, не желающей признать волю, повидимому, сильнейшего!

Гений ученого—Архимеда в испуганных Сиракузах, при осаде этого города сильнейшим воинственным врагом, показал миру все чудеса техники того времени, сжигая вражьи корабли при помощи системы огромных заркал.

Давая отпор военному гению Наполеона в искуссном применении строев и боевых порядков на поле сражения и на театре военных действий, боясь этого гения, Европа выдвинула воспламененные Наполеонизмом умы двух великих военных ученых,—Клаузевица и Жомини, раскрывших, относительно, тайну Наполеоновских побед и давших, вследствие этого, могучее оружие борьбы в руки враждебных Наполеону (слабейших) государств.

В наше время—величайшей революции,—когда духовная сторона (психика) народа возбуждена и одновременно с тем военная техника в виде разного рода воздушных средств, бронемашин, удушливых газов, истребительной артиллерии и прочее находит все большее и большее применение—особенно поучительно останавливаться на примерах взаимодействия этих средств с живой силой—как эти средства воздействуют на живую силу.

В нашей, только что минувшей, Польской войне наиболее ярким и чреватым последствиями событием этого рода был захват г. Ковеля поляками 12 сентября 1920 года, в тылу, в 30 верстах от боевой линии, при помощи бронемашин, сопровождаемых нагруженными пехотой автомобилями с прицепленными пушками.

Описание этого события в крупных чертах, насколько позволяли имеющиеся материалы, представлено здесь вместе с замечаниями и выводами, имеющими не осуждающий, а исключительно назидательный характер.

Такое назидание необходимо, конечно, еще в более подробном и строгом виде. Нам грешно пропускать без замечаний пагубные случаи неумения считаться со свойствами уже имеющихся технических средств смертной борьбы, когда мы с минуты на минуту можем ожидать появления новых, еще *неведомых* смертоносных машин. Мы должны так вести войска, чтобы они были готовы встретить, без пагубной боязни, даже то,—*неведомое*.

За растерянность же при виде и действии уже известных и годами применяемых технических средств потомство назовет нас „чумичками“ и „мазилками“.

Общее положение на противопольском фронте к 7-му сентября 1920 года.

После Варшавского поражения в средине августа 1920 г. для нас являлось необходимым отвлечь внимание противника от северного участка противопольского фронта (приблизительно от участка севернее Полесья), дабы дать возможность понесшим большие потери армиям немного устроиться.

Этого можно было достичь командованию Запфронта продолжением наступления подчиненных ему южных армий: 12-й и 1-й конной.

Направление наступления для 1-й конной армии было изменено: со Львовского направления ей было указано в последних числах августа двинуться на Замостье, Красностав для действия против поляков, группирующихся у Люблина.

Давая указания командарму 12 для совместных действий с 1-й конной армией, командзап в директивах от 28/VIII приказал иметь достаточный резерв за левым флангом Мозырской группы для удержания района Орехово, Ратно в случае каких либо неустоек Мозгруппы*); этой же группе иметь ввиду прочное обеспечение правого фланга 12-й армии сохранением за собой шоссе и желдороги Брест-Литовск—Ковель.

После неудачных действий 1-й конной армии и понесенных ею сильных потерь, вследствие, главным образом, большего количества разного рода воздушных аппаратов у противника, приказано было 1-ю конную армию вывести на отдых в район Грубешев—Крылов. На командарма 12 возложено обеспечение ее расположения занятием линии Корытница, Степанковице, м. Вореж (5/IX); также ему приказано быть готовым сменить конную армию 7-й стр. дивизией, если противник будет производить давление—конной армии решено было дать полный отдых. (6/IX). Характеристикой состояния войск может служить телеграмма командзапа главкому от 6/IX: «Недоедание и заболеваемость значительно понижает настроение красноармейцев. Необходимо: 1) увеличить хлебный паек. 2) срочно снабдить фронт обмундированием».

События в этих условиях разыгрались таким образом, что вместе с давлением на конную армию, которой удалось дать отдых лишь в районе Бердичева, противник перешел в сильное наступление на правый фланг и стык 12 армии.

12-я армия граничила—на севере с Мозыргруппой (переименованной потом в 4-ю армию) приблизительно южнее перекрестка шоссе Влодава—Кобрин, Брест-Литовск—Ковель**); на юге с 14-й армией, примерно на линии южнее Ровно***); 1-я конная армия действовала без разграничительных линий в полосе 14-й и 12-й армий.

---

*) Впоследствии 4-й армии.

**) На линии Ратно, Влодава, Радин.

***) На линии Дубно, Т[illegible]пол.

Действия на правом фланге и стыке 12-й армии 9—15 сентября 1920 года.

Действия начались тем, что 7/IX противник, сосредоточив в районе Кодсн. Каменица отряд из трех родов войск значительной численности, потеснил части 4 армии из Масевичи, Велико-Рыто, Збураж и Мало-Рыто к Мокраны.

Командзапом вследствие этого было приказано: уничтожить противника, наступающего вдоль шоссе Брест, Ковель совместным переходом частей 4-й и 12-й армий в наступление из районов Жабинка и Ольтуш*) в направлении на Бродятин.

Расположение войск на правом фланге 12-й армии и на стыке ее с 4-й армией к 9/IX было следующее: после боев 9/IX в районе Велико-Рыто и перекресток шоссе Кобрин-Влодава и Брест-Ковель 169 бригада (57 дивизии 4-й армии) отошла к д. Черняны (30 вер. юг-вост. г. Кобрина); перекресток шоссе противником был занят около 16 ч. 9/IX. В районе Мокраны находился 507 полк 169 бригады, утерявший с 9/IX связь с остальными частями 4-й армии.

58 дивизия 12 армии в составе 172 и 173 стрелк. бригад, 25 кавбригады подчинена начдиву (58 директивой командарма 12 от 28/VIII № 02930) и Экспедиционного отряда штарма 12 № 1 (та же директива) всего на фронте 1600 штыков, 370 сабель, 14 легких орудий—занимала участок от ст. Мало-Рыто включ. через д. Пища (20 в. вост. Влодавы) до м. Опалин исключ.

Эксотряд № 1 с 8/IX занял участок ст. Мало-Рыто—д. Збураж, разбитого и небоеспособного отряда имени Антонова (4 армии—9/IX передан в подчинение командарма 12 для приведения в порядок).

25 кавбригада была оттеснена с линии Вулька Хрипская,**) Ольшанка на линию Пища, Шацк.

25 дивизия, в составе 73, 74 и 75 стрелк. бригад—всего на фронте 2600 штыков, 180 сабель, 17 легких орудий, занимала участок от м. Опалин до м. Корытница, причем к утру 10/IX 74 бригада занимала Опалин—желдорога, 75—Бережцы—Высоцк, 73 Бендюга—Корытница; приданные бронепоезда на-

*) В 6 вер. сев. Орехово.

**) 15—17 в. к югу ст. Хрипска

ходились,—один у желдормоста через Буг, другой—ст. Ягодин (там же и полк диврезерва) и третий—Мациов.

Армрезерв (7 дивизия)—56 полк 19 бригады двинулся по желдороге на ст. Заболотье (директива командарма 12 от 8/IX 22 ч. 30 мин.); другие два полка 19 бригады ночевали в районе Ковеля; остальные части дивизии—20 бригада—д. д. Мощоны—Годовичи—Туровичи (6 и 12 в. сев.-зап. Ковеля); 21 бригада—61 и 62 полки д. Растов-Ружин (6 вер. сев.-зап. и сев.-вост. м. Турийск), 63 полк в 12 ч. отбыл со ст. Клевань по желдороге на присоединение к своей бригаде; кавполк—д. Дубовая (5 в. сев. Ковеля).

В развитие приведенной выше директивы командзапа командарм 12 в 22 ч. 30 мин. 8/IX приказал: Начальнику 58-й дивизии, сосредоточив в районе Олгуш все свободные силы, энергичным переходом в наступление и действиями на фланги противника сбить его и занять Бродятин и Ботын. Начдиву 7—срочно перебросить по жел. дороге один полк в район Ратно в качестве резерва.

Вследствие сообщения 4-й армией о наступлении противника крупными силами на Мокраны и о том, что 4-я армия на Закрутин, Бродятин наступать не может, начдивам 58, 7 и 25 задачи были несколько изменены: 1) Начдиву 58 указывалось сосредоточить все свободные силы в районе Олтуш, Мало-Рыто, связаться со сводным отрядом в Мокранах и занять перекресток шоссейных дорог, не допуская противника распространяться от Бродятин, Мосевичи; 2) Начдиву 25—передать 55 полк начдиву 7; 3) Начдиву 7,—оставаясь в армрезерве—а) перебросить одну бригаду в район Ратно, Заболотье, б) остальные части передвинуть в район Ковеля.

Исполнение этой директивы командарма 12 совпало для начдива 58 с оттеснением его 173-й и 172-й бригад и продвижением противника на Пища, Шацк и вызвало следующие распоряжения 9/IX в 13 ч. 30 мин:

В целях восстановления положения и уничтожения противника, действующего против участка дивизии, приказывалось: *Начэкспедотряда № 1*, не задерживаясь, влить прибывшее пополнение и, имея главные силы в Мало-Рыто, сторожевым охранением занять линию Збураж, Галевка, Навлесье; усиленными поисками разведчиков иметь наблюдение за перекрестком дорог, что 12 верст северо-восточнее Мало-Рыто, влево войти в

связь с частями 173 бригады в районе Хрипск. *Комкавбригады 25*, немедленно с получением сего, ударом на Пульмо с севера, ликвидировать в данном районе противника, наступающего на Шацк. По восстановлении положения частями 173-й и 172-й бригад перейти на правый фланг 173-й бригады и занять Дубок, Хрипск, установить тесную связь по фронту с соседями.

Комбригу 173, прикрыв Пищу с севера за счет батальона резервного полка, остальными частями, перейдя в контр-наступление при поддержке резполка 172 бригады, во что бы то ни стало восстановить положение. *Комбригу 172*, ударом резервного полка через Свитязские Смоляры, восстановить положение на своем правом фланге и с юга содействовать частям 173 бригады, заняв Ольшанка. *Комбронепоездов* охранять головной участок желдороги Брест, Ковель и оказывать действительную поддержку пехоте, действующей в районе Мало-Рыто. *Начартдиву 58* огнем артиллерии содействовать восстановлению положения частями дивизии.

Номером 03265 от того же 9/IX комбригу 172 задача несколько видоизменена:

«Противник потеснил части 173 бригады и подошел к Шацку, в районе которого идет бой. Для восстановления положения, утраченного 173 бригадой, приказываю *Комбригу 172* от 516 полка, для восстановления положения, выслать усиленную разведку на Шацк, если в таковом нет противника, то далее на восток. По обнаружении противника двинуть полк в северном направлении, ударом содействовать 173 бригаде в восстановлении утраченного положения. По ликвидации противника в районе Шацк.-направить полк через Залесье для занятия Копары, Рытец, где, по восстановлении положения 173 бригадой, отойти в Столянские Смоляры».

Выводы о боевых действиях 9/IX и дальнейшие распоряжения командарма 12.

Действия, разыгравшиеся на правом фланге 12 армии и на стыке ее с соседней 4-й армией, привели к опасному разрыву в 20—25 верст и, естественно, грозили еще худшими последствиями.

Подробное изучение непосредственно до него касающихся боевых действий правого фланга армии не смогло избавить

командарма 12 от соблазна широких обобщений, и он направил внимание подчиненных ему начальников в противоположную сторону—к своему левому флангу, где боевых действий вовсе не было.

Командарм 12 (директива от 10/IX в 1 ч.) рисовал себе обстановку так: боевые действия на правом фланге армии им определялись лишь, как проявление усиленной активной деятельности противника в районе Брест, Влодава, причем он полагал в районе Влодавы 2-ю и 3-ую польские пехотные дивизии и отряд Б. Булаховича, в районе Холма—7-ую дивизию. Перед правым же флангом своей армии он указывал на наличие польских войск в районе Грубешов—2-й дивизии легионеров, 9-й и 13-й дивизий; в районе Белз, Мосты. Жолкев—бригады 5-й дивизии и т. наз. ударной 4-й дивизии и одной кавалерийской дивизии. В этой же директиве приводились сведения о прибытии в район Белз части I-й дивизии легионеров, о стягивании в район Львова кавалерии и новой добровольческой дивизии Галера; всего насчитывалось 10—12 дивизий (т. е., будто бы, около половины всех польских сил) и главные части их, повидимому, перед левым флангом своей и правым флангом соседней 14-й армии.

Все эти данные, равно как потеснение наших частей в районе Гродно, давали командарму 12 основание предположить, что противник, привлекая внимание к северному участку фронта и правому участку нашей армии, стремясь оттянуть туда резервы, групирует силы для удара на южном участке.

Намечался даже возможный удар противника; его, по мнению командарма 12, можно ожидать в районе Грубешова или на Броды.

Директивой приказывалось: Начдивам учесть эти соображения при разработке своего плана действий и свои соображения для противодействия маневру противника представить командарму 12 безотлагательно.

Таким образом, определенных приказаний собственно о действиях дивизий командармом 12 не было дано на 10 сентября.

Распоряжения начдивов на 10/IX вследствие этого носили обычный характер: удержать части от вынужденного отхода.

Обеспечение наиболее опасного направления от Кобрина, совершенно открытого вследствии разрыва в 20 верст с 4-й, ар-

мией, и неимение с ней непосредственной связи, возлагалось кроме экспедотряда № 1 еще и на часть бронеотряда № 30.

10/IX в 11 ч. 30 мин. начдив 58 сделал такие распоряжения начальнику бронеотряда № 30 (№ 3408): „С получением сего, оставив свою базу на ст. Мало-Рыто, где выгрузиться с двумя бронеавтомобилями, охранять правый фланг армии в районе Мало-Рыто—перекресток шоссе, что в 9 верстах северо-восточнее Мало-Рыто, действовать в контакте с экспедотрядом № 1 комгруппы бронепоездов № 20, 30; другими же двумя бронеавтомобилями охранять шоссе Мало-Рыто—Пища и способствовать частям 172 бригады в районе Пища—ст. Влодава выполнению возложенной на них задачи".

Затем в 21 час. эти распоряжения были дополнены: № 3290. Бронеотряду № 30 перейти в Мало-Рыто и поступить в оперативное подчинение начэкспедотряда № 1 т. Короленко, где и получать довольствие.

События на правом фланге 12-й армии продолжали подтверждать наличие здесь значительных сил противника.

Боевые действия 10-го сентября.

На стыке 12 и 4-й армий, 169-я бригада (57-й дивизии 4-й армии) весь день вела бой у д. Черняны (30 в. ю/в. гор. Кобрина).

Также в течение дня 10/IX экспед. отряд № 1 вел бой с наступающим противником, в результате которого к ночи 10/IX был оттеснен к линии Мокраны—Ляховцы, где совместно с кавполком 58, Антоновским отрядом, 507 полком (4 армии) был отрезан от остальных частей дивизии; на ст. Мало-Рыто 10/IX выгрузился прибывший по желдороге бронеотряд № 30, там же находились бронепоезда №№ 20 и 56; выступивший затем по Кобринскому шоссе бронеотряд № 30, у д. Замшаны, погиб в бою с противником; сведения об этом штабу 12 армии /стали известны из оперативной сводки 58-й дивизии от 11 сентября (17 часовой); бронепоезда №№ 20 и 56 при одной роте прикрытия от Экспотряда отошли на ст. Заболотье.

В 58-й дивизии с утра 10/IX 25 кавбригада в районе д. Олтуш и 173 бригада на линии Пища-Шацк вели упорный бой с противником, наступавшим в южном и восточном направлении и к 10 часам были оттеснены на линию Орехово,

Мельники-Шацкие, опушка леса 4 вер. восточнее д. Шацк. Части 172 бригады, оставив ночью д. д. Адамтуки и Забужские-Голендры к 14 ч. 10/IX заняли линию Положево—Свитязские-Смоляры—Вулька-Угрусская, а к вечеру оставили последнюю и отошли к д. Локутки—опушка леса восточнее дороги Забужье—Опалин.

Перед фронтом 25-й стр. дивизии около 14 часов 10/IX противник начал переправу у д. д. Сврж-Голендры и Волчий Перевоз *) и занял эти пункты. Переправив в 22 часа до 500 штыков и 100 сабель при артиллерии, противник перешел в наступление и к ночи выбил части 74 бригады из д. д. Ровно и Янковцы, развивая удар в направлении д. Островки; одновременно правофланговый полк 74 бригады оставил д. Гуща. **) На участке 75 бригады день 10/IX прошел спокойно; к вечеру противник невыясненными силами переправился через р. Буг и залег у д. Раковец. ***) На участке 73 бригады противник продолжал удерживаться на восточном берегу Буга перед нашими проволочными заграждениями у м. Корытница; бронепоезда 10/IX были переведены на ст. Ягодин.

Армейский резерв—7 стр. дивизия: 56-й полк 19-й бригады в 23 часа 10/IX прибыл по желдороге на ст. Заболотье остальные два полка этой бригады с ночлега в районе Ковеля утром 10/IX выступили для дальнейшего следования в район Ратно—Заболотье; в остальных бригадах порядок расположения оставался без существенных перемен.

Выводы о боевых действиях 10/IX.

Боевые действия на стыке 12-й и 4-й армий и на правом фланге 12-й армии за 10/IX—переход противника в наступление на широком (60 верстном) фронте с форсировкой р. З. Буга и отход наших войск в глубину в некоторых пунктах на 8—15 верст после короткого боя—свидетельствовали о наступающих здесь крупных боевых событиях и являлись прямой угрозой Ковелю со стороны Мокран (Кобринское шоссе) и со стороны Орехово и Мало-Рыто (Брестская желдорога). Чрезвычайно опасным оказывалось направление по Кобринскому шос-

*) В 2-х и 5-ти верстах сев. ж. д. моста.

**) В 2 1/2 в. юго-вост. Опалин.

***) 4 в. к сев. от Бендюга.

се, оставшееся, вследствие гибели у Замшан нашего броневого отряда, совершенно не защищенным частями 12-й армии.

С настойчивой ясностью, перед командованием вставало требование о непосредственной обороне Ковеля, где сосредотачивались значительные склады запасов и было много учреждений всякого рода; только что (именно 10-го сентября) прибыли в Ковель вагоны с 20000 комплектов обмундирования и обуви, столь необходимых, по мнению самого же командования, для «голых и босых» красноармейцев в смысле под'ема их настроения и боеспособности.

Могло напрашиваться и другое решение—эвакуация г. Ковеля, сопряженная с преждевременным нежелательным понижением упорства в действиях. Если, по соображениям командарма 12 о демонстративных лишь действиях противника на правом фланге и стыке 12-й армии, такое решение об эвакуации само собой отпадало, то и наступление всем, только что сбитым, отчасти деморализованным фронтом, при усилении его частями армейского резерва, вряд ли отвечало и основной цели, и сложившейся обстановке.

По мнению командарма 12 против его правого фланга велась демонстрация противника; но при отражении всякой демонстрации невыгодно затрачивать свой общий резерв; обстановка же—открытый правый фланг армии, отсутствие непосредственного соприкосновения с соседней 4-й армией, делала успех (если бы он и был) нашего наступления здесь весьма непрочным; успех наступления не мог оправдать затрачиваемых на него усилий «при наличии угрозы заходящему флангу нашего наступления».

Общая тенденция,—искать исправления всякого положения в наступлении, не миновала и командарма 12. Он от высших инстанций не получал указаний о защите именно г. Ковеля; сам же не сумел претворить все требования окружающей обстановки и наростающих событий в непреклонное и, может быть, узкое, но единственно возможное с надеждой на столь дорогую в данном случае затяжку борьбу решение: опереться в окрестностях г. Ковеля на неподвижную точку; времени еще хватило бы на укрепление тесного пространства окрестностей Ковеля по радиусу в 10—12 верст на линии, примерно, Мыслина, Нов. Кошары, Туровичи, Ружин, используя находящиеся здесь перелески и образуя резервы для пе-

рехода в короткие контр-атаки из-за укрепленных мест, окружающих эту точку.

В соображениях командарма 12 одержало верх, однако, не такое благоразумное решение, а общий привившийся шаблон —во что бы то ни стало атаковать.

Распоряжения 11-го Сентября.

Командарму 12 обстановка представлялась в следующем виде: (№ 3139 от 11/IX).

«10 сентября на правом фланге армии противник перешел в наступление из района Влодава, Дорогуск. Действует 11 дивизия. По словам пленных за ней наступает еще три дивизии. Главный удар, повидимому, направлен с северо-запада на фронт Заболотье-Шацк; по Ковельскому шоссе давление менее значительно. 58 дивизия и правый фланг 25 оттеснены на линию Ляховцы (10 верст восточнее Мало-Рыто), Крапивник (10 верст восточнее Шацк), Лобачи, Заполье, Янковцы (15 верст западнее Любомль)».

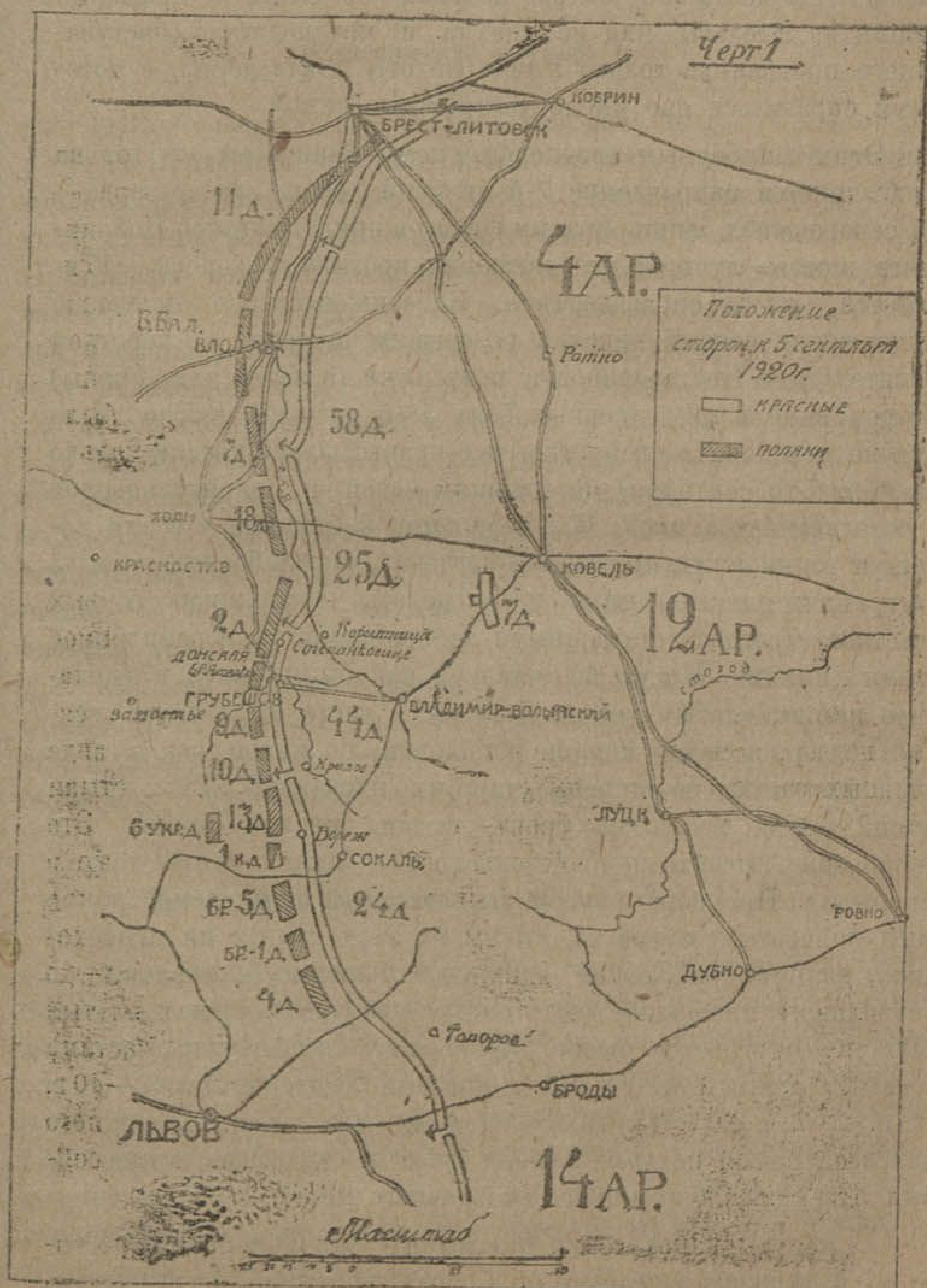
7-й дивизии было приказано: (№ 3158 от 11/IX 13 ч. 50 м.). «Начдиву 7 сосредоточить 19 бригаду в районе Ратно, Заболотье. Выяснить сильной и глубокой контр-разведкой силы противника на Брестском шоссе и в направлении Орехово. Перейти в решительное наступление в направлении Брестского шоссе, нанося сильный, короткий удар наступающему противнику на 58 дивизию, с конечной целью выйти па линию д.д. Пожежин и Масевичи. Принять все меры к скорейшей доставке обмундирования для 19 бригады».

Дополнительно было указано (№ 3163 от 11/IX 16 ч. 30 м.).

«1) Выслать разведку на фронт Подгородно, Рудники, Выжва. 2) К утру 12 сентября развернуть две бригады на указанной линии. 3) Движение бригады на север со всей энергией. 4) Задача дивизии будет дана дополнительно».

В донесении командзапу и сообщении 4-й армии эти распоряжения об'яснялись тем, чтобы два полка дивизии спешно сосредоточить в районе Ратно и совместно с полком, расположенным в д. Заболотье, ударить во фланг наступающему противнику вдоль шоссе на Брест для занятия линии Масевичи, Пожежин. Двумя бригадами дивизии, из района Ковель, в случае необходимости, предполагалось ударить в северо-западном

направлении, на Влодава. Вместе с тем просилось распоряжение оказать содействие со стороны 4 армии, направив удар от Кобрин, Жабинка на Влодава.

Замечания о распоряжениях командарма 12 от 11/IX.

Эти распоряжения командарма 12 надо сопоставить с его позднейшим заявлением, что «армейское командование до последнего момента не имело никаких сведений о движении машин из Влодавы или из Бреста и предполагало наступающего противника только в виде пехоты и кавалерии, с которыми справиться оно имело достаточные силы».

Этим ошибочным предположением командарма 12 только и об'ясняется направление 7-й дивизии—всего арм. резерва—на северо-запад, лишь правым флангом придерживаясь Кобринского шоссе—лучшей для движения противника дороги. Об'ясняется, но не оправдывается. Наметив сложную операцию выдвижения свежей дивизии резерва на широком 40 верстном фронте Ратно-Подгородно для поддержки (а затем для смены) потрепанной в многодневных боях 58-й дивизии, нужно было прочно обеспечить свой открытый правый фланг, уже несколько дней (с 7-го сентября) потерявший связь и соприкосновение с соседней 4-й армией. Мы, в некоторой степени, усвоили хорошую тактическую привычку—назначать частям боевого порядка разграничительные линии и тем делать начальников боевых участков строго ответственными за пространство, ограниченное этими линиями. Но стыки остались как бы ничьими и сделались нашим слабым местом. Над ними часто отсутствует всякий надзор, а между тем он необходим, не иначе, как в виде сильных застав со стороны старших инстанций. Так, стыки армий должен наблюдать фронт, стыки дивизий—армия. Это требование—необходимой безопасности—должно войти тоже в привычку. Пренебрежение к стыкам с соседями, непризнание себя виноватым за все то, что бы на этих стыках ни происходило, на примере Ковеля дошло до вопиющей степени—до безмолвного признания достаточным—ведущее к нам в тыл Кобрин—Ковельское шоссе прикрывать разбитыми частями соседней армии (507-м и 505-м полками 57 дивизии) в 30—40 в. (т. е. 2—3 ч. езды для бронепевиков) от едва ли не важнейшего для всей армии центра—Ковеля, узла ж. дорожных и шоссейных путей и значительного складочного места.

С минуты направления последних сил армейского резерва—7-й дивизии в сторону от Ковеля, поражение надо считать

вполне назревшим и не отстранимым. И вопрос мог отныне идти только о его размерах.

Приводимые ниже распоряжения начдивов согласовались с требованиями командарма 12, предотвратить или резко изменить событий не могли.

Распоряжения начдива 7.

11/IX 8 час. 10 мин. № 1217 комбригу 19.

„1) Противник, невыясненными силами, ведет наступление вдоль шоссе Брест-Ковель и теснит части экспедотряда, из которых одна рота с бронепоездом отошли к ст. Заболотье. 2) Приказываю остальным экспедотрядом ударить во фланг противнику, а роту, отступившую к Заболотье, привести в порядок и выдвинуть на ст. Мельники. Вам приказываю, немедленно с получением сего, выступить с бригадой на мест. Ратно, где сосредоточиться, войти в связь с 56 полком и быть готовым перейти в решительное наступление в направлении Бреста всей бригадой. 4) Передвижение произвести форсированным маршем. 5) Двигаться всей бригадой, одной колонной, имея впереди глубоко по фронту и флангам разведку и меры охранения. 6) Установить со мной техническую связь. Начсвязи дивизии приказано оказать Вам содействие. Войти в связь с фронтальными частями в направлениях Мокраны—Мало-Рыто—Орехов. В случае перерыва со мной связи, действуйте по собственной инициативе, ставя во всем меня в известность. 9) Посылаемого с приказанием мотоциклетиста временно оставьте у себя".

Замечания о распоряжениях начдива 7 от 11/IX.

В этом распоряжении необходимо отметить указание для 19-й бригады двигаться на Ратно *одной колонной*, имея впереди глубоко по фронту разведку. Будь при этом определенно названа дорога—шоссе на Брест (Кобрин)—обеспечение этого важнейшего направления само собою бы осуществилось. Отсутствие такой подробности при общем стремлении к сосредоточению усилий на левом фланге свело почти на нет правильную мысль распоряжения, и на шоссе (как будет видно дальше) оказался всего лишь один кавполк.

Распоряжения начдива 58.

11 IX № 3296 в 8 ч. 50 мин.

Комбригу 173 было отдано такое приказание:

„Оставив в своем подчинении 25 кавбригаду, во что бы то ни стало удерживать занимаемые рубежи и привести части в порядок; усиленными поисками разведчиков в течение 11/IX выяснить точно наименование частей противника, действующих на фронте Орехово-Положево, его силы и намерения. Быть готовыми с рассветом на 12/IX перейти в решительное наступление для занятия линии Мельники-Пища-Лиски-Островье-Пульмо-Свитязь. Кавалерией связаться с частями экспедотряда № 1 в районе х. х., что южнее Хотислав, налево—с 172 бригадой в районе Положево".

В тот же день был отдан приказ по войскам 58 дивизии № 224 в 9 часов о восстановлении положения, после чего задача дивизии указана прежняя—прикрытие головного участка жел. дороги и правого фланга армии.

„Противник потеснил части дивизии, которые задержались на линии Ляховцы, Орехово, Мельники Шацкие, Свитязские, Положево, Локутки, Гороховиско. В районе Ратно, Заболотье сосредоточивается 19 бригада 7-й дивизии. Влево, против участка 25 дивизии, в районах Волчий Перевоз противник держит себя активно. В целях воспрепятствовать дальнейшему продвижению противника и восстановления утраченного положения приказываю: начэкспедотряда № 1: роте, занимающей Заболотье, под прикрытием бронепоезда, выбить противника из Хотислава и занять Мельники, откуда тесно связаться с остальными двумя ротами. По установлении связи отряду перейти в наступление с юго-востока, овладеть ст. Мало-Рыто, после чего влево связаться с Кавбригадой—Орехово, вправо с Сводотрядом—Мокраны. Комкавбригады 25 оставаться в оперативном подчинении комбрига 173. Комбригу 173 привести части в порядок и за 11/IX восстановить утраченное в ночь на 11/IX положение, заняв линию Орехово, Мельники Шацкие, х. Свитязские, имея кавалерию на флангах: во что бы то ни стало удержать указанный участок. Войти в связь вправо с экспедотрядом № 1 в районе Хотислав, влево с частями 172 бригады—Положево. С рассветом 12/IX перейти в наступление и к вечеру этого дня выйти на линию Пища, Островье, Пульмо, Свитязь. Дальше, по мере

выдвижения правого фланга 172 бригады, своим левым флангом, ударом на Ольшанка-Кошары, сбить противника на левый берег Буга и связаться с частями 172 бригады в районе Грабово, прочно укрепить за собой перешеек Кошары, Озеро Пуленецкое, одновременно выдвигая и правый фланг для окончательного восстановления положения, после чего кавбригаду перевести на свой правый фланг для наблюдения за районом Хриниск-Навлесье и связи с экспедотрядом в Мало-Рыто. Комбригу 172 за 11/IX привести части в порядок и к вечеру занять линию Положево, Свитязские Смоляры, Локутки, Вулька Угрузская. 12/IX, одновременно с частями 173 бригады, перейти в наступление и окончательно ликвидировать противника на правом берегу Буга. Восстановив положение, из Грабово установить самую тесную связь с 173 бригадой в районе Ольшанка и с частями 25 дивизии в Опалин. Комгруппы бронепоездов, огнем артиллерии, прикрыть наступающую на Мало-Рыто пехоту и при атаке экспедотрядом д. Мало-Рыто оказать реальную поддержку в овладении таковой. По восстановлении положения частями дивизии, задачи прежние—прикрытие головного участка желдороги и правого фланга армии".

Замечания о распоряжениях начдива 58 от 11/IX.

Задача, поставленная начдивом 58 своей дивизии, чрезвычайно широка. В дивизии было всего около 1400 шт., потерпевших уже поражение, усталых, с подорванным настроением, у противника—6000 шт. Сопоставляя эти данныя и широту задачи приказа, расчитанной при этом на два дня, необходимо охарактеризовать приказ 58 дивизии № 224, как простую отписку; исполнен и даже исполняем он быть не мог. В нем не намечалось никакого маневра—это было лобовое движение измотанных войск на противника, обладавшего слишком четверным превосходством в силах.

Боевые события перегоняли отдаваемые для руководства ими распоряжения. Отсутствие указаний о непосредственном, прямом прикрытии Ковеля не сулило успеха от сложных действий, затеваемых к западу и сев. западу от Ковеля; они не имели опоры, висели на воздухе: лучший путь к Ковелю, в тыл войскам, был открыт после гибели нашего бронеотряда № 30; центр питания и управления армии с 11/IX представлялся уже обреченной жертвой и, притом, слепой; от гарнизона

города, правда, такого слабого (комендантские роты и запбатальон) не было выслано вперед на шоссе никакой разведки—хотя бы в виде мотоциклетиста или велосипедиста.

Боевые действия 11-го сентября.

11 сентября связь правофланговых частей 12 армии с левофланговыми частями 4 армии (169 бриг. 57 див.) оставившими этого числа д. д. Чернаны и Павлополь, не восстановилась.

На участке 58 дивизии от Экспедотряда и кавполка 58 в течение суток 11/IX никаких сведений не поступало (12/IX на ст. Заболотье прибыл пробившийся раз'езд Экспедотряда с донесением о поражении отряда). Бронепоезда №№ 20 и 56 курсировали на участке ст. Крымно—мост у д. Мельники (взорванный противником, занимавшим эту деревню). 56-й полк 7 дивизии—ст. Заболотье—столкновений с противником не имел. Части 173 бригады с 25 кавбригадой утром 11/IX вели бой в районе Лобачи-Бутмер*) (25—20 в. зап. ст. Крымно) и около 12 часов начали отход; к 17 часам бригада вела бой на линии—лесок, что 5 верст вост. Бутмер*)—Плоска—Пехи—Сильно (10—20 верст вост. Шацк), имея резервный полк (517) в д. Крымно. 172 бригада, под угрозой обхода флангов, с 8 час. 11/IX начала отход на линию Положево—Самойлычи—Перешна—Полапы; после полудня завязался бой на флангах бригады. (Все сведения о частях дивизии были получены от комбрига 173, штадивов 25 и 7, т. к. связь со штадивом 58 прервалась).

На участке 25 дивизии: 74 бригада в результате упорных боев, к вечеру 11/IX, совместно с 225 полком (диврезерв) отошла в район Скибы—Подгородно (5—10 вер. вост. Любомль). На участке 75 и 73 бригад наши части к вечеру 11/IX приостановили наступление противника на линии Штунь—Кладнев—Корытница.

7 дивизия: 55 и 57 полки 19 бригады достигли д. д. Выжва и Брюнетовка, где остановились на ночевку, 20 бригада заняла Шайно—Краснодубы—Миляновичи, 21 бригада—Растов—Ружин—Задыбы (10 верст вост. Турийск).

11/IX в штарм поступили сведения о присутствии перед фронтом 58 дивизии 16 польской пех. дивизии.

*) Или Бурмер.

Выводы о боевых действиях 11 сентября.

На стыке 4-й и 12-й армий и на правом фланге 12-й армии следствием боев 11 сентября было продолжение общего отхода 169 бригадой, 58-й и 25 дивизиями правым плечем назад, к Ковелю. Неподвижная точка обозначилась у Корытницы; правый фланг потерпел наибольшее поражение; и от 169 бригады, и от 58-й дивизии с Экспедотрядом и кавполком непосредственных сведений, из за отсутствия связи, не было получено.

Две бригады резерва оставались в ближайших окрестностях г. Ковеля; перед правым флангом армии обозначилось присутствие еще одной дивизии противника.

Одна бригада резерва образовала уступ справа на 20 в. вперед.

Задержка резерва в его движении — обоим бригадам из окрестностей Ковеля (согласно № 3163 командарма 12 от 11 сент. 16 час. 30 м.) указывалось к утру 12 сент. развернуться на фронте Выжва—Рудники—Подгородно— могла до некоторой степени восполнить недостаток предвидения у командарма 12 относительно защиты Ковеля и придания планомерности отходу, особенно 58 дивизии, весьма пострадавшей.

Однако, армейское командование продолжало упорно не считаться с вполне обозначившимися данными грозящей катастрофою обстановки и продолжало настаивать на восстановлении прежнего положения на р. Зап. Буг и, в дальнейшем наметило не поддержку, а смену частей 58 дивизии.

Общая директива командарма 12.

11 сентября в 23 ч. 30 м. № 03168.

Начдивам 25, 24, 44, 58 копия командзап, командармам 4, 14 и 1-й конной.

Противник на участке 25 и 58 дивизий, в составе частей 3-й, 11-й и 16-й дивизий и отряда Булах-Булаховича, развивает наступление в юго-восточном направлении для выигрыша фланга армии. Наши части ведут бой на линии Мокраны, Лобачи, Положево, Полапы, Любомль, Замлынье. В районе Корытница противник также пытается наступать. На участке от Устилуг до Каменка спокойно. Соседние части 4 армии ведут наступление на ст. Жабинка и вдоль шоссе Кобрин, Влодава,

где по сведениям к вечеру 9/IX части 509 полка занимали Черняны. В правофланговых частях 14 армии, после ожесточенных боев в районе Буска, затишье.

Для уничтожения зарвавшегося противника и восстановления положения, приказываю:

1) Начдиву 58 коротким контр-ударом остановить наступление противника и задержаться на линии Мокраны, ст. Заболотье, Крушинец, Головно. По проходе 7-й дивизии через фронт дивизии отвести ее в район Крымно, Выжва, где поступить в армейский резерв. Скорейше привести ее в порядок, пополниться и доформировать 174 бригаду.

2) Начдиву 25 перейти в решительное контр-наступление на своем правом фланге и занять линию Головно—Любомль—Корытница. В связи с ударом 7-й дивизии продолжать дальнейшее наступление и восстановить положение на реке Буг. Во что бы то ни стало удержать район с. Корытница в своих руках.

3) Начдиву 7 с утра 12 сентября с линии Выжва—Подгородно, а 3-й бригадой из района Ратно—Заболотье перейти в решительное наступление в северо-западном направлении на Мало-Рыто—перекресток шоссе, где связаться с 507 полком, 9/IX бывшим в Чернянах, Влодава и отбросить наступающего противника за Буг, заняв положение, ранее занимаемое 58 дивизией. Бронепоезда №№ 56 и 20, кавбригада 25 дивизии и Антоновский отряд 4-й армии—поступает в подчинение начдива 7.

4) Начдивам 44 и 24 продолжать выполнение ранее поставленной задачи. Активными действиями приковать внимание противника.

5) Расграничительные линии: между 7 и 57 дивизиями 4 армии—без изменений—Ратно—Влодава—Радин. Все пункты для 7-й дивизии, с которыми при наступлении не считаться; между 7 и 25 дивизиями—Миляновичи, Подгородно, Забужье, все для 7 дивизии; по выходе 7 дивизии на р. Буг—прежняя: Вешневка, Выжва, Опалин, Савин, все пункты кроме последних двух—для 7 дивизии. Между 44 и 24 дивизиями—ст. Кизерцы—Локачи—Иваничи—Заболотцы, все пункты для 44 дивизии, остальные без перемен.

Замечания на директиву командарма 12 № 3168 от 11 сентября (23 ч. 30 м.).

Конечный фронт направления движения 7 дивизии (2600 шт.) перекресток шоссе — Мало-Рыто — Влодава равнялся 60 верстам. Удар, естественно, выходил по расходящимся направлениям: он не только не мог быть в должной мере сильным, он не мог быть даже исполнен, тем более, что от указанной исходной линии Ратно—Выжва—Подгородно части 7 дивизии ночевали на 12 сентября в 15—25 верстах и лишь два полка (55 и 57) были на этой линии (и один—56 в Заболотье).

Будучи послана шифрованной, эта директива видимо запоздала и расшифровкой, и разработкой ее: в дальнейших распоряжениях начдивов о ней, как еще не расшифрованной, упоминается один раз, исполнения же по ней не видно.

11 сентября 1920 г. 18 час. 40 мин. № 1218 комполку 56.

1) По сообщению штарма 12 части 58 дивизии оттеснены на линию Ляховцы—Крапивник—Лобачи—Локутки. 2) Приказываю вести усиленную разведку в направлении Дворница—Орехово—Дрочево и связаться с частями 58 дивизии.

3) В случае дальнейшего отката 58 дивизии оказать ей содействие во фланг и тыл пр—ку, действующему в направлении Лобачи. 4) Станцию Заболотье оборонять и во что бы то ни стало удержать за собой. 5) Со мной поддерживать самую тесную связь.

Общая директива.

11/IX—20 г. 18 час. 50 мин. № 1219.

1) Противник, действуя дерзко и нахально,—частями 11 дивизии и отрядом Булах-Булаховича оттеснил части 58 дивизии на линию Ляховцы—Крапивники—Лобачи—Локутки. 2) Приказано 58 дивизии отбросить противника и восстановить положение; 56 полку в случае нужды оказать содействие частям 58 дивизии. 3) Во исполнение директивы командарма 12 приказываю: комбригу 19 продолжать выполнять приказ мой № 1217. Комбригу 20 осветить командами конных разведчиков район Выжва—Рудники—Подгородно; выдвинутым командам конных разведчиков в районе Выжва войти в связь с частями 58 дивизии в направлении Лобачи—Крапивники и оставаться в указанных пунктах впредь до особого распоряжения. Осталь-

ную бригаду подготовить для выдвижения в северо-западном направлении; комбригу 21 подготовить бригаду к передвижению в северо-западном направлении. Ком. отдельного кавполка подготовить полк к выдвижению в направлении желездороги Брест—Ковель. Начартдиву 7 подготовить артиллерию к наступлению. Начсвязи принять в свое ведение телеграфную сеть в направлении Ратно и Брест и установить наблюдение на ст. Ковель за центральными и контрольными станциями этих линий. 4) Выдвижение бригад начать по особому моему приказанию.

Замечания на распоряжения начдива 7 от вечера 12-го сентября.

Обращает на себя внимание: 1) необходимость начдиву 7 из Ковеля управлять одним из своих полков на расстоянии 50 верст (56-м, бывшим в Заболотье) и 2) замедливание, видимо по собственной инициативе, начдива 7 исполнением № 3163 командарма 12 от 16 ч. 30 м. 11 сентября о развертывании двух бригад на фронте Подгородно, Рудники, Выжва, к утру 12 сентября, указанием (п. 4 № 1219 от 11/IX 18 ч. 50 м.) о выдвижении бригад лишь по особому приказанию начдива 7.

Распоряжения начдива 58.

14 ч. 30 м. 11/IX № 1329 Помначэкспедотряду.

Ввиду неприбытия начэкспедотряда тов. Короленко предписываю Вам вступить в командование экспедотрядом № 1 до прибытия тов. Короленко. С получением сего, приведя в порядок вверенную Вам часть, занять линию х—ра Струга, Ляховцы и выслать разведку на Замшаны—Мало-Рыто—Мельники. Связавшись с 507 полком вправо, и влево с группой бронепоездов, решительным ударом из д. Ляховцы на Мало-Рыто, овладеть последним и обязательно вывести с перекрестка шоссе разбитые автобронемашины.

14 ч. 30 м. 11/IX комбригу 172 № 3298.

Начдив приказал: отошедшим 516 полком немедленно перейти в наступление и занять Положево. Усиленными поисками разведчиков выяснить состав действующих перед фронтом бригады частей противника, количество и дальнейшие намерения. Об исполнении донести через оперпункт штарма 12.

0,20 м. 12/IX № 3315 начполштадиву.

Начдив приказал: подтвердить к исполнению приказ о переходе в наступление 173 бригады. Охрана мостов остается за

3-м желдивом и 56 полком. Есть новая директива командарма, которая по расшифровании будет разработана и передана Вам.

Начэкспедотряда № 1 от 12/IX 14 ч. 40 м. *) № 3317.

Начдив приказал: привести части в порядок в дер. Горники и выдвижением по шоссе в районе Домановы—Сельцы прикрыть это направление. Вправо, связаться с 507 полком, влево—выслать разведку в направлении Ляховцы. Производить разведку по шоссе на Мокраны. Патроны получить у Вашего завхоза в м. Ратно в количестве 12.000.

Замечания на распоряжения начдива 57 от 11—12-го сентября.

Указания экспедотряду приходится считать запоздалыми—он 11/IX потерпел сильное поражение и был отрезан, о чем до штаба дивизии сведение дошло лишь 12/IX.

Точно также и указания о переходе в наступление 172 и 173-й бригад. Боевого дела по этим указаниям нельзя было отделать—они могли лишь служить средством оправдаться в отсутствии распорядительности.

Боевые действия 12 сентября. Оставление Ковеля.

12 сентября на левом фланге 4 армии, на участке 169 бригады 57 дивизии, противник в 18 часов занял д. Хобовичи (25 в. южнее г. Кобрин); 507 полк вел бой в районе д. Борки (10 в. сев.-вост. Мокраны).

На участке 58 дивизии 12/IX по сведениям, полученным в штарме 12-15 сент., остатки Экспедотряда и Антоновского отряда присоединились к 507 полку (4 армии). Около 9 ч. 12/IX противником была занята д. Ратно; часть 173 бригады в числе до 300 штыков была отрезана конницей противника в районе Крымно-Нудыжи; 516 полк 172 бригады был отрезан противником в районе Згораны (20 в. сев. Любомль); 514 и 515 полки 172 бригады из района Полапы отошли в южном направлении на присоединение к частям 25 дивизии. Бронепоезда 20 и 56 пробились через ст. Ковель на Ровенскую линию.

На участке 25 дивизии: 74 бригада в ночь на 12/IX отошла в район Мациов; с утра 12/IX было приказано выдвинуться на линию Головно—Подгородно (15—10 в. сев. и вост. Любомль), об исполнении сведений не поступало; 225 полк (дивревезерв)

*) Надо считать 4 ч. 40 м., так как 14 ч. 40 м. дата явно ошибочная.

и бронепоезда утром 12/IX находились у д. Руда (15 в. вост. Любомль). 75 бригада под давлением противника заняла линию Хворостов—Чмыкос (15 в. юго-вост. и южнее Любомль); 73 бригада с утра под давлением противника была в движении из района Корытница—Стенжаричи в район Мокрец (15 в. юго-зап. Турийск).

7 дивизию к утру 12/IX предполагалось развернуть—для контр-удара и ликвидации успеха противника—19 бригаду—на линии Горники (5 в. сев. Ратно)—Старостин—Заболотье, а 20 и 21 бригады—Выжва—Рудники—Полапы—Подгородно (директива № 03168 от 11/IX 22 ч. 30 м.), но под давлением противника и налетом его на Ковель маневр был сорван и к утру 13/IX части дивизии сосредоточились—19 бригада и кавполк 7 у дер. Буцыни, 20 и 21 бригады восточнее и южнее Ковеля.

Около 12 ч. 12/IX 1-й легкий артдивизион 7 дивизии, расположенный в д. Мыслина (10 в. сев. Ковеля), вступил в бой с неожиданно появившимся на шоссе со стороны Бреста автопоездом в составе 6-ти бронеавтомобилей и невыясненного числа грузовиков*) с пехотой и прицепленными сзади легкими орудиями. Неимевшему пехотного прикрытия артдивизиону и затем кавполку 7 у д. Дубовая остановить автопоезда не удалось и около 15 час. 3 бронемашины подошли к г. Ковелю и обстреляли вокзал и город. Разрозненные и немногочисленные комендантские команды**) были противником быстро выбиты из города. Неоднократные попытки 12/IX отряда из этих команд, сорганизованных начдивом 7 на восточной окраине города Ковеля, при поддержке бронепоездов №№ 72 и 82 (Конармии), выбить противника из города успеха не имели. По непроверенным данным в Ковель 12/IX на грузовых автомобилях прибыли части 168 и 105 пех. полков противника, присутствие кавчастей было обнаружено 13/IX.

Заключение о боевых действиях 12 сентября.

Боевые действия 12 сентября представляют продолжение **наступления противника в превосходных силах; и не только на стыке и правом фланге 12-й армии, а и от Грубешова.**

*) По другим сведениям около 30-ти.

**) Начгарнизона города состоял комполбатальона 35.

Армейский резерв—7-я дивизия—вследствие данного ей направления не могла ни прямо, ни косвенно воздействовать на события и оказалась сама лишенной естественного своего центра действий—г. Ковеля. Поражение принимало размеры катастрофы.

Распоряжения 12 сентября.

Приводится только одна директива начдива 58 от 14 ч. 35 м. 12 сентября. Документы 7 дивизии утеряны при дальнейшем беспорядочном отходе. Командарм 12, встреченный вечером 12 сентября в 30 верстах от Ковеля на пути к этому, уже захваченному, городу, видимо никаких распоряжений в дальнейшем своему правому флангу не давал.

Распоряжения начдива 58.

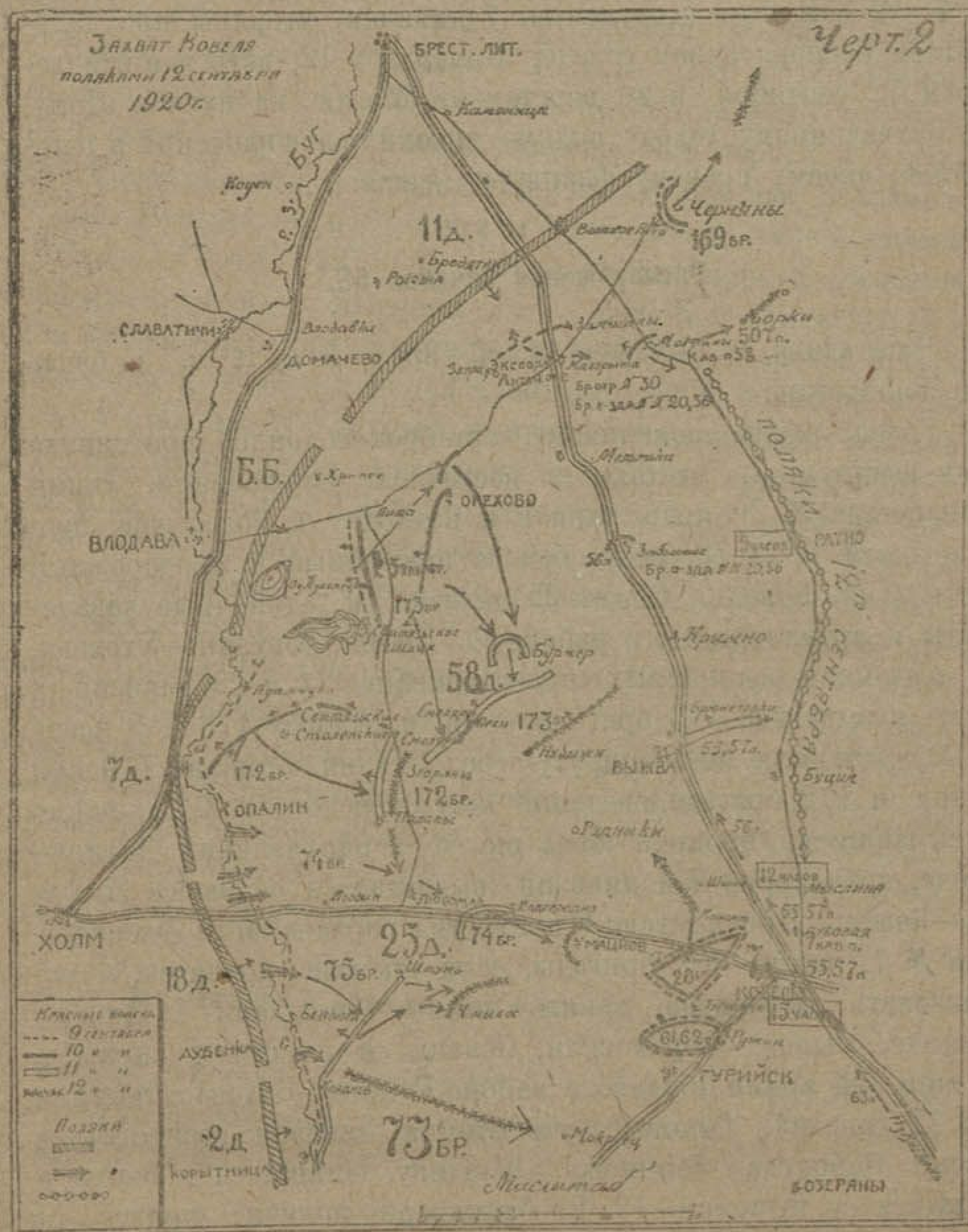
Наштадиву от 13/IX в 14 ч. 35 м. № 0136 ж. д. будка у д. Колодежно.

Ковель занят, повидимому, автобронеколонной противника и им выставлены заставы в восточном направлении. Наши бронепоезда № 20 и 58 вышли и подходят к Колодежно, бронепоезда № 80 и 72 ведут бои за шоссейный и желдорожный мосты у ст. Ковель. Обозы 25 дивизии и одиночные кавалеристы и артиллеристы в районе д. Билин—Скулин—Уховецк. По сведениям одиночных красноармейцев 7 и 25 дивизии, а также музыкантов 173 бригады обозы и штабриг 173 в 5 часов 12/IX выступили по маршруту через Скулин. Комбриг 173 при частях; о 172 бригаде сведений нет. Экспедотряд № 1, видимо рассыпавшись, прошел через шоссе в направлении Датин—Любче, артиллерия 7-й дивизии выдвигается по шоссе Любитов—Ковель. Приказываю: 1) привести в порядок части Экспедотряда № 1, части 173 бригады, если таковыя появятся, и мобилизовать тыловиков, занять линию (заставами) Адамовка, Велимче, Сынов, Сераховичи, Облапы и связаться вправо с частями 4-й армии и влево в районе Гушин—Бахова с частями 7 и 25 дивизий. Тыловые учреждения дивизии разместить в районе Набруска—Лешневка. Штадиву оставаться в Верхи и связаться со штармом 12. 2) Артиллерия получит приказ от начартдива 58, при сем прилагаемый. 3) Я буду продвигаться

с бронепоездами через Ковель до соединения с частями. 4) Связь со мною по железнодорожной линии Ровно—Ковель. 5) Заместители: наштадив 58 тов. Денисов и начартдив 58 тов. Матвеев.

Дальнейший ход действий с 12-го по 15 Сентября.

О ходе действий вечером 12-го и затем в последующие дни до 15 Сентября, когда отступавшие части правого фланга 12

армии вошли в связь со штабом армии, не имеется в деле подробных данных. Эти действия сводились к следующему:

Начдив 7, как старший войсковой начальник из находящихся в гор. Ковеле, принял начальствование над тамошними разнообразными частями, комендантскими ротами и дивизионной школой комсостава. Но было слишком поздно: противник уже подошел к Ковелю на дальность артогня. Несмотря на наличность в городе бронепоездов, оборона города сборными частями не могла быть организована, точно также как и наступление, предпринимаемое несколько раз для обратного овладения городом. 13/IX в районе ст. Кошары части 7, 25 и 58 дивизий, об'единенные под командой начдива 7, наскоро устроившись, 13 и 14 предпринимали тщетные попытки вернуть Ковель, при посредстве вновь подошедших бронечастей.

15/IX группа начдива 7 тов. Голикова получила приказ командарма 12 об отходе на р. Стоход.

Противник, широким фронтом, на всем протяжении 12 армии, просочился в наше расположение, последствием чего в дальнейшем был захват Пинска в то время, когда наши части еще дрались под Кобрином, и затем отход к востоку на 150—200 в. всего Западного фронта.

Заключение о боевых действиях с 12 по 15 сентября.

Наступившая общая сумятица в 12-й армии, как следствие захвата Ковеля противником, отсутствие связи с руководящим центром—со штабом армии—и окружение поляками частей 58, 7 и 25 дивизий привели к созданию случайного командования—группы Голикова. И до тех пор бывшее неудовлетворительным, настроение бойцов понизилось еще более и характеризуется в заявлениях начдивов, как паническое. Переломить его не хватило средств у комсостава, и исправить положение обратным взятием Ковеля не удалось. Если 9, 10, даже 11 Сентября можно было кое-что сделать предвидением, то 12-го и в последующие дни требовался высший героизм. Отдельные вспышки его несомненно были, но они дела поправить не могли.

Общее заключение.

Из всего того, что в той или другой степени влияло на поражение 12-й армии под Ковелем и на ее отход от этого города, необходимо выделить неожиданный захват г. Ковеля бронемашинами пр-ка, как главную причину увеличения поражения до размеров катастрофы.

Сам командарм 12 впоследствии заявил, что он не имел никаких сведений о движении бронемашин из Влодавы или из Бреста, а начдив 58 об'ясняет занятие г. Ковеля искусным, впервые примененным маневром противника—неожиданным появлением автоброneколонны противника на шоссе, стремительностью его действий и неподготовленностью частей к встрече бронеавтомобилей противника.

Это об'яснение нельзя считать полным.

В нашей «Инструкции броневым автомобильным отрядам» (Приказ Рев. В. Сов. Респ.—1919 г. № 59) правда, не имеется отдельной главы о способах противодействия бронеавтомобилям со стороны других родов войск, но в § 9, среди задач, возлагаемых на броневые отряды в полевой войне (п. 3 г.) указано оказание «самого интенсивного огневого содействия наружным флангам наших войск, а особенно производящим охват фланга противника или обход его». Далее в § 10-м п. 1 гласит, что «решающим элементом в действиях броневых автомобилей против неприятельских частей является внезапность». В п. 5 того же § сказано:

«Когда противник опрокинут, броневые автомобили быстро выдвигаются вперед, стремясь прорваться в тыл противника для воспрепятствования планомерному отходу противника и для преследования его своим огнем».

Это знание свойств бронеавтомобилей, по инструкции, являлось обязательным для комсостава, и новизна, внезапность польского налета, должны отпасть. В подчинении наших начальников был также бронеотряд; правда, он вскоре погиб, но каждому бронеотряду свойственна дерзость наскока, и красные бронеавтомобили обнаруживают ее уже 4-й год.

Поэтому, непредусмотренность возможности происшедшего захвата Ковеля польскими бронемашинами является прямой оплошностью начальствующих лиц и, главным образом,

командарма 12, который не назначил общего, для заведывания обороной этого важного места, начальника войск в Ковеле, кроме обычного городского начгарнизона с чисто лишь военно-полицейскими функциями.

Даже при той недооценке событий на своем правом фланге, какую проявил Командарм 12, представлявший наибольшую опасность неприятельского удара на свой левый фланг—заблаговременная организация обороны г. Ковеля напрашивалась сама собой.

Командарм 12 не хотел задаться единственно соответственной данной обстановке задачею—отступательным маневром, с осью его в окрестностях Ковеля (которые было необходимо в имевшееся с избытком время укрепить), причем армейский резерв—7-я дивизия—был бы использован во всю и был бы избавлен от роли простого зрителя при захвате Ковеля поляками, но оборона самого Ковеля, даже вне связи с маневром, являлась насущной необходимостью для командарма 12, именно с целью выгадать время для раздачи сосредотачиваемых в г. Ковеле 20/т. комплектов обмундирования и обуви, столь необходимых, по словам командарма 12, для поднятия настроения и боеспособности в войсках. Этой раздачи нельзя было сделать в два дня, как расчитывал почему-то командарм. Самый процесс раздачи такого большого числа комплектов с места потребовал бы не менее недели времени; к этому надо прибавить 3—4 дня на доставку и выдачу вещей каждому красноармейцу в руки, при условии не всегда точно известного направления отхода войск.

Без заранее организованной обороны Ковеля, нельзя было ручаться на долгий, свыше недели, срок за сохранение запасов с таким трудом собранной Республикой одежды и обуви вблизи, в 20—30 верстах, от отступавшей боевой линии.

Таким образом, отсутствие непосредственной, заблаговременной, организованной обороны Ковеля надо также поставить в упрек командарму 12.

Что касается начдивов 58, 7 и 25, то вряд ли их можно в чем либо прямо обвинять за допуск захвата Ковеля бронемашинами противника. Место этого захвата было не на их боевых участках, а в тылу, бывшем в ведении армии (по крайней мере из документов не видно, чтобы г. Ковель, как тыло-

вой пункт, был поручен ведению кого-либо из начдивов), да и самый прорыв к этому месту произошел на участке 507 полка 4-й армии.

Косвенно можно считать ответственными начдивов 58 и 7 за то, что встречаемые бронсавтоколонной противника войска этих дивизий по шоссе, не давали броневой колонне должного отпора.

Оправданием начдивов в этом может служить то, что они, собственно, не получали определенной задачи оборонять именно шоссе.

Такой задачи не получал и командарм 12 от высших инстанций.

Однако, она возлагалась на начальствующих лиц и общим духом военного искусства и определенными указаниями приведенной выше „Инструкции броневым автомобильным отрядам“.

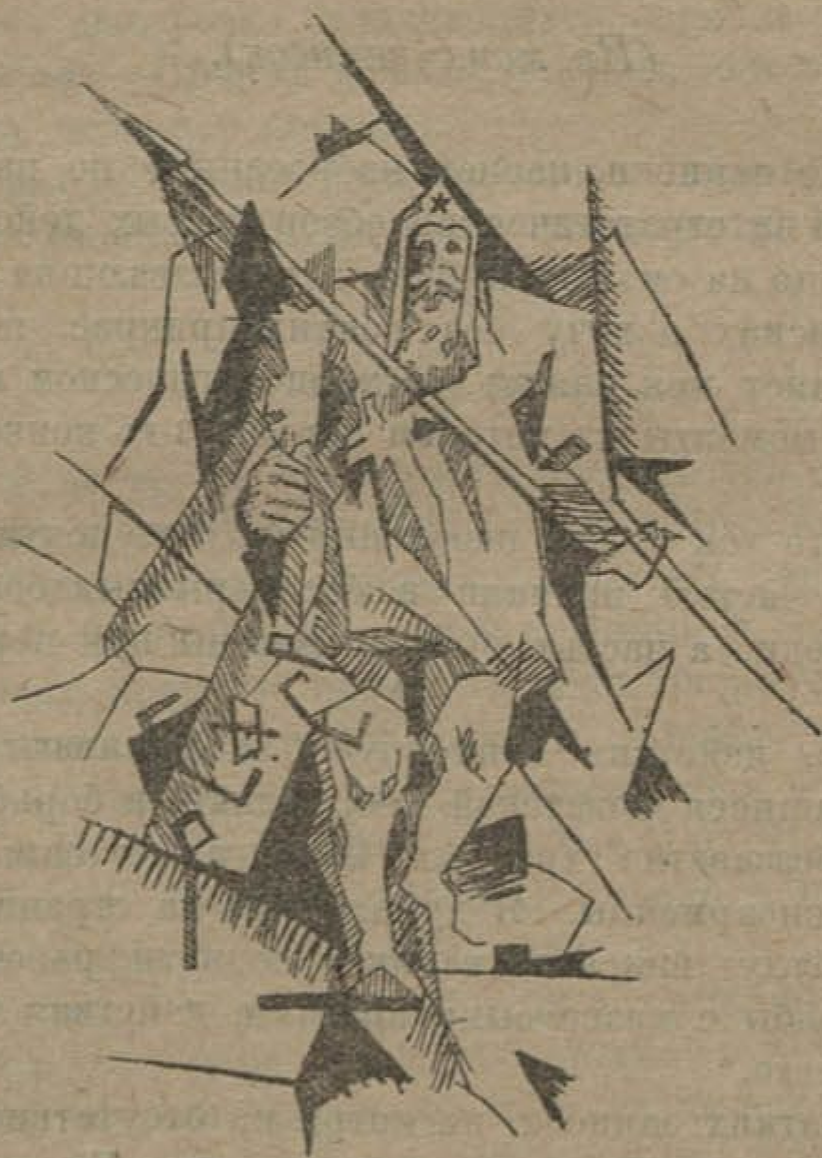
Что касается проявлений военного искусства в этой операции, необходимо все замечания в этом смысле свести к одному положению—в распоряжениях наших начальствующих лиц резко заметно пристрастие исправлять ошибку общим переходом в наступление. Это прием ошибочный, а обращенный в привычку, он делается опасным в высшей степени, так как противнику легко находить способ противодействия; можно даже сказать, что противник будет действовать наверняка, раз мы применяем во всех случаях обстановки один и тот же прием, обратившийся в простой шаблон. Истинное военное искусство состоит не в безоглядном наступлении по всему фронту, а в ударе превосходными силами по чувствительному месту противника, в строго рассчитанную решительную минуту. Такой удар немыслим без маневра, т. е. требуется создание некоторого числа до известной степени неподвижных точек, около которых производится перегруппировка войск с целью образования производящего удар кулака.

Безоглядное наступление всем фронтом применимо лишь в некоторых случаях гражданской войны, когда ожидаем найти поддержку (как бы резерв) впереди, от восставших, сочувствующих нам классов противной стороны, в самом ее центре; но во всех других случаях это прием ошибочный.

Особенно же такой прием не соответствовал обстановке, сложившейся у Ковеля, против неприятеля, упоенного Вар-

шавской победой и успехом над конной армией тов. Буденного, а также при наличии у нас начавшейся деморализации войск на почве больших недостатков в материальном снабжении.

Вина за усвоение указанного неправильного приема в вождении войск и за недостаток снабжения лежит в области общих причин, в области общего руководства событиями.

Гая.

Отход 3-го конкорпуса на Запфронте.

(Из моих записок).

Мои краткие записки, наспех набросанные по памяти, конечно, не претендуют ни на стратегический обзор боевых действий 3-го конкорпуса, ни вообще на сколько-нибудь исчерпывающие повествования.

В моих записках я хочу без всяких прикрас, по возможности, насколько позволяет моя память, в хронологическом порядке, изложить отдельные моменты из истории борьбы 3-го конкорпуса с польской шляхтой.

Я считаю это тем более необходимым, что почти все исторические материалы частью пропали в беспрерывных боях, о которых речь будет впереди, а частью были сожжены при переходе корпуса в Германию.

Кроме сего, действия конкорпуса заслуживают того, чтобы о них знали трудящиеся Советской Республики, в борьбе за чьи интересы гибли в беззаветно храбрых подвигах и самопожертвовании доблестные красноармейцы. Я думаю, что на страницах, где золотыми буквами будут вписаны великие подвиги рабочих и крестьян за время их борьбы с классовыми врагами, действия корпуса займут не последнее место.

Из этих кратких записок, несмотря на отсутствие в них многих данных, убедятся и друзья и враги, что клич: „Пролетарий на коня" был услышан, и что пролетарий с честью претворил его в жизнь.

Даже в печальной картине отступления, на ряду с царившим хаосом, паникой, дезорганизацией тыла, явившихся, главным образом, следствием вынужденного отхода, мы видим беспримерный героизм и величайшее самопожертвование красноармейцев, движимых одним сознанием правоты дела во имя которого они борятся.

Изнуренные беспрерывными боями, усталые от многих бессонных ночей, голодные—не видавшие по несколько дней хлеба,—полураздетые, босые, морально подавленные под влиянием постигшей неудачи и от сознания, что нет снарядов и патронов для продолжения борьбы, только с шашками в руках,—они все же лихо идут в бой

на врага, стремясь прорваться сквозь цепи противника, чтобы влиться в свою семью—в Кр. Армию, для дальнейшей совместной борьбы, но не для отдыха.

И в этом величаво-прекрасном утопает то печальное,— что является неизбежным спутником,—выпадающее на долю при поражении.

3-й конкорпус мог потерпеть поражение, но он не сдался на милость противника; он дрался до последнего патрона и, истекая кровью в неравной борьбе—отступил, сохранив веру в лучшие, светлые дни, в конечную и безусловную победу.

Два периода.

Действия 3-го конкорпуса на Запфронте начались 5-го июля 1920 года, т. е. с момента нашего перехода в общее наступление, и распадаются на два, резко отличающихся периода.

Первый период.—Прорыв фронта поляков, блестящий марш вперед—сплошное победное шествие.

Второй период.—Начало вынужденного отхода, борьба за выход из кольца противника, окружившего наши части, и переход Германской границы.

Первый период.

В корпусе, за время его первого наступления, были две дивизии: 10-я кавдивизия в количестве 2100 сабель и 15-я кавдивизия в количестве 800 сабель—всего в корпусе в круглых цифрах—2900 сабель.

Начал свое наступление корпус от линии р. З.-Двина у г. Дисна и, после удачного прорыва фронта поляков (корпус прорвался в тыл 1-й армии противника) в районе Дисны, корпус, непрерывно наступая, делая 50—70 верст в день, в течение двух недель, взял с боем города: Н. Свенцяны, Ст. Свенцяны, Вильно (14/VII) и наконец, 16/VII, дойдя до р. Неман, атаковал крепость Гродно и после двухдневных боев занял ее, захватив большие трофеи.

После взятия Вильно корпусу были приданы 16-я и 33-я кавбригады (бывш. 16-я и 33-я див. 15-й армии) в составе 1500 сабель. Таким образом, ко дню взятия Гродно, за вычетом убитых и раненых, в корпусе было (в круглых цифрах) 4000 сабель.

Не останавливаясь на отдельных моментах первого периода наступления, лишь вкратце коснусь положения, в котором корпус находился в отношении снабжения его всеми видами довольствия.

Первое время снабжение продовольствием, фуражем и огнеприпасами было вполне удовлетворительно, ввиду близости артсклада армии и имевшихся запасов в корпусе из привезенных с Кавказского фронта.

Однако, ввиду отсутствия в корпусе транспорта (взамен обещанных армией 1000 обывательских подвод было предоставлено всего 300), продбазы и артсклады корпуса пришлось оставить на

время в г. Полоцке и вопрос снабжения становился с каждым днем все острее.

Неоднократные мои просьбы: дать более или менее продолжительную стоянку, дабы за это время могли, с одной стороны, отдохнуть лошади и люди после многодневного утомительного марша и с другой,—чтобы можно было подтянуть из Полоцка тылы корпуса,—не увенчались успехом.

Обстановка повелительно требовала двигаться вперед и командарм, подчиняясь ей, приказывал стремительно наступать, ставя все новые и новые задачи, упуская очевидно из виду, что силы людей и лошадей имеют свои пределы.

Каждое продвижение вперед все больше подрывало силы корпуса: изнурялись лошади, люди; выбывали из строя красноармейцы и комсостав, а пополнений не поступало.

Количество сабель в корпусе, наконец, уменьшилось до 3.000, т. к. пришлось отправить в распоряжение командарма 15—89-й и 90-й кавполки (800 сабель). Мною было послано несколько докладов командарму о положении корпуса, с указанием, что оно близко к катастрофе, т. к. конский состав до того изнурен, что нельзя развивать аллюр больше рыси, что за отсутствием огнеприпасов артиллерия почти бездействует.

Однако, все мои указания и доклады не привели к положительным результатам. Корпус все слабел, а события своим чередом надвигались довольно быстрым темпом.

Начало неудач.

Тем временем, поляки стали проявлять активность, добившись некоторых успехов.

17-го августа противник, повидимому, прижав правый фланг 15-й армии в районе Цеханово, выбросил по этому направлению несколько дивизий со стороны Ново-Георгиевска. Часть этих сил противника успешно удерживала наступление левого фланга 4-й армии (18-й и 53-й див.) на Плонск.

Точного положения, как всего западного фронта, так и 4-й и 15-й армии в штакоре никогда не было известно, ибо со штармом, ввиду нашего стремительного наступления и отсутствия средств связи, регулярной связи никогда не было.

Кроме скудных газетных сведений о запфронте, сведений, полученных из соседних дивизий посредством конного ординарца, а иногда сведений, даваемых командармом в боевых приказах о противнике,—никаких других не имелось в штакоре. Иногда лишь привозились целые мешки запоздалых оператсводок. В штакоре имелась одна радио-станция.

Радио-станцию 10-й дивизии захватила армия, но потеряла ее в Цеханове. Почти все боевые приказы для корпуса приходили через

соседние части, иногда с сильным опозданием, ввиду чего приходилось действовать ощупью, лишь догадываясь, что именно требуется от армейской кавалерии. 17 августа, около 18 часов, я получил приказы (через штадив 53) сдать участок на Шаво-Влацславск 53-й дивизии, выделить 60 казачий полк в район Кикол (полк производил разведку на Торно—Добрешин), передав его в распоряжение начдива 53, и срочно направить 86 кавполк на Сольдау в распоряжение начдива 12, а остальными силами наступать на Плоцк через Дробин, т. к. положение 15 армии крайне тяжелое и необходима помощь.

До сего времени для меня не ясно, чем именно был вызван этот приказ командарма. Предполагал ли он демонстрировать—будто корпус намерен через Плоцк наступать на Варшаву, или же обходным путем ударить во фланг и тыл противника, действующего против 15-й армии, дабы этим путем ослабить его нажим на армию? Но командарм, кажется, не учел расчета времени, расстояния, положения корпуса и соотношения сил; этот недосмотр обнаружился в дальнейшем. В приказе командарма говорилось также, что на Плоцк будет наступать одна бригада из Бельска (18 див.).

Ночью корпусу пришлось взять из обозов 53 дивизии 600 снарядов и наступать на Плоцк, который и был атакован с запада и с севера 18 августа в 10 часов вечера. После 10 часов упорного боя, части корпуса ворвались в город, уничтожив ряды проволочных заграждений и перейдя окопы. В городе начался правильный уличный бой с 4 пехотными и 1 кавалерийским полком противника с большим числом артиллерии. Противник засел в домах, на крышах, заранее приготовленных баррикадах. Все улицы города, крыши и высокие дома были забаррикадированы. Все перекрестные улицы были укреплены проволочными заграждениями, окопами, земляными дамбами, блиндажами и пулеметными гнездами, по всем правилам фортификации. По показанию пленных, означенные укрепления были сделаны заблаговременно французскими инструкторами с участием всего польского населения и партизанского отряда в составе 5 полков. Кроме того, 4 вооруженных парохода защищали город артиллерией и пулеметным огнем, с Вислы, с запада и востока. Несмотря на все эти трудности, корпусу удалось к 24 часам 18 августа овладеть большей частью города, выбить из домов и с крыш противника, захватить 3 парохода, зарубить до 800 чел. и взять в плен около 1500 человек. До рассвета следующего дня мы перешли на окраину города, продолжая бой у моста. Противник ночью получил подкрепление с левого берега и на пароходах переходил неоднократно в атаку.

В 4 часа 19/VII я получил извещение, что командарм через штадив 18 срочно потребовал меня. Немедленно я выехал из Сикоржа, где помещался штакор, в Гостлицу, и через штадив 18 получил в 7 час. 35 м. по телефону следующее приказание, непосредственно от командарма: „Положение 15 армии крайне ухудшилось, немед-

ленно передать город Плоцк бригаде 18-й дивизии, а самому с корпусом, не теряя ни минуты, через Гостлицу наступать на город Плонск". Я ответил, что бригада 18 див. еще не подошла и если подойдет к 12 час. все же не с'умеет удержать города, что в данный момент происходит ожесточенный бой на мосту у Вислы и спрашивал, как командарм приказывает:—бросить ли совершенно город, ждать ли наступления темноты, или подхода пехоты?

Надо учесть, что незаметно кавалерия не может отойти днем, противник будет преследовать корпус по пятам с тыла; а самое главное — в корпусе всего 300 снарядов — 200 в 15 кавдизии, 100 в 10 дивизии. Я получил ответ: „Бросить немедленно город и сейчас же наступать на Плонск". Не теряя ни минуты я вернулся в штабы 10 и 15 дивизий и дал приказ: немедленно прекратить бой и, оставив заслон у города, сосредоточиться в госп. дв. Гостлица для дальнейшего наступления на гор. Плонск.

Усталым, не спавшим трое суток полкам, роптавшим командирам и возмущенным начдивам, пришлось вкратце выяснить положение и потребовать немедленного наступления на Плонск. На их ответы: „Чем же мы будем стрелять, нет снарядов, патронов, нет карт, третий день люди и лошади не ели, не спали, кони еле-еле двигаются, часовые спят, стоя с винтовками на руках, дайте отдыха", пришлось угрожать и потребовать без ропота и рассуждения исполнять приказ.

В 10 часов я вернулся в штакор, в Сикорж, для распоряжения о переводе такового в госп. дв. Гостлица. В 13 часов 19/VIII штакор перешел в Гостлицу, а части корпуса с боем отходя от Плоцка, сосредоточившись в Гостлице, перешли в наступление на Плонск, оставив заслон в 3-х верстах севернее города.

В 10 час. утра 2 аэроплана сопровождали марш корпуса, бросая бомбы и обстреливая из пулемета отходящие колонны. В 15 час. было получено донесение от начдива 16, что части дивизии заняли с боем деревню Сторожевы и двинулись на м. Гура, откуда противник наступает по шоссе на корпус, имея в авангарде 2 кавполка, 1 полк пехоты и 2 бронемашины.

По показаниям, пленных в Плонске сосредоточились крупные силы противника: приблизительно 4 полка кавалерии и 2 пехотных дивизии.

В 15 час. 30 мин. комбриг 18 срочно вызвал меня и доложил, что его части, согласно полученного приказа, весьма срочно отходят в Дробин и далее на Цеханов, что вся 4-я армия отходит, и приказано немедленно отправить все обозы. Одновременно он передал мне приказ командарма о срочной отправке обозов и тыловых частей через Серпец на Млаву, назначая следующие дороги для тылов 53 и 12 дивизии и корпуса: Серпец — Млава — Каржеле — Мышенец; а для 54 и 18 дивизии: Дробин—Рационж—Цеханов—Прасныш--Кадзидло и т. д.

Ввиду неясности для меня общего положения армии, я пытался несколько раз узнать обстановку у начдива 18 или у командарма 4, но долго мне это не удавалось из-за порчи телефонной связи. В 17 час., наконец, меня соединили со штадивом 18 и вызвали командарма, которого я просил точно ориентировать меня о положении армии и сказать, какова дальнейшая задача корпуса. На мой первый вопрос я точного ответа не получил, а на второй — он сообщил, что ничего серьезного пока нет, наступление корпуса крайне облегчило положение 54 и 18 дивизий, т. к. противник ослабил натиск на эти дивизии и, благодаря нашему наступлению, начал отходить на Плонск. Несмотря на это, положение 15-й армии настолько ухудшилось, что 4-я армия вынуждена отступать. Задача корпуса — прикрывать отход пехоты армии, главным образом, 53 дивизии, которая по его расчету должна была уйти из Липно 19 утром. Вся армия к 21 должна сосредоточиться на линии: Млава — Конопки — Цеханов, в 3 группы: — 54-я и 18-я дивизии в районе Цеханов; корпус на правом фланге армии в районе Млава; 53-я дивизия в армейском резерве в районе Шульмерж и Лесного, что на шоссе Цеханов — Грудуск. Корпусу — прекратить дальнейшее наступление на Плонск и далее на местечко Гурье не наступать, а оставаться на занимаемой позиции, дабы прикрыть отход армии с запада и с юга. 21/VIII корпус должен отойти на линию Редзанова — Стржегово, а 22/VIII на Млаву и западнее ее. На мой вопрос: „Как положение на участке 15 армии, где 12 дивизия, на какой линии и кем занят Цеханов?" Командарм ответил, что связи с 15-й армией нет, но, по всей вероятности, правый фланг 15-й армии восточнее Цеханова, если не в самом Цеханове; 12 дивизия из Сольдау отходит на Млаву, а штаб 4-й армии переходит на Остроленко".

Этим и закончился наш разговор. Получив означенный приказ, я немедленно распорядился срочно отправить корпусной обоз 1-го разряда и всю артиллерию, не имеющую снарядов, оставив при дивизиях по одной батарее, несколько подвод с огнеприпасами, и несколько повозок для раненых. Немедленно была отправлена тыловая часть штакора, оставлена лишь полевая—оперативная часть.

Все обозы были отправлены по указанному армией маршруту, а именно: Бельск — Серпец — Шренск—Млава—Коржеле—Мышенец. Тыловые обозы корпуса 2-го разряда, как то: санчасть, опродкомкор, ремонткор, адмот, будучи в это время в Серпеце, также получили приказ двинуться. Все обозы двинулись под руководством моего помощника, т. Вилумса (бывшего наштакора).

К этому времени части корпуса удачным маневром разбили противника, наступавшего из Плонска силою 2-х полков кавалерии, 1 полка пехоты, 2 бронмашин и заняли м-ко Юра, выслав разведку на дер. Булово, что в 8 верстах западнее Плонска. По показаниям пленных подтвердилось, что в районе Плонска противник имеет 2 пехот-

ных полка и кавдивизию с большим числом артиллерии. Означенная группа противника составляет ударный корпус, предназначенный для удара в тыл 4-ой армии.

Второй период.

Планомерный отход корпуса. Для остановки дальнейшего наступления 3-го конкорпуса, за отсутствием технической связи, мне пришлось самому выехать из Гостлицы (на своем единственном сломанном автомобиле, все остальные 9 были взяты армией) в м-ко Гуры. После нового распоряжения об отходе корпуса, я вернулся обратно в штакор в Гостлицу к первому часу 20/VIII. В штакоре уже с нетерпением ждали меня для перехода в Дробин, т. к. в районе Гостлицы уже появились из Плоцка неприятельские раз'езды, имея лишь перестрелку с заслоном. Противник, после ухода корпуса, вновь занял Плоцк и, потеснив пехотную бригаду 18-й дивизии, начал преследовать корпус по пятам, о чем мною было доложено командарму.

20/VIII к 7 часам утра штакор перешел в Дробин, части корпуса продолжали оставаться на занимаемой линии, имея задачей усиленно разведывать по направлению на Плоцк и Плонск, а к вечеру того же дня сосредоточиться южнее Дробина. Прибыв в Дробин, я застал там командарма 4 т. Шуваева, члена Р. В. С. Вегера и наштарма 4 Горчакова, которые в ночь на 20/VIII прибыли на автомобилях из Серпеца. Новых сведений о противнике они еще не имели. Командарм вновь подтвердил задачу корпуса, прося меня спасти 53-ю дивизию. В 8 часов они выехали через Дробин—Млава и далее на Остроленко. Это было мое последнее свидание с командармом. Через несколько минут после от'езда командарма, через Дробин прошла на Цеханов последняя колонна арриергарда 18-й дивизии с штадивом, имея маршрут Глиносецк—Цеханов, где должны были присоединиться к начдиву 54. Через 2 часа после ухода арриергарда 18-й дивизии, телефон 54-й дивизии тоже снялся из Рационжа, сообщив, что отправляется на Цеханов.

После этого связь со всеми частями 4-й армии совершенно прекратилась. В 14 часов я получил донесение от частей корпуса, что противник неоднократно пытался наступать на 15 дивизию в районе м-ка Гура, но был отбит. В это время в Дробин приехало несколько подвод с ранеными красноармейцами, ускользнувшими из Серпеца и сообщили, что 20 утром, противник, разбив арриергард 53-й дивизии, занял г. Серпец и двигается через Бежуны на Млаву. В 20 часов я дал приказ по корпусу: начать отход частей в 24 часа. 10-й див. отойти на линию Редзаново и 15 дивизии—на Стржегово. Отход должен был совершиться через Рационж—Глиносецк—Стржегово (15-я дивизия) Рационж—Редзаново (10 кавдив). Корпус должен прибыть на место назначения не позже 8 часов утра 21-го. Для обеспечения от-

хода корпуса, было приказано перевести немедленно 1 полк с фланга 15 див. в м-ко Рационж с задачей: вести разведку на юг в направление г. Плоцк, и в случае попытки противника занять Рационж не допустить этого до подхода главных сил корпуса. Штакор в 20 час. переходит через Рационж на Редзаново, далее на д. Банково, что в 7 верстах северо-восточнее Редзанова, и занимает центральное положение для управления дивизиями. В 10 час. я получил донесение от частей, что 10-я див. уже сосредоточилась в Редзаново, а 15 в Стржегове. Штадив 10 поместился в деревне Врублево (что в 4-х верстах северо-восточнее Редзанова), а штадив 15 в дер. Мдзево (что в 6 верстах севернее Стржегово). Начдив 15 донес, что дивизия, при ночном отходе, встретила крупные кавчасти противника в Глиносецке и после длительного ночного боя обошла Глиносецк с севера, продолжая дальнейший отход по шоссе, прибыла в Стржегово. Сильные разведывательные партии корпуса, посланные по всем направлениям для разведки и для розыска пехотных частей в районе Конопки и Млава, к 12 часам 21 донесли, что противником заняты: Дробин, Рационж, Глиносецк и ст. Конопки, Млава, Цеханов и что кавалерийские раз'езды противника со стороны Бежуны подходят к м-ку Шренск, а из Глиносецка кавалерия противника, силою до дивизии, наступает на Стржегово. В 1 час. со стороны Млава и ст. Конопки отчетливо слышна была сильная кононада и пулеметная стрельба. Высланные вторично разведывательные эскадроны корпуса донесли, что в районе Конопки с пехотой и броневиками противника части 53-й дивизии вели бой с целью пробиться, но потерпели поражение, и отходят по шоссе, держа направление на Млаву.

Одновременно раз'езды корпуса, не доходя до Млавы 1 $1/2$—2 версты, были обстрелены артиллерийским и пулеметным огнем и донесли, что Млава занята пехотными частями противника невыясненной силы, что на ст. Млава и южнее курсируют 2 броневика противника и обстреливают ураганным артиллерийским огнем отходящие обозы 4-й армии. По донесении другой разведки выяснилось, что на ст. Млава стоят эшелоны противника, откуда высаживается пехота и что обе шоссейные дороги Шренск—Млава и Мдзево—Млава загружены многочисленными обозами всей 4 армии (53, 54, 18, 12 дивизий и конкора), которые, попав под артиллерийский и пулеметный огонь, бегут по всем направлениям в панике. К этому же времени я получил донесение от начдива 15, что сильные кавчасти противника потеснили 15 дивизию из Стржегово и она отходит под натиском на Мдзево. Благодаря же отсутствию огнеприпасов, имеющаяся батарея молчит и дивизия несет большие потери; штадив 15 переходит в дер. Домброво.

Положение стало для меня ясно: противник старался окружить со всех сторон корпус и уцелевшую часть 53 пехотной дивизии. Учитывая серьезность положение и что в дальнейшем предстоит вопрос

о прорыве, а не о планомерном отходе, как гласит приказ командарма, я немедленно приказал:

1. **Начдиву 15**—во что бы то ни стало удержаться на Мздево и не дать противнику распространиться. Штадиву 15 оставаться в Домброво до особого распоряжения.

2. Немедленно связаться с отходящими от ст. Конопки частями 53-й дивизии и приказать ей, от моего имени, сосредоточиться в районе ст. Косины (что в 6 верстах юго-западнее Млавы).

3. Найти немедленно начдива 53 или комбрига 1, 53-й дивизии, прислать его в штакор, который переходит на ст. Косины. Начдиву 53 привести в порядок, насколько возможно, части и обозы своей дивизии.

Начдиву 10, оставив сильный заслон на перекрестной дороге Редзаново—Млава и Ширенск—Млава, всю дивизию сосредоточить в районе ст. Косины, куда и перевести штадив.

Выслав означенное приказание, я распорядился снять радио корпуса, которое с 10 часов вызывало радиостанции 4-й и 15 армий, но ответа не получало, и приготовиться штакору отправиться через час в Косины.

В 12 часов я получил от начдива 15 донесение: „Наступление противника на Мдзево остановлено с большими для нас потерями. С частями 53-й див. связался, но пехотные полки совершенно разложены: голодные, босые, измученные, настроенные крайне панически, они расбрасывают казенное имущество, винтовки, пулеметы и разбегаются. Начдив 53 находится в Домбске и ваш приказ ему передан“. Получив эти сведения, я немедленно выехал со штакором в Косины. По дороге я то и дело встречал группы красноармейцев 18-й и 54-й дивизий. Со слов начальника комендантской команды штаба 18-й дивизии можно было заключить, что дивизия потерпела поражение под Цехановом, отступила на Конопки, где также встретила сильное сопротивление; часть прорвалась, а остатки отошли на Млаву и их участь неизвестна. Встретил также оторванные частички 160 бригады 54-й дивизии со слов которых выяснилось, что части 54 дивизии под Цехановом уничтожены, одна бригада прорвалась, а другая—неизвестно где, предполагают, что попала в плен. Встретились усталые, крайне малочисленные, панически настроенные полки 53-й дивизии. Пришлось уговаривать, на каждом шагу останавливаться, угрожать, что „если части не будут спокойно подчиняться приказам, или создадут панику в предстоящих боях, будут бросать винтовки и разбегаться при появлении неприятеля, прикажу корпусу рубить всех беспощадно, т. к. трусам и шкурникам нет места в рядах Красной Армии. Мы неоднократно были окружены и всегда выходили победителями—необходимо лишь спокойствие. Я ручаюсь, что прорвемся!“ И все же благодаря появлению корпуса, который пользовался среди пехотных частей 4 армии большой популярностью, а также отчасти из-за моих уговоров и угроз, мне уда-

лось заметно водворить порядок и поднять дух пехотных частей. Ввиду задержки на дорогах, штакор прибыл на ст. Косины в 1 час. 22 августа.

Первый прорыв. По прибытии в Косины, я пригласил к себе начдива и военкомдива 53 и распросил их о положении пехотных частей 4-й армии; оказалось, что 18 и 54 пехотные дивизии потерпели поражение в районе Цеханова и, по новому приказанию командарма, отошли в беспорядке на север в район Конопки, но вновь потерпели поражение; частью уничтожены, а частью отошли на север—дальнейшая их судьба не известна. Лишь 160 бригаду 54 дивизии, крайне малочисленную, начдив 53 встретил в районе Конопки и присоединил к своим частям. 53 дивизия, ведя все время арриергардные бои в районе Липно и Сепея, с большими потерями дошла до Конопок, попыталась пробиться, но, встретив сильное сопротивление значительных сил противника, отошла в район ст. Косины. Связь с 15-й кавдивизией налажена, что касается 12-й дивизии, начдив ничего сказать не мог, т. к. еще 19-го дивизия отходила от Сольдау на Млаву и далее на Яново. Начдив 53 сообщил, что, ввиду крайней утомленности, вследствие 4-х дневного быстрого отхода из Влацлавск—Липно—Серпеца, а также благодаря неудачных последних боев, в его дивизии царит паника и непослушание командованию, неуверенность, которая усиливается наличием колоссального количетства обоза всех частей 4-й армии. К тому же дивизия потеряла всякую боеспособность, т. к. в ней насчитывается не более 3000 человек. На мой вопрос:—что он намерен делать дальше? начдив ответил: „сегодня после обеда вел бой у ст. Конопки, но неудачно, завтра попробую вновь пробиться". Как начдив, так и военкомдив крайне устали и имели вид растерянных и больных людей. При мне с военкомдивом два раза был обморок, вследствие бессонницы и утомления, как об'яснил начдив. Ввиду возложенной командармом задачи, прикрыть отход армии, а главное помочь 53 дивизии, я предложил ему мой план, а именно: завтра 23, ровно в 6 ч., корпус совместно с 53 дивизией должен прорвать фронт противника в районе Вышины с целью пробиться на Хержины. К означенному времени корпус, оставив сильный заслон в Журминске и ст. Косины, будет находиться у Вышины, где к этому времени пехота должна быть готова прорвать фронт, а корпус, одной дивизией справа, другой слева, будет расширять прорыв пехоты и удерживать противника до тех пор, пока пройдет пехота и обозы. Атака должна начаться ровно в 6 часов утра с рассветом, т. к. темнота будет прикрывать проход и маневр корпуса. Остальная задача выяснится на месте. Начдив 53 согласился с моим предложением и совместно мы составили приказ его комбригу. Приказы начдивам 21 и 5 были доставлены; комбрига же 53-й дивизии пришлось долго разыскивать, т. к. начдив не знал места расположения частей. Наше совещание кончилось 23/VIII в 3 часа. В 4 часа шта-

кор выехал с 10 дивизией в д. Вышины. Ровно в 5 часов утра все части корпуса, оставив заслон для прикрытия обозов и тыла, сосредоточились в д. Вышины, где находилась в это время лишь одна бригада 53 дивизии, численностью не более 600 человек. Вдали, на железнодорожной линии, в сумерках виднелись силуэты двух бронепоездов курсирующих непрерывно на линии Млава—Цеханов. Наступление пришлось отложить на целый час, т. к. начдив 53 и остальные части пехоты еще не пришли. Под конец, не дождавшись их, в 7 ч. 20 м. я приказал перейти в наступление пехотной бригаде с фронта и по одной бригаде кавалерии на флангах. Противник, заметив наши цепи, открыл из 2-х броневиков и заранее приготовленных окопов вдоль полотна жел. дор. Млава—Цеханов, ураганный артиллерийский, пулеметный и ружейный огонь. В то же время слышен был сильный бой в тылу, в районе Домбск—Журминск. Как выяснилось впоследствии, кавалерия и пехота противника наступала на заслон корпуса (15 див.), который имел задачу во что бы то ни стало удержать натиск противника с тыла, до прорыва в районе Вышины. Брошенная на прорыв бригада 53 дивизии, под сильным огнем противника, залегла в нескольких саженях от полотна желдороги и, несмотря на мои внушения и угрозы, не могла двинуться дальше. Пришлось выдвинуть вперед 2-ю бригаду 15 кавдивизии, которая в конном строю перешла ж. д. линию, вторглась в цепи противника и начала рубить. Видно было, как на место боя подошел новый бронепоезд из Млавы и начал высаживать пехоту, а 2 броневика, ураганным огнем защищая свою пехоту, старались зайти в тыл нашей кавалерии, обошедший желдор. полотно. Я приказал немедленно выдвинуть вперед всю артиллерию корпуса (всего 7 орудий) и не допускать броневиков. 10 кавдивизия, оставив 1 бригаду в резерве, 2-й бригадой в спешенном строю наступала на левом фланге пехоты, в общем направлении на Тршуянки (северо-восток) и вела бой с броневиком и пехотой противника, подошедшими из Млавы. Заметив колебание пехоты противника, я приказал начдиву 15 кавдив. немедленно выдвинуть 3 бригаду, а начдиву 10 бросить резерв в тыл противника,—броневикам,—пришедшим из Млавы, разрушить жел. дор., после чего, присоединившись к первой бригаде, перейти в энергичное наступление на северо-восток. Со стороны противника, кроме 3-х броневиков, участвовали в бою также 2 батареи: одна стреляла из Шидлово, другая из д. Ступск. После 2-х часового боя, броневики были отогнаны, а 10 и 15 кавдивизии повернулись развернутым строем в атаку, смяли 8 Познанскую бригаду противника и расширили прорыв, куда и хлынула пехота 53 дивизии, а за ней многочисленный обоз 4 армии. Согласно данного приказа 10-я див. наступала на северо-восток, а 15 на юго-восток, с целью расширить прорыв, т. к. броневики противника, отойдя 2—3 версты от Вышины, начали перекрестным огнем обстреливать нашу пехоту и обозы. Части корпуса должны были сосредоточиться в д. Шумск, куда и направлялся штакор. Согласно дан-

ного приказа, пехота и обозы шли по маршруту Шидлово, Домбск, Шумск и Хоржеле. Я, со штакором, комендантской командой и штабом 15 див. (всего 300 саб.), ехал за пехотой, дабы подбодрить ее и двинуть вперед, т. к. был убежден, что при встрече малейшего сопротивления со стороны противника, пехота разбежится или сдастся в плен, испортив дело корпуса. При дальнейшем наступлении мои предположения оправдались. После прорыва у Вышины, несмотря на мои старания, я никак не сумел привести части пехоты в порядок. Они совершенно потеряли понятие о дисциплине, частью ехали на подводах, частью двигались кучками, частью трусливой цепочкой; кричали не переставая „ура", где не нужно было—останавливались, где нужно было наступать,—шли без всякой команды, главным образом, надеясь на корпус. Многие пехотные командиры были убиты в предыдущих боях, а оставшиеся, вместе с начдивом, не могли привести части в порядок, ввиду царящей паники, бессонницы, усталости и голода, а главное, многочисленного обоза, запрудившего всю дорогу. При подходе к дер. Шидлово, противник выдвинул на нас пехотный полк до 900 штыков. Его цепи преградили нам дорогу на Шидлово, в 150—200 саженях от дор. на высотах вдоль по шоссе Млава-Прасныш другая часть его сил с батареей укрепилась на кладбище у д. Шидловко. Противник вновь открыл по нас ураганный артиллерийский огонь. Наша пехота, под сильным огнем противника, в нескольких шагах у д. Шидлово вновь залегла. Наши уговоры, угрозы не помогли. Люди лежали в беспорядке и кричали только: „ура", но конечно это не помогало. Цепи, видя наше приближение, кричали: „Давай кавалерию!" этот крик подхватили все „Давай кавалерию, кавалерию давай, кавалерия вперед!" А кавалерии поблизости не было. Усталые полки корпуса дрались на флангах: 10 кавдивизия вела бой с наступающим из Млавы противником в районе Стржецеянка, а 15 кавдивизия сражалась с броневиками и пехотой противника, не давая ему возможности двинуться дальше из деревни Ступск, ожидая прохода нашей пехоты и обозов через полотно железной дороги. Бой в тылу утихал и в бинокль видны были последние проходящие обозы, части пехоты, и наш кавалерийский заслон. Видя безнадежность положения пехоты и не желая напрасно терять времени, я собрал всех сотрудников, ординарцев штакора, комендантскую команду штаба 15-й дивизии и бросился на цепи противника, прорвав их. Наша пехота, воодушевленная нашим примером, бросилась вперед с криком—„Ура". Неприятель дрогнул, хотел отступить, но, будучи окружен штакором и частями 53-й дивизии, начал сдаваться. Пехота беспощадно стала расправляться с поляками; расстреливала, била лопатками, и тут же раздевала их. Наши тоже не зевали. Нельзя было удержать вылившуюся наружу месть голодных красноармейцев. С большим усилием удалось мне освободить от самосуда 300 поляков и присоединить их к остальным пленным, взятым в районе Вышины.

В этом прорыве были взяты около 800 пленных, несколько десятков пулеметов. Число зарубленных превышало 1000. Двигаясь вперед, без остановки, я со штакором остался в дер. Домбске, дабы дать пройти всей пехоте и обозам и сгруппировать части корпуса. В Домбске к корпусу присоединились новые заслоны. По докладу старшего командира выяснилось, что после ухода главных сил корпуса и пехоты, кавалерия противника напала на деревню Журминск и далее на д. Косины, где без боя сдался арриергард 53-й дивизии, силою до 2-х полков (кажется из 160 бригады), выслав предварительно парламентеров к полякам. Конные атаки на цепи противника не помогли.

Второй прорыв. Вся дорога от д. Домбск до Шидлово и далее на Хоржеле представляла печальную картину отхода 4-й армии. Всюду разбросаны были подводы, коляски, автомобили, пишущие машинки, патроны, пулеметы. Попадались документы тыловых учреждений корпуса и пехотных дивизий, находились и сломанные денежные ящики и казенные кассы. По всему видно было, что по дороге в панике бежали как тыловые обозы корпуса, так и строевые части армии. Дорога, представлявшая картину недавнего панического бегства, разлагающе действовала на проходящие части. Все предполагали встретить наши части в районе Шидлово или Хоржеле, но после этой картины для всех стало ясным, что вблизи наших частей нет. Пропустив пехоту вперед, я с 15-й дивизией двинулся на Шидлово, оставив 10-ую див. в Домбске, в качестве арьергарда. Предвидя новые бои, я распорядился собрать брошенные снаряды и патроны на дороге. Не доходя до Шидлово, в тылу вновь стал слышен артиллерийский бой. Противник большими силами перешел в наступление на 10-ю дивизию в Домбске и начал теснить ее. Усталые героические полки 16-й дивизии с упорными боями отходили весьма медленно, цепляясь за каждый бугорок, дабы дать возможность удалиться пехотным частям как можно дальше. В 15 часов мы без боя прошли Шумск и, не останавливаясь, двинулись на Дембе-Грабово. Не доходя до Грабово, мы встретились с польскими подводчиками из обоза 15-й дивизии, по рассказам которых, наша пехота и части обозов отступили еще 20-го и 21-го на Хоржеле, но, встретив противника, перешли германскую границу. Обоз попал в плен в Хоржеле 21-го. Подводчиков отпустили домой в Млаву. Из дальнейших расспросов выяснилось, что в Дембе-Грабово находится один неприятельский полк, в Хоржеле 3 полка с артиллерией и что Остроленка и Кольно заняты противником. Сообщив немедленно полученные сведения начдивам 53-й и 15-й, я приказал приготовиться к новым боям, а начдиву 10-й отходить на Шумск, где и удерживать противника. Недоходя $1/2$ версты до Грабово, наш головной дозор был обстрелян поляками. Ввиду лесистой местности я предложил начдиву 53 двинуть вперед только пехоту, и, ввиду крайней усталости конского состава, затребовать кавалерию только в случае крайней нужды. В 18 часов

начался бой. Начдив 53 первоначально выдвинул одну бригаду и батарею, но через $1/2$ часа пришлось выдвинуть еще одну бригаду. Ввиду лесистой и проселочной местности, удобной для обороны, бой принял затяжной характер.

Противник, получив подкрепления из Прасныша, потеснил передовые части 53-й дивизии. В 20 часов появились 3 аэроплана противника и начали обстреливать пулеметным огнем колонны обозов и кавалерию, которая отдыхала в лесу, а дозорами охраняла правый фланг пехоты, так как из д. Хмелин появилась кавалерийская разведка противника и обстреливала укрывающуюся в лесу колонну обозов. Видя неудачу, начдив 53 выдвинул 3 бригаду-последний резерв-, но не доходя до места части вдруг начали бежать с криком: „кавалерия, кавалерия“: Все обозы, люди, лошади смешались. Все бежали в панике кто куда мог; кричали, прятались под телеги, рвали постромки, опрокидывали повозки—создался полный хаос и неразбериха. Пленные, пользуясь общей паникой, тоже разбежались. Оставалось одно:—немедленно вперед с 15-й дивизией. С криком „ура“, „дорогу кавалерии“, с обнаженными шашками-мы умчались. В пехотных частях раздался облегченный вздох: „Кубань“, „Кубань пошла!“ „Кавалерия даешь!“ Обезумевшая толпа начала останавливаться, красноармейцы, выходя из под кустов и повозок, воодушевленные нами, побежали вслед с обычным криком „Кавалерия вперед“. Противник, видя нашу кавалерию, поспешно отошел и укрепился в своих окопах в лесу, на высоте. Оказалось, что при контр-атаке выдвинутый полк кавалерии ускакал и скрылся в лесу. Ввиду невозможности двинуться в конном строю, я приказал спешить одну бригаду и двинуться вперед с пехотой, а другой бригадой обойти левый фланг противника. Наступившая темнота и усталость коней не дала возможности двинуться вперед, благодаря чему всю ночь шел бой с переменным успехом. Обходящая бригада 15-й дивизии к рассвету ворвалась в деревню Грабово. Противник частью в панике отступил на юг к Праснышу, а частью на восток к Хоржеле. Штакор и штадивы лишь 3 часа отдохнули в лесу, не имея никаких продуктов и без хлеба.

Третий прорыв. В 7 часов утра, противник, отойдя главными силами верст на 6 на восток от Грабово, окопался и оказывал сильное сопротивление, обстреливая артиллерийским огнем грунтовую дорогу Грабово—Хоржеле. Обстановка общего положения создалась следующая: противник, невыясненными силами, занимал Хоржеле фронтом на запад и окопался вдоль реки Оржица; другая часть противника, силою до одного полка пехоты, занимала высоты, что южнее и юго-восточнее деревень Дриброво и Богзаны, что на шоссе Грабово—Хоржеле; с севера раз'езды кавчастей противника появлялись в районе станции Весь, а с тыла, противник, потеснив 10-ю дивизию, занял деревню Шумск и двигался на Грабово

Весь корпус вновь сосредоточился в Грабово и получил следующие приказания:

1) **Начдиву 53**—всеми силами наступать по шоссе на Хоржеле.

2) **Начдиву 10**—оставив заслон в Грабово, главными силами выйти в тыл противнику, засевшему на высотах у деревни Демброво —при удаче, форсировать реку Оржицу в районе деревни Заготы и ударить на Хоржеле с юга.

3) **Начдиву 15**,—оставив заслон в д. Ст. Весь, остальными силами, проходя через Нов. Весь, наступать на Хоржеле с севера; форсировав реку Оржица в районе германской границы. В атаках действовать, главным образом, шашками, т. к. снаряды и патроны на исходе. Штакор будет находиться с 15 дивизией.

Получив означенный приказ, дивизии перешли в наступление. 10 кавдивизия, удачно маневрируя, вышла в тыл противнику, заняла деревню Кржиколово и далее отрезала шоссейную дорогу Хоржеле—Прасныш, где захватила 300 пленных, 27 пулеметов, 6 легких орудий. Остальные силы противника разбрелись по лесам. Продолжая дальнейшее наступление, 10 кавдивизия, присоединив к себе заслоны, в 16 часов вышла на линию р. Оржица в районе деревни Заготы, где начался упорный бой за переправу. Части 53 дивизии, потеснив противника на Хоржеле к 17 часам дошли до реки Оржица и заняли деревню Богзаны. 15 кавдивизия, проходя по шоссе Грабово—Яново на Ст. Весь встретила противника, который, не приняв боя, ускакал на Янов. Оставив в д. Ст. Весь заслон силою одного полка, остальными силами прошли через д. Нов. Весь, где также встретили кавчасти противника, которые при первой стычке рассеялись.

Наступая дальше, части дивизии отрезали шоссейную дорогу Хоржеле—Янов, юго-восточнее д. Нов. Весь, где поймали и зарубили несколько польских офицеров. В кармане зарубленного офицера нашлась печать бригады 54-й див. и список частей 4-й армии и корпуса. Дивизия без боя дошла до германской границы. Противник, укрепившись на восточном берегу реки Оржицы, оказывал сильное сопротивление, не допуская части дивизии дойти к переправе. Пришлось спешить большую часть дивизии и под прикрытием артиллерии с боем перейти реку. В этом бою был легко ранен военком корпуса Постнов. Части 10-й дивизии с боем заняли переправу у дер. Заготы и перешли реку Оржицу, а 53-я дивизия, ударив в штыки, выбила противника с моста и ворвалась в Хоржеле. Противник, не ожидая такого натиска, частью сдался, частью был зарублен, а частью убежал по направлению Красносельцы. Ввиду крайней утомленности лошадей, я приказал прекратить дальнейшее преследование противника. После очищения Хоржеле противником, я вновь дал приказ пехотным частям и обозам двинуться немедленно по шоссе Мышенац, а корпусу занять линию восточнее реки Оржица, фронтом на запад.

Противник, теснивший нас с тыла, уже занял Богзаны и заслонам пришлось отойти на восточный берег р. Оржицы.

Четвертый прорыв. Через два часа после ухода пехоты и обозов, появились опять три аэроплана противника и начали обстреливать расположение корпуса пулеметным огнем. Противник, получив подкрепления, в 21 час стал обстреливать Хоржеле и соседние деревни, в которых расположились полки для отдыха. Ввиду отсутствия огнеприпасов мы отвечали слабо. Вероятно противник догадался об этом, т. к. перешел в энергичное наступление на Хоржеле с юга и востока. Видя невозможность оставаться дольше в Хоржеле, я приказал сжечь мосты через Оржицу и с наступлением темноты отойти на д. Круково, где ночевать. После продолжительного боя, корпус, теснимый с тыла противником, в 23 часа ушел из Хоржеле.

Лошади и люди от голода и бессонницы еле двигались. Дорога была тесная, песчаная и проходила по лесам вдоль границы. Все деревни, которые мы проходили, верст на 15 кругом были опустошены отступающими дивизиями. Ни в одной деревне нельзя было достать ни хлеба для людей, ни корма для лошадей. Четвертый день люди и кони голодали, но достать что-нибудь было неоткуда; крестьяне, которые имели что нибудь, прятали в ожидании поляков, другие же сами голодали, будучи в конец разорены. Путь следования из Хоржеле и Мышеная представлял собою печальную картину: всюду валялись трупы людей и лошадей, снаряды, повозки и т. д. На каждом шагу приходилось слезать и очищать дорогу. В деревне Зарембы мы снова встретили пехоту 53-й дивизии и обозы, которые тормозили марш корпуса, заполняя деревню и все дороги, двигаясь по 2-3 версты в час. По всем близлежащим деревням не нашлось места для ночлега, ввиду чего корпус ночевал под открытым небом (всего 2 часа) в деревне Сурово. С рассветом я приказал корпусу наступать на Мышеная: 15-й дивизии, наступать по шоссе и севернее, а 10-й— с юга, двигаться через деревни Здунек и Владмусы. Ввиду крайней разложенности пехотных частей, начдиву 53 я не поручил никакого задания. Несмотря на такое состояние пехоты, кавполки все же еще до сих пор громогласно не заявляли о безнадежности положения и дальнейшего движения вперед, т. к. я всячески старался поддержать их дух словами и делом. Но все же отдельные люди, посланные на разведку, не возвращались назад, за исключением некоторых.

Все случаи переходов границы моментально узнавали красноармейцы, их вера в прорыв и присоединение к Красной Армии значительно пропадала. Пришлось ходить во все полки, говорить, убеждать, угрожать, чтобы, хотя временно, поднять дух. К 10 часам авангард 15-й дивизии наткнулся на противника, недоезжая версты 2—3 до Мышенца. Потивник, силою до одного полка, занимал Юшкуны и западнее возвышенности Мышенца и деревню Мышенец—Старый.

Бой продолжался 4 часа. Удачным обходом 10-й кавдивизии с правого фланга и лихим налетом полков 15-й дивизии с фронта и с севера, противник был оттеснен в самый Мышенец, в котором был обстрелян сильным артиллерийским огнем 3-х батарей 53-й дивизии. Части противника, преследуемые 15-й дивизией, отошли на д. Домброво, но будучи атакованы, интернировались в Германию. В этом бою корпус захватил одно орудие, 400 пленных и 8 пулеметов. Корпусу, после очищения р. Мышенец противником, я разрешил отдохнуть 4 часа, дабы потом пройти на Кольно. По рассказам местных жителей мы узнали, что части 4-й и 15-й армий 21-го и 22-го переходили германскую границу и что противник занимает линию Ломжа—Щучин—Граево.

Пятый прорыв. В 17 часов дозоры донесли, что по тракту Остроленка—Мышенец у д. Вах видны большие кавалерийские колонны, силою до одной дивизии. Высланная разведка донесла, что противник наступает на Мышенец, имея кавалерию и пехоту. Не желая вступать в бой за неимением огнеприпасов, я приказал корпусу отходить: 15-й дивизии по северному тракту на д. Пентаковщина и Линчки, а 10-й—охранять тыл правого фланга и отходить на Венду—Пупковизну. Обе дивизии получили задачу[1] атаковать 25/VII Кольно с севера и с юга. Я со штакором, двигаясь в авангарде 15-й дивизии, подходя в д. Вольково, заметил, как пехота и обозы 53-й дивизии свернули влево с дороги и вошли в Домброво. Догоняя обозы, я застал начдива 53 в д. Домброво и узнал причину: части направлялись к германской границе. Начдив 53 начал жаловаться, что удержать части невозможно, что люди больные и голодные, что половина уже перешла границу. Я ему посоветывал отпустить обоз в Германию, а самому, с остальными частями, последовать за мной т. к. после прорыва у Кольно я надеюсь присоединиться к Красной Армии. В то время уже начался бой у Мышенца с арьергардом корпуса и я поспешил вернуться к частям, вновь советуя начдиву 53 отпустить весь обоз в Германию и самому, с желающими пробиться—присоединиться ко мне. 10-я дивизия, атакованная с юга и запада у Мышенца, ведя арьергардный бой, отходила также по северному тракту, т. к. кавалерия противника захватила южный тракт, а пехота засела в лесах по шоссе. Во время боя все части 53-й дивизии и обозы перешли границу на глазах красноармейцев корпуса, которые отходили медленно, с боем, спасая только пехоту. Ввиду наступления темноты, бой прекратился и части корпуса к 2 часам 25-го заняли указанные им районы. В 6 часов корпус начал наступление на Кольно. 10-я дивизия с боем заняла д. Целешки, но, атакованная кавалерией противника с юга и пехотой с востока, благодаря утомлению людей и отсутствию огнеприпасов, отошла в д. Венеция и далее в д. Лончки. По донесению начдива 10, 3 полка его дивизии, крайне утомленные бессонными ночами и за неимением огнеприпасов поддались панике и

у деревни Лончки перешли границу. Это известие очень плохо отразилось на остальных частях корпуса. В остальных 6 полках, имевших по 300 сабель в каждом, дух совершенно пал. 15-я дивизия относительно еще сохранила дух и доблесть.

Несмотря на крайнюю усталость и отсутствие огнеприпасов, она исполняла приказ; в 9 часов 30 мин. она двинулась по шоссе на Кольно. Дорога из д. Лемана проходила по проселочной и лесистой местности. В 3-х верстах от д. Лемана части корпуса снова встретили пехоту противника. Но принять боя было невозможно, т. к. по сторонам тянулись густые, болотистые леса, а проселочные дороги были слишком узки для прохода артиллерии и многочисленных повозок с ранеными. Отступить назад тоже было невозможно, т. к. противник наседал с запада и занимал уже д. Лончки маленькими разведывательными партиями, тревожа нас с тыла. Я приказал частям пробиться во что бы то ни стало, хотя бы одними шашками. Бой продолжался 3 часа. Полки 15-й дивизии, частью в конном строю, частью спешившись,—лихо налетели по тропинкам на противника, окружив его. Арриергард противника, силой до 400 человек, был совершенно уничтожен и зарублен.

Пленных больше не брали, т. к. некогда было с ними возиться и некому было охранять их. По показаниям пленных офицеров, противник в районе Кольно имел одну пехотную дивизию в составе 4-х полков.

Означенные полки были расположены в следующем порядке: 2 полка прикрывали оба шоссе—дороги на Кольно, держа фронт на запад, вдоль реки Плекса (рукав реки Нарева); 2 полка в резерве—один в Кольно, а другой в д. Виценты. По их словам, в Кольно были разбиты 2 дивизии 4-й армии 23/VIII, остатки которых перешли границу, и что Щучин, Граево, Осовец заняты поляками 24/VIII, а Августово занято местными повстанцами. Скрыть все эти сведения от частей, конечно, не удалось, т. к. красноармейцы раньше нас успевали допрашивать жителей, пленных и подводчиков. Части, сбив арриергард противника, начали с боем продвигаться дальше на Кольно, но встретив сильного противника, укрепившегося на восточном берегу реки Плекса, свернули влево и прошли через деревню Ляхово на д. Вицентьı. Штакор перешел через д. Ляхово на д. Вицентьı, где и установил радио. Все полки корпуса шли пешком, таща за собою измученных лошадей. Дорога Ляхово—Вицентьı и Кольно также представляла печальную картину отступления частей армии. Несмотря на усиленный надзор, полки редели с каждым часом, переходя целыми сотнями границу, доверяя рассказам немецких пограничных солдат, что в Германии вся 4-я и 15-я армии живут свободно и хорошо. Радио-станция корпуса, вызывавшая непрерывно какие либо радио Красной Армии, не получала никакого ответа.

После долгих усилий 25/VIII был слышен ответный зов 15-й армии, очень далеко и слабо. Все же мне удалось передать следующую ра-

дио-телеграмму: „Командарму 4, 15 и командзапу. Тяжелыми боями корпус вышел на линию Кольно. Вся пехота 4-й армии перешла границу. Стараюсь пробиться на Граево. Нет совершенно снарядов и патронов. Срочно сообщите линию фронта. Комкор 3 Гая, военком Сцибор“.

Не получив ответа в течение 4-х часов, штакор пошел за частями на д. Виценты. Не доходя до деревни 1½ версты части корпуса вновь встретились с сильными частями врага, занимавшими дер. Виценты и восточный берег реки. Мост у деревни был взорван поляками. Изнуренность людей и лошадей, голод и потеря надежды пробиться, заставила некоторых командиров и военкомов откровенно высказаться о бесцельности дальнейших боев. Дабы узнать мнение всего комсостава и военкомов и внушить через них полкам о необходимости пробиться во что бы то ни стало, я созвал военный совет из всех командиров и военкомов. Изложив тяжелое положение корпуса, а также предстоящие перспективы и бои, я потребовал от них определенного и ясного ответа: сумеют ли они удержать массу от перехода через границу и, несмотря на жертвы, будут ли сражаться хотя-бы шашками, пока мы не присоединимся к Красной Армии? Мнения и голоса комсостава разделились.

Часть из них были сторонниками перехода границы из желания спасти корпус, ссылаясь на отсутствие огнеприпасов, усиливающееся разложение, крайнюю утомленность людей, неизвестность линии фронта и сколько еще придется выдержать боев; другая часть комсостава и военкомов,—резко критикуя поступок военкома корпуса, политотдела и тех товарищей, которые уже перешли границу, следуя примеру пехоты, постановили; продолжать дальнейшее наступление, поскольку удастся—пробиться или, если нужно, погибнуть всем. После моих речей, речей начдива 15 тов. Чугунова и военкомдива тов. Петрова, решено было точно выполнять мои приказы, пробиться во что бы то ни стало, и если понадобится прибегнуть к разбивке на группы, прибегая к партизанским действиям до присоединения к Красной Армии. В это время противник начал обстреливать корпус из тяжелых орудий из Кольно и с юга д. Птаки. Я обошел все полки корпуса, призывая их к вере в победу, призывая последовать примеру комсостава и под звуки „Интернационала“ двинуться на врага. „Согласны пробиться, итти за Вами, тов. Гая, но нечем стрелять, кони не идут“.

—„Имеем шашки, нужно рубить, кони не идут—пойдем пешком“, ответил я.

Тут же я приказал начдивам немедленно отправить в Германию всех раненых—400 человек, пленных—1000 человек, оставшиеся обозы и лишние тяжести. Ровно в 18 часов начдивы получили от меня следующие приказания: **Начдиву 10**—оставаться в резерве и охранять тыл корпуса, выдвинув разведку на д. Ляча; **начдиву 15**—одной бригадой занять мост у дер. Виценты, стараясь переправиться, если не у моста, то вброд. **Начарту 15**, имеющимися 4-мя орудиями содей-

ствовать наступлению, расходуя неприкосновенный запас батарей (40 снарядов). Батарее 160-й пехотной бригады, присоединившейся к корпусу, использовать также имеющиеся снаряды. В случае удачного прорыва в деревне Козельск или у д. Виценты, все части корпуса должны развивать успех в данном пункте.

Ввиду сильно лесистой местности пришлось действовать в пешем строю. Получив означенный приказ, начдив 15, под звуки „Интернационала", отправил свои части в бой. Начдив 10 выслал сильные раз'езды на запад для охраны тыла корпуса. Через $1/2$ часа начался сильный бой у дер. Козельск. Мост через речку оказался взорванным. Противник, силою до 2-х полков пехоты, окопавшийся вдоль реки, 3 раза отбил атаку наших частей, не допуская их к речке. Противник, находившийся в дер. Виценты, сам перешел в наступление, но конной атакой и артогнем был отогнан вновь на восточный берег реки, где спрятался в заранее подготовленных окопах. Бой продолжался 2 часа. В этом бою мы потеряли несколько командиров и военкомов. Во время боя я находился под мостом у дер. Виценты, откуда затребовал резерв для расширения успеха, но получил срочное донесение от начдива 15, что бригада, посланная в дер. Козельск снялась и самовольно отошла назад и что артиллеристы пехотных частей, бросив батарею, уже перешли границу. Я вернулся обратно в штакор и по дороге вновь получил донесение от начдива 15, что один полк снялся и переходит границу. Было ясно, что ничем нельзя остановить стремление красноармейцев перейти границу, т. к. голыми руками пробиться было невозможно—это давало лишь напрасные жертвы. Посоветовавшись с воекомами корпуса и дивизий я приказал частям и командирам приостановить неорганизованный переход границы, пока попытаюсь по радио поговорить с фронтом или с армиями и хотя бы сообщить о случившемся, а ночью организованно, всем вместе, перейти в Германию. Всю ночь мы вызывали по радио, но ответов не получили; в 4 часа приказал наштакору сжечь оперативные бумаги, приказы и радио. В 4 часа 40 м. 26/VIII сожгли радио и с тяжелым сердцем, многие со слезами на глазах, перешли границу под сильным огнем батарей противника.

Заключение.

Причины интернирования всей 4-й армии и 2-х дивизий 15-й армии можно разделить на 3 категории (главные).

1) Стратегические и политические недосмотры свыше.

2) Тактические недосмотры командармов.

3) Крайняя усталость и дезорганизация частей; отсутствие крепкого тыла.

Конечно, не мне судить и критиковать недосмотры свыше, но мне кажется, что часто не учитывалось то, что стратегию нельзя под-

чинять политике и жертвовать ее требованиями, если отсутствует на то достаточное количество данных.

Дальше, казалось бы, что самая насущная очередная задача стратегии—после каждой победы укрепить тыл, на это же не было обращено достаточного внимания.

Главные ошибки, допущенные командармом 4 по отношению к корпусу, таковы:

1) Корпус за все время своего похода не получал из армии продовольствия, обмундирования, пополнения и никогда не имел достаточного количества огнеприпасов. Приходилось или воровать огнеприпасы из соседних частей или вести бой лишь саблями.

2) Взамен помощи корпусу, армией были отобраны все лазареты, автомобили, средства связи, телефоны, телеграфы, и, несмотря на неоднократные просьбы вернуть хотя бы половину положенного по штату, в этом было отказано.

3) Корпус не имел никогда топографических карт, пользовался исключительно польскими картами или возил за собою проводников.

4) Вместо маральной поддержки из армии получались лишь оскорбительные телеграммы о том, что корпус действует неумело, не способен к маневрированию, не удовлетворяет задач армии и т. д. Безусловно все это нервировало комсостав и отражалось на настроении красноармейцев.

5) Несмотря на мои доводы, корпус был окончательно обессилен путем расбрасывания его сил; это выразилось в передаче конных полков пехотным дивизиям. Как то: 89-й и 90-й полки в количестве 800 сабель были отправлены в 15-ю армию, 60-й казачий полк был отправлен в самый критический момент—53-й дивизии, 86-й мар. полк—12 дивизии. На все мои протесты я получал приказ: „беспрекословно подчиниться.“

6) Корпус, со дня наступления с Западной Двины до Вислы, эксплоатировался армией, как путеводитель всех пехотных дивизий 4-й армии. Давали корпусу задачи, непосильные для кавалерии, как то: взять укрепления, например Гродно, Осовец, Новоград, Ломжа, Плоцк, Цеханов, Прасныш и т. д. Означенные пункты, как в империалистической, так и в гражданской войне использывовались противником, как самые могучие опорные пункты. Корпус эксплоатировался еще тем, что по всем дорогам или по фронту проходил с боем, а потом за ним гонялись на подводах 4 пехотные дивизии (за исключением 18-й дивизии, которая имела свой участок). Приходилось только удивляться беззаветной храбрости конных полков и терпению бедных пехотинцев, бежавших за нами.

7) Для отхода армии всем дивизиям и корпусу даны были всего две дороги, в то время, как элементарная тактика требует не меньше одной для каждой дивизии.

8) Все тыловые учреждения и обозы получили приказ о спешном отходе на Млаву 19/VIII. Повидимому командарм забыл, что обозы

могут сделать в час не более 4-х—5-ти верст,—в сутки 35—40 верст, а непрерывно бежать 350—400 верст до Граево, в очень короткий срок, не могут. Вследствие этого обоз армии частью попал в плен, частью интернировался.

Беспричинное самостоятельное смещение, без моего согласия, наштакора 3, Вилумсона. Вместо деятельного тов. Вилумсона был прислан неподходящий для корпуса генштабист. Эта смена сильно отразилась на работе штаба. Никогда я не мог получить никакого доклада.

10) После неудачного боя у дер. Виценты у комсостава, комиссаров, красноармейцев пал дух.

11) Местность, по которой пробивался корпус, мало выгодна для действий кавалерии.

12) Совершенное отсутствие политической работы в частях во время прорыва.

13) Контр-революционная агитация некоторых старых офицеров, которые подсказывали красноармейцам, что пробиться нет возможности —нужно интернироваться.

14) И, пожалуй, одна из главных причин:

Близость германской границы, которая притягивала усталые части, а также рассказы немецких пограничников о хорошем житье-бытье перешедших в Германию частей.

15) Возложенная на корпус, согласно приказа командарма, обязанность „прикрыть“ отход армии, спасти 53-ю дивизию.

Связывая свои действия и спасая бежавшие части армии, корпус окончательно погиб, хотя и позже всех.

Вот вкратце те причины, которые заставили честно погибнуть 3-й конный корпус 26-го августа 1920 года.

Итоги похода 3-го корпуса.

Хотя 3-й конный корпус 26 августа 1920 года, как вооруженная воинская сила, для Советской Республики перестал существовать, но он погиб честно, помимо своей воли, причинив громадный урон польской шляхте. Краткие итоги похода 3-го корпуса выразились в нижеследующем, согласно оперативных и разведывательных донесений:

1) Корпус с 5 июля по 26 августа (50 дней) прошел с большими, постоянными боями, без отдыха, 810 верст.

2) Не имея никаких инженерных—технических средств—форсировал три естественных преграды, реки: Нарев, Неман и Вислу.

3) Не имея достаточного количества огнеприпасов, действуя иногда только саблями, сражался с 37-ю отдельными воинскими соединениями польской армии (как пехотой, так и кавалерией).

4) Разгромил всю первую армию противника, обойдя ее с фланга и ударив в тыл. Взял в плен штарм, во главе с наштармом.

5) В течение $1^1/_2$ месяцев корпусом захвачено: 38 орудий крепостных, дальнобойных, тяжелых и горных, до 250 пулеметов, 6 исправных танков, до 80 автомобилей, около 2000 обоза, 1000 лошадей, 7 аэропланов и многочисленное количество снарядов, патронов и винтовок.

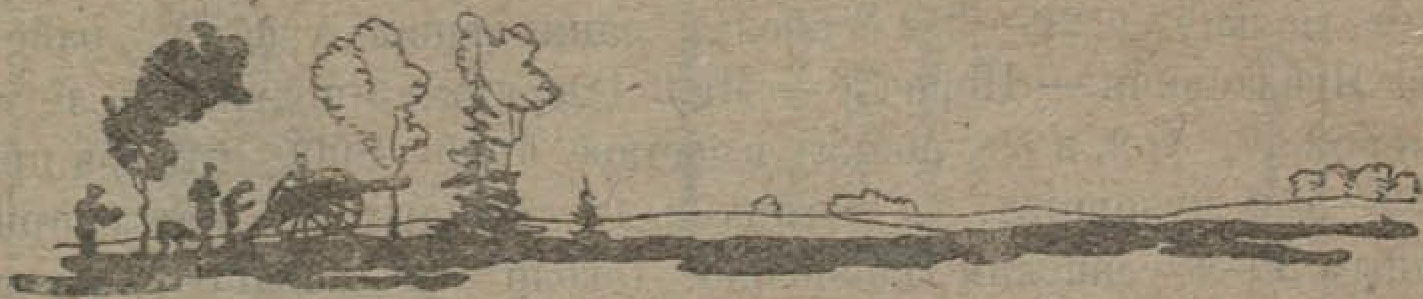
6) В боях зарублено до 8000 поляков, взято в плен до 13000. Пленные частью посланы в 4-ю армию, а частью переданы нашим пехотным дивизиям.

7) Взяты корпусом 4 губернских города: Вильно, Гродно, Ломжа и Плоцк, взято до 35 уездных городов и местечек, до 8 крепостей и сильно укрепленных позиций—пунктов, как-то: Осовец, Гродно, Ломжа, Новоград, Цеханов, Прасныш, Млава, Новые и Старые Свенцяны—где имелось несколько рядов проволочных заграждений (иногда до 12 рядов: Дукшта, Свенцяны, Ломжа, Гродно).

8) Не получая из армии обмундирования, снаряжения, фуража, пополнения, а главное—отдыха, и имея в среднем 2800 сабель, корпус выдержал 20 крупных боев (продолжительностью не менее 24 часа) и 35 мелких боев (не менее 5 часов).

Б. Леонидов.

Волковыская операция *).

(В действиях 27-й стр. дивизии).

После нашего поражения под Варшавой и вынужденного отхода, поляки, достигнув значительных результатов и в достаточной мере истратив наступательный порыв, однако не успокоились и продолжали стремиться к дальнейшему захвату тех или иных участков, несмотря на то, что велись уже мирные переговоры. Действия поляков об'ясняются скорее всего соображениями чисто политического характера: во первых,—желанием продолжением военных действий—оказать известное давление на ход мирных переговоров, и во вторых,—расчет на то, чтобы, в случае захвата известного участка, поставить нас перед свершившимся фактом в надежде, что занимаемая линия, к моменту подписания мирного договора, послужит—исходной для установления границ.

Волковыская операция является одним из эпизодов этих последних боевых действий поляков на западном фронте.

Обстановка к 16-му сентября.

С 16 сентября 1920 года на участках 15 и 16 армий наших войск противник обнаружил активность, стремясь сбить наши части с линии реки Свислочь. К 20 сентября им были сосредоточены и действовали против нашей 15-й армии и правофланговых частей 16-й:—1-я дивизия (1, 2, 3 и 4 полки) общей численностью около 6500 штыков при 180 пулеметах, 24 легких и 18 тяжелых орудиях, с приданым 3-м конно-стрелко-

*) Материалом для настоящего очерка послужило официальное описание этой операции штадивом 27.

вым полком (120—150 сабель), занимавшая участок: район ок. Игнатовичи — Поречье — Мал. Озеряны. 3-я дивизия легионеров (7, 8, 9, и 23 полки) в составе 6000—8000 штыков при 130—150 пулеметах, 24 легких и 12 тяжелых орудиях с приданым 11-м уланским кавполком (около 400 сабель),—на участке — Лосинцы — Хомонтовцы — Бобровники — Свислочаны — Мостовляны.

По железной дороге Гайновка-Волковыск, в районе м. Свислочь, действовала и сосредоточилась 15 Познанская дивизия в составе около 6000 штыков при 218 пулеметах, 24 легких и 18 тяжелых орудиях с кавполком (около 400 сабель).

В резерве находились: 17 дивизия (район гор. Бельска) и 14-я Познанская (за левым флангом 15-й Познанской дивизии). (схема № 1).

С нашей стороны, на фронте 15-й армии, действовали: 16-я дивизия (участок: Пыховчицы—ок. Мал. Эйсмонты—Спудвилы—Непорожневцы), 11-я дивизия (Бол. Озеряны—Голынка—Рудавляны—Клипачи—Красна).

В резерве: 56-я бригада (район Волковыска), 27-я дивизия (район м. Пески) и 2-я дивизия (район Лебеда—Ищольно), (схема № 1).

21-го сентября, начав активные действия на всем участке, противник, переправившись через реку Свислочь у Дзеневичи и Кули, перешел в энергичное наступление в общем направлении на Мосты. Одновременно обозначился успех пр-ка в стыке 15 и 16 армий, где последний отбросил 11-й кавполк, пытавшийся заполнить прорыв, в районе Красна—к северу, и занял последовательно д. д. Клипачи, Павлюшки и В. Берестовица. На этом участке противник теснил 11-ю дивизию, которая, под его давлением, начала отход в северо-восточном направлении. Южнее, на участке 16-й армии, перейдя в наступление из района м. Свислочь, противник сбил 48-ю дивизию обходом правого фланга и стал теснить ее к Волковыску.

Директива командарма 15 от 21/IX.

Для восстановления положения и связи с 16-й армией, 21 сентября, директивой по 15-й армии—приказано: *16-й дивизии*—отбросить противника на западный берег реки Свислочь и,

фланговыми ударами в южном направлении, оказывать 11-й дивизии содействие для восстановления утраченного положения. *11-й дивизии*,—подтянув дивизионный резерв, привести отхо-

дящие части в порядок и перейти в энергичное наступление с целью выхода на линию: Голынка—Бобровники—Бурсовщизна. *27-й дивизии*—быть в полной боевой готовности. *2-й дивизии*—продолжать выполнять задачу и к вечеру 23-го сентября сосредоточиться в районе: м. Каменка—м. Рожанка—м. Щучин.

Бой 22-го сентября.

В результате боев 22-го сентября 16-я дивизия была отброшена противником на линию: Подбогоники—ур. Бабий-Гай—Кончаны—Дубенки—Порхимовцы—ф. Людвинов. 11-я дивизия (2 бригады—33 и 31), под натиском противника, охваченные с левого фланга, отошли на линию: Госп. дв. Дворжец—Девятковцы—Снопки, причем ее дивrезерв (32-я бригада) к вечеру с боем достигла линии: Берестовичаны—Меньки—Кратеры, чем ослабила удар противника во фланг первым двум бригадам.

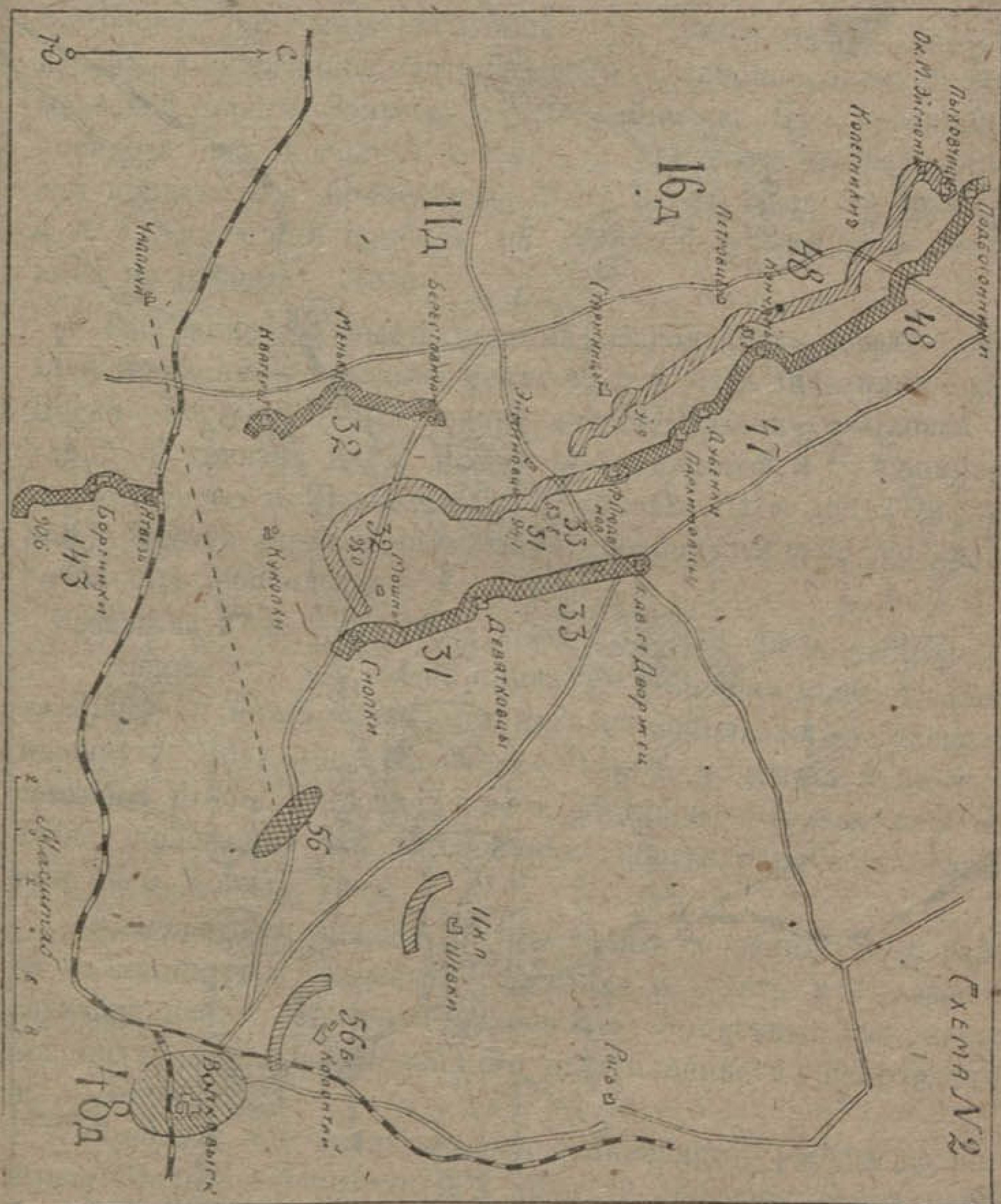
На вышеуказанной линии бригада встретила упорное сопротивление противника и перешла к обороне. 56-я бригада, направленная в прорыв между 15-й и 16-й армиями из района д. Ораны в направлении на Чапличи, к вечеру с боями достигла района южнее района Сыроешки. Части 143 бригады к 18 часам 22-го сентября удерживались на линии: Ятвезь—Бортники—тракт Свислочь—Мстибово.

Бой 23-го сентября.

К вечеру 23-го сентября *16-й дивизии* удалось выдвинуться на линию: Пыховчицы—ок. Мал. Эйсмонты—северную опушку леса у. д. Колесники, высоту 83,0—высоту 91,9 и юго-западную опушку леса, что западнее ф. Людвинов. *11-я дивизия* вышла на линию: ф. Людвинов—высота 83,8 (севернее на 1 версту д. Эйминовцы)—высоту 94,1 (2 версты юго-западнее д. Кузьмичи)—западную опушку леса ур. Семеновка—высота 95,0—ур. Галлово (сев. деревни Куколки). *56-я-же бригада*, обойденная противником слева, не выдержав его напора, отошла, причем 166 полк занял ур. Галлово (юго-западнее дер. Снопки), а два полка были отброшены в район д. Колонтай.

11-й кавполк отошел в дер. Щевки (10 вер. северо-западнее гор. Волковыска).

48-я дивизия, преследуемая противником, поспешно оставила м. Мстибово, Гнездо, а к утру 24 сентября и гор. Волковыск, продолжая отход в восточном направлении, причем части действовавшие на фронте с нею связи не имели. (Схема № 2).

27-я дивизия к 17 сентября находилась в армейском резерве (директива штарма 15 от 18 сентября за № 901/к) и занимала район: м. Пески—Коледичи—Моисеевичи—Коневцы—

Подболотье—Дорогиляны—Милозичи—Куриловичи—Маклевичи—Штадив—мест. Пески. (Схема № 3).

Директива командарма 15 от 23 IX.

23-го сентября директивой командарма 15 от 14 часов 30 мин. для восстановления положения на линии р. Свислочь, ча-

стям армии приказано: *16 и 11 дивизиям* продолжать энергичное выполнение ранее поставленных задач и отбросить противника за р. Свислочь.

27-й дивизии—немедленно выступить из занимаемого района и к ночи 23 сентября перейти в район Шиловичи—мест. Мстибово—Хоцковцы—Волковыск. С рассветом 24 сентября перейти в энергичное наступление в общем направлении вдоль железной дороги Волковыск—ст. Гайновка. При совершении перехода быть в полной готовности к встречному бою. Дивизии придавались: бронепоезда № 22 (с 24 часов 23 сентября) и № 42, имеющий прибыть по железной дороге Лида—Волковыск из района г. Лида.

Расграничительными линиями назначались: между 16-й и 11-й дивизиями—прежние; между 11-й и 27-й дивизиями—мест. Пески—Мочулино—Шиловичи—полуст. Рудавка—м. Яловка (все для 27-й дивизии вкл.). Между 27-й дивизией и 16-й армией—мест. Зельва—м. Изабелин—ст. Гайновка (все для 27-й див. вкл.). Местом стоянки штадива 27 назначался к 24 час. 23 сентября гор. Волковыск.

Приказ по 27-й дивизии. 23-го сентября в 17 час. 30 м. частям 27-й див. отдан приказ № 058, коим приказывалось: *комбригу 79* немедленно выступить из занимаемого района по маршруту: Мочулино—Колонтай—Ораны и занять к 24 ч. 23 сентября район: Шиловичи—мест. Мстибово—Ораны, как исходное положение для дальнейшего наступления в направлении на б. Рожки.

Комбригу 80—немедленно выступить из занимаемого района по маршруту: Волковыск—Голынка и занять к 24 час. 23 сентября район: Монтовты—Заречаны—Хоцковцы, как исходное положение для дальнейшего наступления в направлении на м. Свислочь.

Комбригу 81—выступить из занимаемого района по маршруту: Зельва—Паситичи и к ночи 23 сентября занять район Баченцы—Рупейки—Изабелин.

Командиру кавполка 27—немедленно поступить в распоряжение комбрига 80.

Бронепоезду № 22 с 24 часов 23 сентября поступить в подчинение комбрига 80; прибывающему *бронепоезду. № 42* поступить в подчинение комбрига 79.

Начартдиву 27—тяжелый дивизион передать в распоряжение комбрига 81, а гаубичный—комбрига 80.

Учитывая создавшееся положение, начдив 27 приказывает переход в указанные районы совершить в полной боевой готовности к встречному бою, форсированным маршем и, войдя в соприкосновение с противником, опрокинуть его и, не давая возможности задерживаться на удобных рубежах, стремительно преследовать. Авангардным частям вести разведку для выяснения линии наших частей и установления с ними связи. По занятии указанных районов иметь между собою и соседями огневую связь.

Размещение тыловых дивизионных учреждений прежнее (оставаться на своих местах). Расграничительными линиями назначались: между 11-й и 27-й див.—Пески--Мочулино—Шиловичи—полуст. Рудавка—Яловка (для 27-й див. включ.); между 79 и 80 бригадами: Задворье—Волковыск—Шустики—Свислочь (для 80 бригады включ.); между 27-й и 48-й дивизиями: Зельва—Изабелин—ст. Гайновка (для 27-й дивиз. включ.).

По выходе частей в указанные районы местами стоянок штабригов назначались: *79-й бригады*—Япыши, *80-й*—Голынка и *81-й бригады*—Ясеновица. *Полевой штадив* должен был перейти в гор. *Волковыск*.

Части 27-й див. приступили к выполнению приказа по дивизии за № 058.

Приказ комбрига 79. В 22 ч. 05 м., 23 сентября, предварительными распоряжениями комбрига 79, 236 и 237 полкам приказано занять исходное положение юго-западнее дер. Колонтай и Личица и начать дальнейшее движение совместно. В случае занятия противником района гор. Волковыск—полкам приказано дожидаться выхода на эту линию полков 80-й бригады, после чего одновременно с ними повести наступление на г. Волковыск. 235 полк сосредоточивается в бригрезерве, в д. д. Шандры—Рыбаки.

Приказ комбрига 80. Согласно приказа по бригаде; *240 полк* имел задачей, следуя через Станилевичи—Волковыск, к исходу суток 23 сентября занять исходное положение в районе д. Красевичи, имея боковой отряд при пулеметах в районе Костевичи, откуда не останавливаясь повести дальнейшее наступление для выхода на линию: м. Мстибово (искл.)—Мон-

товты—высота 92,9 (что юго-восточнее д. Монтовты на одну версту), вкл. Все броневые средства, действующие по железной дороге, подчинить себе, на правах начальника боевого участка, командиру 240-го полка. Установить связь с соседями. *238 полку*—следуя безостановочно на Войткевичи—Ясеновица, к исходу суток 23 сентября занять исходное положение в районе г. дв. Хоцковцы, откуда, не останавливаясь, повести дальнейшее наступление для выхода на линию высота 92,9 (искл.)—Хальмановцы (вкл.), иметь резерв за своим левым флангом. Держать теснейшую связь с частями 48-й дивизии, имея наблюдение за соседним участком. *239-й полк*,—выступив из занимаемого района, имел задачей присоединить к себе в районе д. Кремяница 3-й легкий артдивизион, и, составляя бригадный резерв, следовать по маршруту: Войткевичи—Ясеновица для сосредоточения в районе д. Кобыляки. При следовании выдерживать дистанцию 4—5 верст от впереди следующих частей.

Полкам приказано двигаться с мерами походного охранения и разведки, допуская встречный бой.

Приказ комбрига 81. Около 22 час. 23 сентября предварительными распоряжениями комбрига поставлена задача: *241 полку* выступить немедленно по маршруту Зельва и далее по тракту на г. Волковыск. *243 полку* выступить на Зельва—Яновщина и далее в направлении на м. Изабелин. *242 полку*—сосредоточиться в бригрезерве и, двигаясь вслед за 241-м полком, по выяснении обстановки, сосредоточиться в районе дер. Пашутичи.

Командирам полков, по мере продвижения, выяснить обстановку на участке 48-й дивизии, м. Зельва и далее; двигаться с мерами охранения и разведки, в полной готовности к встречному бою.

Движение 27-й дивизии.

В 00 час. 55 м. 24-го сентября 236-й полк выступил из дер. Литичи на д. Колонтай, 235-й и 237-й полки около 1 ч. находились в районе Пятаки.

По донесению комполка 236 от 00 час. 05 м. м.м. Мстибово и Шиловичи уже были заняты противником. Батальон 95-го полка (32 бригады) и батальон 166 полка (56 бригады)

уже к вечеру 23-го сентября занимали дер. Яновичи. 157 полк— дер. Колонтай и 158 полк—Кирпичный Завод—Ятвезь—Ольшимово.

Части 80-й бригады к 22 час. 23 сентября находились в движении, причем 238 полк выступил в 20 час. 35 мин., 239 полк в 21 час. 30 м. и 240-й полк в 20 час. 30 мин.

Части 81-й бригады выступили из занимаемых районов: 241-й полк в 00 час. 15 мин., 243-й полк в 1 час. 00 мин. и 24-й полк вслед за 243-м.

Бои 24 сентября.

На рассвете 24-го сентября 240-й полк вступил в соприкосновение с противником восточнее города Волковыска, сбил его передовые части и совместно с 238-м полком занял восточную окраину города Волковыск. Противник, подтянув резервы, перешел в контр-наступление и заставил отойти оба полка в восточном направлении.

Утром 24-го сентября начдив и наштадив с полевым штабом выехали в дер. Кутники, для непосредственного руководства частями, где к тому времени была установлена техническая и конная связь с бригадами. Далее все распоряжения о действиях частей были отдаваемы из названной деревни.

Ввиду изменившейся обстановки, комбригам 79 и 80 поставлена была начдивом ближайшая задача—овладеть Волковыском, а комбригу 81—выполнять прежнюю задачу.

К 8 часам 24-го сентября авангардные части дивизии вошли в соприкосновение с противником; главные силы вышли на линию: *79-я бригада*—236-й полк в районе Колонтай (одна верста западнее) 237-й полк—южнее дер. Личица, 235-й полк—Пекари. *80-я бригада* — 240-й полк западнее высоты 91,7, 238-й полк в район западнее деревни Осмянцы. *81-я бригада*— в район м. Зельва.

К этому времени на всем участке дивизии завязался бой.

Приказ начдива об овладении г. Волковыском.

Начдивом было приказано: *комбригу 79*— одним полком охватить и занять Волковыск с запада, а двумя полками с севера. *Комбригу 80*—приковать боем двумя полками противника с восточной стороны, а один полк выслать в обход с юга-запада.

Действия и распоряжения начдива—комбригами были предугаданы и по личной инициативе уже начаты, что не вызвало разногласий в распоряжениях штаба.

Бои под Волковыском. Продолжая с указанного рубежа дальнейшее наступление, части 79-й и 80-й бригад приступили к выполнению распоряжения о взятии Волковыска.

К 12 часам, приковав противника боем с севера и востока, две бригады (79-я и 80-я), завязали упорный бой, причем 80-я бригада выслала обходную группу в составе 239-го полка с двумя легкими батареями и кавполка 27 для обхода Волковыской группы противника с юго—западной стороны, по маршруту: Ясеновица, Лесняки, Задворницы, в направлении на д. Тимохи.

Встречая упорное сопротивление противника и сбивая его, части дивизии к полудню достигли: *79-я бригада* линии:—ф. Зигмунтово—Ятвезь—Олшимово. *80-я бригада* линии:—(восточнее Волковыска) высота 91, 7—ф. Аменичи, высота 100,1—88,5, причем обходная группа уже приступила к выполнению задачи. *81-я бригада*—в движении: 241-й полк по тракту на д. Пашутичи и далее на г. Волковыск, 243-й полк через Холстово, Яновщина и на м. Изабелин, 242-й полк в резерве—в местечке Зельва.

К 18 часам 30 мин., встречая упорное сопротивление противника, сбив его во многих местах, части дивизии, продолжая общее наступление по всему фронту, вышли на линию: *79-я бригада*—южнее ф. Суботичи, южнее Ятвезь, высота 72, 3, и высота 86, 1.

80-я бригада (два полка) вела упорный бой, на линии: высота 91,7— ф. Аменичи—высота 88,5. Обходная группа к 16 часам с боем заняла деревню Ясеновица, обратив противника в паническое бегство и продолжала дальнейшее движение в тыл противника.

81-я бригада, выбив противника с д. д. Дрогичаны, Романовка, достигла района Изабелин, где вступила в ожесточенный бой с упорно оборонявшимся противником. *Бронепоезд № 22* находился на станции Подрось и, за неимением воды, бездействовал. *Бронепоезд № 42*, вышедший из района города Лиды на участок дивизии 23-го Сентября, в районе ст. Мосты потерпел крушение и задержался на продолжительное время.

К 16 часам части 48-й дивизии находились на линии Пузики—Межеречье. (Схема № 3).

Занятие Волковыска. В 19 часов 30 мин., после упорных боев, сбив противника, 235-й полк фланговым ударом с запада и 237-й полк, ударом с северо-запада при содействии 240-го и 238-го полков, заняли город Волковыск. Части ворвались в город на плечах противника и на улицах продолжали ожесточенный бой за обладание кварталами.

Обойденный 239-м и кавполком 27, противник, в панике стал очищать район Волковыска, оставляя пленных и трофеи. Наши части, преследуя противника, выдвинулись на западную окраину города.

Дивизией захвачено: 4 тяжелых тракторных (8—9 дюймов) орудия, 4 тяжелых (6 дм.) и 2 легких орудия. (Из захваченных орудий— 3 тяжелых захвачены на участке 80-й бригады в районе Груды). Захвачено также много снарядов, легковой автомобиль, пленные, 19 пулеметов, 2 бомбомета и обозы.

Одновременно со взятием Волковыска 243-й полк (81-й бригады), после ожесточенного и упорного боя, занял м. Изабелин, захватив 6 пулеметов, пленных и преследовал в панике бегущего противника, в юго-западном направлении.

Заключение.

В результате боев под городом Волковыском, носивших с обоих сторон упорный и ожесточенный характер, наступление противника, развившего его в стыке 15 и 16 наших армий сильной 15 Познанской дивизией,—было приостановлено; 3-я дивизия легионеров и 1-я дивизия, развивавшие наступление на Мосты, на участке 16-й и 11-й наших дивизий—приостановились. 15-я дивизия противника, зажатая в тисках, была разбита и кроме утери трети орудий, пулеметов и обоза, понесла большие потери (в районе города Волковыска насчитывалось около 900 трупов убитых познанцев).

Наши потери около 700 человек убитыми и ранеными.

Рассматривая эту операцию, хотя и закончившуюся успешно для нас, мы должны однако констатировать, что некоторые распоряжения наших старших начальников, по своему существу, были таковы, что при других условиях могли повести не к успеху, а к неудаче. И если всетаки эта операция в конечном итоге дала положительные результаты, то этим обя-

заны, главным образом, героизму наших красноармейцев, их наступательной способности, которую они сохранили несмотря на ряд предыдущих неудач, их желанию и их умению стремиться к победе. Кроме того, в этом успехе мы должны отвести еще и известное место благоприятным случайностям, сопутствовавшим нашим частям.

Замечания о распоряжениях командарма 15.

1) По имеющимся в нашем распоряжении материалам нельзя точно судить и является непонятным: почему армейский резерв—27-я див.—был расположен в 30—40 верстах от боевой линии, частью за рекой, вне жел. дор., за правым флангом? Было известно, что противник не прекратил окончательно боевых действий, местами проявляет активность и, как будто, не было никаких данных за то, что противник не собирается предпринять что либо и на этом участке. Казалось бы, что исходя из этих соображений, армейскому командованию следовало бы расположить свой резерв в более выгодном положении.

2) Директива командарма 15 от 21-го сентября, когда намерения противника на стыке 15 и 16 армий были уже обнаружены, не вводит еще в дело армрезерв—27 див.—а ограничивается указанием „27 див. быть в полной боевой готовности“ и лишь директивой от 23-го сентября 27-й див. дается задача. Это обстоятельство является также непонятным. Может быть у командарма 15 были на этот счет какие либо особые соображения? Но таковых в имеющихся материалах не видно.

3) Директивой от 23-го сентября командарм ставил 27-й див. невозможную задачу: директива была отдана в 14 часов 30 мин. и требовала к ночи же 23 сентября (время не указано, а сказано неопределенно) „к ночи 23-го сентября“,—„перейти в район Шиловичи—мест. Мстибово—Хоцковцы—Волковыск“, т. е.—за 20—30 верст.

Директива отдана в 14 часов 30 мин. и, вероятно, еще потребовалось время на ее получение (когда получена нам не известно) и на передачу дивизией приказа бригадам и полкам.

Бригады и полки, конечно, не могли выполнить и не выполнили этой задачи.

Не видно, какие меры были приняты штармом для выяснения обстановки: 27 див. была брошена просто на угад.

Вообще, вся операция прошла без участия штарма 15. Штарму 15, вместо того, чтобы пытаться заткнуть дыру, можно было сразу направить 27-ую див. для удара в левый фланг и не пришлось бы двигать 81-ую бригаду через Зельву.

Замечания о действиях дивизии. 1) Начдив, повторяя распоряжение штарма, повторил и его ошибку первоначального задания, несмотря даже на то, что начдивом приказ отдан в 17 часов 30 мин. и времени для его исполнения осталось еще меньше. И если расчет штарма был просто не обдуман, то повторение этой ошибки начдивом, вероятно, является следствием чрезмерного желания быть точным в исполнении, по существу—явно невыполнимого приказа.

2). Начдив приказывает—авангардным частям „вести разведку для выяснения линии наших частей и установления с ними связи". Является непонятным, что делал и какая задача была дана 27 кавполку? Он, согласно приказа, просто передан в распоряжение комбрига 80, без указания его задачи.

(К сожалению, в оффициальном отчете штадива об этой операции почти ничего не говорится о действиях 27 кавполка).

3) Неправильна также передача начдивом бронепоездов—комбригам, а комбригами—комполкам без указания их задачи.

4) Не были приняты меры для обеспечения правого фланга, который был в опасном положении, в особенности, при отсутствии сведений о противнике.

5) Бригады при движении в 20 в. от противника, о котором имелось мало сведений, (ожидался встречный бой), идут расбросанно, по полкам, имея ввиду каждый свое исходное положение. Казалось бы, что при данных условиях не следовало расбрасывать так полков.

6) 79-я бриг. приказывает своим полкам: „в случае занятия противником района Волковыска, ожидать выхода 80-й бриг. на линию Колонтай—Личица,"—80-я бриг. не шла на эту линию.

7) Продвижение к Волковыску, на ближних подступах, шло довольно медленно. Не видно стремления отрезать поляков, обойти с запада. Вся дивизия бросилась на город—в одну точку,—вместо того, чтобы охватить противника, и тем самым дала ему возможность уйти.

Приказ начдива об овладении Волковыском совпал с распоряжением комбригов, но, повидимому, было бы лучше большей частью 79-й бриг. охватить противника, не стягивая бригады к ее левому флангу.

Правый фланг, как уже упоминалось, был в опасном положении: будь у поляков достаточно сил, они могли бы ударить. Части, собранные в городе, могли оказаться в довольно невыгодном положении.

8) В общем, надо сказать, что операция прошла хорошо, хотя и кажется каким-то нечаянным набегом целой дивизии.

Красноармейцы шли и дрались отлично, стремясь выполнить даже невыполнимое, не считаясь ни с чем.

Замечания о действиях поляков. Действия поляков, хотя и дерзки, но несомненно, что дерзость эта явилась результатом ошибочного расчета. Поляки слишком были опьянены своим успехом и недооценили способности, свойственной красноармейцам: быстро оправляться от постигших неудач и воскрешать в себе боевой дух и наступательный порыв. В результате—польские дивизии зарвались и были порядком проучены.

М. Тухачевский.

Первая армия в 1918 году.

(Воспоминания).

Вместе с ликвидацией фронтов, окончила свое существование 1-я Революционная Армия. Связанный с этой армией работой в ней в самые тяжелые времена создания нашей Красной Армии, я не могу не посвятить этому славному соединению нескольких страниц воспоминаний.

1-я армия не только по номеру, но и на деле шла первой, как в области организационных успехов, так и в деле выявления и создания широкого и смелого маневра гражданской войны.

Формирование Красной Армии, как известно, долгое время носило стихийный характер. Сотни и тысячи отрядов самой разнообразной численности, физиономии, дисциплины и боеспособности, вот внешний вид нашей Красной Армии до осени 1918 года. Только с этого момента начинается перелом. Отряды переформировываются в полки, полки начинают сводиться в бригады и дивизии, и в 1919 году мы уже видим почти окончательно сформировавшуюся армию.

1-я армия шла по этому пути гораздо скорее. Уже в начале июля ее многочисленные отряды были сведены в три стрелковых дивизии: Пензенскую (начдив Богоявленский), Инзенскую (начдив Лацис) и Симбирскую (начдив Иванов, потом тов. Гая). В дальнейшем, Пензенская дивизия получила 20-й номер, Инзенская 15-й и Симбирская 24-й и название «Железная». Был сформирован отдельный кавалерийский дивизион, под командой тов. Боревича.

Но до правильной организации было еще далеко.

Когда 27-го июня я прибыл на ст. Инза для вступления в командование 1-й армией, штаб армии состоял только из пяти человек: начальника штаба Шимунича, начальника оперативного отдела Шабича, комиссара штаба Мазо, начальника снабжения Штейнгауза и

казначея Разумова. Никаких аппаратов управления еще не существовало; боевой состав армии никому не был известен; снабжались части только благодаря необычайной энергии и изобретательности Штейнгауза, который перехватывал все грузы, шедшие через район армии, как то сортивал их и всегда во время доставлял в части.

Сами части, почти все без исключения, жили в эшелонах и вели так называемую «эшелонную войну».

Эти отряды представляли собой единицы чрезвычайно спаянные, с боевыми традициями, несмотря на короткое свое существование. И начальники, и красноармейцы страдали необычайным эгоцентризмом.

Операцию или бой они признавали лишь постолько, посколько участие в них отряда было обеспечено всевозможными удобствами и бозопасностью. Ни о какой серьезной дисциплине не было и речи. Эти отряды, вылезая из вагонов, непосредственно и смело вступали в бой, но слабая дисциплина и невыдержанность делали то, что при малейшей неудаче или даже при одном случае обхода, эти отряды бросались в эшелоны и сплошной эшелонной «кишкой» удирали иногда по несколько сот верст (например, от Сызрани до Пензы).

Ни о какой отчетности или внутреннем порядке не было и речи. Были и такие части (особенно некоторые бронепоезда и бронеотряды), которых нашему командованию приходилось бояться чуть ли не также, как и противника.

Такова была та тяжелая обстановка, в которой пришлось работать весной и летом 1918 года.

Однако, революционно настроенные массы красноармейцев легко поддавались обработке, как только начинались применяться правильные методы организации: выброшенные на фронт коммунисты окончательно закрепили это дело.

Война с Чехо-словаками. В такой обстановке пришлось начать войну с Чехо-словаками весной 1918 года.

Подняв восстание в Пензе, Чехо-словаки двинулись на Сызрань—Самару и здесь обосновались. Другая их часть обосновалась в Челябинске.

Слабые советские отряды со всех сторон облепили эти два контрреволюционных гнезда и первое время белогвардейцы были изолированы.

В Самаре появилась „Учредилка“.

В первое время военный руководитель Высшего Военного Совета тов. Бонч-Бруевич считал восстание Чехо-словаков пустяковым делом. Однако, очень скоро события приняли столь серьезные размеры, что нам пришлось образовать „восточный фронт“. Главнокомандующим

был назначен Муравьев, а членами Революционного Высшего Совета товарищи Кобозев и Благонравов.

Группировка сил. *Схема № 1.* Восточный фронт составляли четыре армии: особая,—действовавшая в районе Саратова, 1-я,—действовавшая в районе Кузнецк—Сенгилей—Бугульма, 2-я—действовавшая в Уфимском районе фронтами на восток и на запад и 3-я—действовавшая в Екатеринбургском районе.

Чехо-словацкие войска, на которые быстро налипали белогвардейские части, базировались во всех отношениях на захваченные ими центры и снабжались оставшимися еще от империалистической войны значительными запасами вооружения, снаряжения, обмундирования и проч. Первое время оба контр-революционные центра, и Самара, и Челябинск были изолированы от остального буржуазного мира Советской территорией. Только уральские казаки примыкали к Самарскому району.

Таким образом, задача Красной Армии сводилась к тому, чтобы быстрыми ударами разбить далеко расбросанные части контр-революционных войск и занять центры с диктатурой буржуазии („учредилки").

Но, такая простая задача вылилась у Муравьева в сложный, фантастический и совершенно невыполнимый план.

Муравьев. Муравьев отличался бешеным честолюбием, замечательной личной храбростью и умением наэлектризовывать солдатские массы. Теоретически Муравьев был очень слаб в военном деле, почти безграмотен. Однако, знал историю войн Наполеона и наивно старался копировать их, когда надо, и когда не надо. Мысль „сделаться Наполеоном" преследовала его и это определенно сквозило во всех его манерах, разговорах и поступках.

Обстановки он не умел оценить. Его задачи бывали совершенно нежизненны. Управлять он не умел. Вмешивался в мелочи, командовал даже ротами.

У красноармейцев он заискивал. Чтобы снискать к себе их любовь, он им безнаказанно разрешал грабить, применял самую бесстыдную демагогию и проч. Был чрезвычайно жесток.

В общем, способности Муравьева во много раз уступали масштабу его притязаний. Это был себялюбивый авантюрист и ничего больше. „Левоэсеровство" его было совершенно фальшивое, служило ему лишь ярлыком.

План Муравьева. *Схема № 2.* Отправляя меня из Казани в 1-ую армию 26 июня, Муравьев приблизительно так обрисовал свой план действий.

Главные усилия будут обращены на уничтожение Самарской группы противника. Она будет уничтожена обходным маневром. Для этого:

1) Особая армия будет наступать в обход Самарской группы на Уральск и далее на Оренбург.

2) 1-ая армия должна будет начать наступление на широком фронте: Кузнецк-Сенгилей-Бугульма и постепенно, сжимая кольцо, должна будет занять Сызрань и Самару, отрезав противнику путь отступления на Уфу со стороны Сургута и Бугульмы.

3) 2-ая армия будет содействовать наступлением в Юго-Восточном направлении. В то же время она будет содействовать действиям 3-ей армии на Челябинск.

В это время Самарская белогвардейская группа усиленно формировала войска и находила достаточно средств для существования и роста тут же, на месте.

Таким образом, задумывая обход, Муравьев упустил из виду, что Самарская группа имела базу при себе и обходные его замыслы не давали ей ничего, кроме выгод бить по частям наши разбросанные части.

Этот план удара по несуществующим коммуникациям противника заранее обрекал действия на неудачу.

Организационная работа. Прежде чем перейти к описанию дальнейших действий 1-ой армии, необходимо остановиться на той организационной работе, которая в ней проводилась.

Я уже упомянул, что отряды были сведены в три дивизии (в дальнейшем была сформирована и четвертая—Вольская). Но для того, чтобы эти соединения не остались совершенными только на бумаге, необходимо было создать прочные штабы и регулярную штабную работу. Этот вопрос был трудно разрешим, т. к. добровольно в армию поступило лишь четыре бывших офицера.

По соглашению с Председателем Симбирского Губисполкома т. Варейкисом приказом по 1-ой армии 4-го июля 1918 года была об'явлена первая в Республике мобилизация бывших офицеров. Через две недели такая же мобилизация была произведена в Пензенской губернии.

Эта мера дала возможность быстро создать полевые управления дивизий, бригад и полков. Проведение строгой отчетности мгновенно изменило анархический вид частей. Они стали быстро втягиваться в регулярную работу, а вместе с тем произошел резкий перелом в пользу установления строгой дисциплины.

Точно также впервые в 1-ой армии были введены армейский и дивизионные Военно-Революционные Трибуналы. Учреждение Трибуналов окончательно закрепило утверждение дисциплины.

После измены Муравьева, в армию из центра стали поступать в большом числе мобилизованные коммунисты. Это окончательно укрепило и одухотворило создавшийся армейский организм.

Началась правильная работа Политического Отдела. Появилась армейская газета „Набат Революции".

После измены Муравьева, для усиления армии была об'явлена мобилизация людей и лошадей в Пензенской губернии и в части Симбирской.

Было начато формирование трех кавалерийских полков.

В Саранске были созданы пехотные, артиллерийские и инженерные части.

В Сердобске был организован Отдел Военных Заготовок армии, ибо из центра 1-ая армия почти ничего не получала.

Таким образом, еще в первую половину июля месяца, 1-ая армия уже представляла мощный, организованный строевой и хозяйственный аппарат. Этот аппарат быстро креп и разрастался и к 13—15 июля были определенные данные, дававшие надежду на разгром Самарской группы Чехо-словаков и русских белогвардейцев.

Подготовка операции. Верный своей привычке, вмешиваться в дела подчиненных, Муравьев расписал подробный план наступления 1-ой армии на Самару, где в то время концентрировались главные силы белогвардейцев и источники для ведения с нами войны.

По этому плану 1-ая армия должна была поделить свои силы (около 8000 штыков) на семь колонн, которые должны были одновременно наступать на фронте около 300 верст. Главный удар должна была наносить Мусоркская колонна, силою немногим более 800 штыков. Все остальные силы демонстрировали и „обходили" радиусом верст в 150.

Я не мог проводить сознательно этот сумасшедший план в жизнь и, поневоле, должен был внести коррективы.

Наши войска того времени почти не были способны двигаться без железных дорог, т. к. вовсе не имели транспорта, а пользоваться обывательским транспортом еще не умели.

Поэтому двинуть большие силы по кратчайшему направлению от Мелекеса на Самару было затруднительно.

Пришлось остановиться на направлении Симбирск—Самара, как на направлении, по которому был обеспечен подвоз по Волге.

В Симбирске быстро оборудовались 4 парохода и несколько барж под артиллерию. Были навербованы достаточные команды матросов.

На это направление перебрасывалось два полка с Сызранского направления и, кроме того, оно усиливалось за счет соседних колонн.

Сюда же сосредоточивались все технические войска армии. Этими мерами достигалось сосредоточение в этой, так сказать, Волжской группе, главных сил армии.

Передовые части белогвардейцев доходили только до линии Усолье—Мусорки. Отсюда Ставрополь брался коротким ударом.

Порядок следования главных сил намечался такой: главная масса войск двигалась до соприкосновения с значительными силами противника на пароходах. В авангарде должна была итти флотилия, а по берегам, наряду с ней, должны были двигаться все броневые автомобили и отряды пехоты на обывательских подводах.

Белогвардейцы располагались довольно беспечно и, кроме Чехо-словаков, легко поддавались панике. В Самаре было подготовлено восстание рабочих.

Таким образом, намеченная операция, позволявшая неожиданно и быстро появиться перед противником, давала все шансы на успех. Численно силы противника точно не были известны, но во всяком случае не могли многим превышать наши, т. к. главные силы Чехо-словаков, со взятием Уфы, уже успели соединиться с Челябинской группой.

Ввиду демонстрации была предпринята атака Сызрани, которая и увенчалась успехом.

Все приготовления к операции уже заканчивались, когда было получено сведение о том, что Муравьев выезжает в Симбирск для личного руководства операцией. Это было чрезвычайно неприятно, т. к., во первых, Муравьев наглядно бы увидел, что его планы не были точно выполнены, а во вторых, он мог изменить почти уже законченные приготовления.

Восстание Муравьева. 11-го июля Муравьев прибыл на пароходе в Симбирск. Я им был вызван для доклада, но как только явился на пристань, то тотчас же был арестован. С сумасшедшими, горящими глазами, Муравьев после ареста заявил мне: „Я поднимаю знамя восстания, заключаю мир с Чехо-словаками и об'являю войну Германии“.

Так дико и неожиданно было начато это шутовское восстание Муравьева. Приехавшие с ним красноармейцы были взяты им наскоком. Он огорошил их и они ничего не понимали и шли за Муравьевым, считая его старым, „Советским воякой“. Так же бессознательно перешел на сторону Муравьева и броневой дивизион, стоявший в Симбирске.

В первую минуту, после того как Муравьев уехал осаждать Совет, красноармейцы хотели меня тотчас же расстрелять, но были крайне удивлены, когда на вопрос некоторых: за что я арестован, я

им ответил: „За то, что большевик". Они были сильно огорошены и отвечали. „Да ведь мы тоже большевики". Началась беседа. Услышав о левоэсеровском восстании в Москве и получив об'яснение измены Муравьева, оставшиеся красноармейцы тотчас же избрали делегацию и отправили ее в броневой дивизион для обсуждения вопроса.

В это время, Муравьев, осадив здание Симбирского Губисполкома, начал вести с последним переговоры о власти. Между прочим, симбирские левые эсеры ему оказали полную моральную поддержку. Эти переговоры и послужили главной причиной столь быстрой гибели Муравьева. Товарищ Варейкис проявил колоссальную энергию и находчивость. Им были наспех отпечатаны воззвания к красноармейцам, а в их массу кроме того было направлено большое число коммунистов. Началась деятельная работа и уже через час—полтора на стороне Муравьева почти никого не было. А тем временем в зале заседаний Губисполкома шел горячий разговор тов. Варейкиса с Муравьевым. Наконец, взбешенный отказом сдать власть, Муравьев стукнул кулаком по столу и сказал: „Тогда я иначе с вами поговорю!" и направился к двери. При выходе из двери он был остановлен солдатами, которые об'явили ему, что он арестован. Вскрикнув „Предательство!" Муравьев выхватил маузер и открыл стрельбу, но был немедленно же убит (первое время некоторые говорили, что он сам застрелился последней пулей).

Влияние измены на войска. Эта измена, так быстро и удачно ликвидированная, тем не менее, принесла колоссальный вред для армии. За время своего господства Муравьев разослал во все войсковые части телеграммы о заключении мира с Чехо-словаками, войне с Германией и проч. Через несколько часов после расстрела Муравьева, эти же части получили телеграммы об измене Муравьева, о его расстреле и проч. Это все произвело колоссальное впечатление на несформировавшиеся еще окончательно части. Началась паническая боязнь предательств, развилось недоверие части к части, красноармейцев к командному составу и проч. Эсеры, меньшевики и прочие белогвардейцы еще более усиливали это настроение. Начались непрерывные ложные слухи об обходах, изменах и проч. Войска стали отходить даже без боя.

Поход тов. Гая. Пошедшая быстро на лад организация войск стала быстро разлагаться. Быстро нами были оставлены Бугульма, Мелекес, Сенгилей и, наконец, Симбирск. Последний был взят налетом Чехо-словаков со стороны Сызрани тогда, кога в районе Сенгилея еще действовала Сенгилеевская группа тов. Гая. Благодаря личному влиянию тов. Гая, это была единственная часть, сохранившая дисциплину и боеспособность.

Отрезанный со всех сторон, тов. Гая собрал и присоединил к своей группе рассеянные и бродившие отряды, забрал в Сенгилее все народное имущество и с громадным обозом двинулся через Ясачная—Ташла на ст. Чуфарово.

Все белогвардейские атаки были отбиты. Совершив марш до полутораста верст по району, занятому противником, тов. Гая, ничего не потеряв, вывел свою колонну на ст. Чуфарово, где и соединился с остальными войсками армии.

За этот героизм колонна тов. Гая была названа „Симбирской Железной дивизией“ и это название она сохранила и после получения ею 24-го номера.

После падения Симбирска мы производили на него три наступления.

Наше первое наступление на Симбирск. Первое, по приказу нового главкома тов. Вацетиса, вел отряд тов. Толстого, тотчас же после падения Симбирска. Попытка была неудачная. Зато на ст. Чуфарово произошло соединение отрядов тов. Толстого и тов. Гая.

К этому времени мы потеряли и Казань, а Вольск был захвачен белогвардейцами. Против последнего пункта началось формирование Вольской дивизии.

Второе наступление. Тов. Вацетис прислал на подкрепление бригаду пехоты, под командой ветеринарного врача Азарха и приказал вновь перейти в наступление на Симбирск.

В это время велось наступление на Казань и необходимо было перехватить в Симбирске вывозимый оттуда по Волге золотой запас.

Наше второе наступление на Симбирск также окончилось неудачно. На правом фланге, в районе Белого Гремячего Ключа, мы перехватили уже Волгу, но зато на левом фланге, благодаря неумению тов. Азарха управлять бригадой, последняя у него расползлась и была разбита каким-то небольшим чешским отрядом. Несмотря на все старания тов. Гая, положения не удалось спасти и 16 августа наши войска вновь отошли на линию ст. Чуфарово.

Подготовка 3-й операции. Последние две Симбирские операции окончательно доказали главкому малую боеспособность войск и необходимость дать им успокоиться и устроиться. Мне было разрешено, наконец, вновь заняться усиленной подготовкой армии.

Раньше уже говорилось о той организационной работе, которая была предпринята в армии. К середине августа эти все мероприятия начали уже давать положительные результаты.

Штабная работа наладилась отлично.

Войска начали получать пополнения.

Продовольствие и обмундирование доставлялись правильно.

Только в одном—в винтовках—чувствовался острый недостаток. Это очень затрудняло подачу пополнений.

Артиллерия была приведена в полный порядок. сведена в дивизионы и вообще была доведена до штата.

Инженерные части точно также уже были созданы.

К этому времени менее всего удалось доформировать Вольскую дивизию, которая непрерывно передавалась из армии в армию и была очень оторвана от штаба армии.

В таких благоприятных условиях работа коммунистов, брошенных в части, дала колоссальные результаты.

В частях появилась определенно твердая дисциплина, исполнительность и бодрый дух.

К концу августа 1-я армия организационно и духовно была уже готова к решительным операциям и ожидала только, подкреплений, обещанных главкомом Вацетисом с Западной завесы.

Для содействия Вольской дивизии в Саратове началась постройка речной боевой флотилии.

К первым числам сентября в армию прибыл только что сформированный батальон связи и коммунистический авиационный отряд. Это значительно технически укрепило армию.

Средств связи, конечно, всетаки не хватило и потому зачастую в операциях маневр встречал большие затруднения.

Правда, войска уже поспели обзавестись обозом, а, главным образом, научились использывовать обывательский транспорт, и потому хорошие части уже не держались за железные дороги, но плохая связь долго еще себя давала чувствовать и мы хотя и бросили „движение по железным дорогам“, но долго еще придерживались „движения по проводам“.

Кстати, скажу несколько слов о командном составе того времени.

В подавляющем большинстве строевой командный состав был из „низов“. Это был командный состав руководимый революционным экстазом, бесгранично смелый, склонный неизменно наступать. У красноармейцев он пользовался большим авторитетом.

Первое время гражданской войны этому командному составу было трудно справляться с обстановкой. Обстановка эта действительно требовала, даже от командира батальона, умения действовать совершенно не имея никакой связи с соседями, не расчитывая ни на какую их помощь (такова была редкость боевых порядков).

Эта обстановка требовала, следовательно, от каждого комбата всех качеств полководца.

Энергия, смелость, наступательный порыв в значительной степени разрешали эту трудную задачу, но зато отсутствие теоретической подготовки делало наш командный состав того времени мало выдержанным, непрестанно оглядывающимся, отступающим, как только на фланге появится противник. Почти все командиры проделали всю империалистическую войну. Опыт у них был значительный, но новый фактор, отсутствие соседей, сильно смущал их.

Однако, опыт и в гражданской войне научил их воевать. С частыми ошибками, но с постоянной энергией, они постепенно приучались и втягивались в маневр и создавали тот незаменимый кадр коммунистического командного состава, на котором держится наша Красная Армия.

Красноармейцы первой половины 1918 года состояли из добровольцев, в большей части из рабочих. Это была масса требовательная, но глубоко проникнутая классовым самосознанием и революционным духом. Поэтому, боевая дисциплина быстро проникала в их ряды.

Противная сторона также была классового состава, из кулаков, белоофицерства и проч. Поэтому бои носили очень ожесточенный характер. Долгое время пленным не было пощады ни на той, ни на другой стороне.

Возвращаюсь к обстановке на фронте 1-ой армии в конце августа 1918 года. Как уже говорилось выше, организационно, в административном и хозяйственном отношении, 1-ая армия уже была готова к решительным действиям. Ожидалось только прибытие подкреплений, чтобы начать новое наступление.

Подготовительные операции.

Схема № 3

24 августа положение на фронте было следующее: Вольская дивизия подготовляла атаку на Вольск. Она скоро была передана в состав 4-ой армии, где и должна была действовать в направлении Вольск—Хвалынск, а после взятия последнего пункта должна была вновь перейти в состав 1-ой армии для дальнейших действий против Сызрани.

Пензенская дивизия занимала линию: Лава-Канадей-Троицкий-Сунгур. Противник, находившийся против нее, был в одинаковых примерно с ней силах.

Против Инзенской дивизии белогвардейцы проявляли большую активность и постепенно теснили ее, обходя ее левый фланг. К указанному дню Инзенская дивизия занимала фронт: Сорокино-Аристовка-Богдановка-Гурьевка-Куроедово-Хананеево. Противник, силою до 1200 штыков, занимал линию: Рус. Темрязань-Н. Измаиловка-Витолевка, имея резервы в районах ст. Тимошкино и ст. Кузоватово. Инзенская дивизия насчитывала около 1000 штыков.

Симбирская дивизия (2458 штыков) спокойно занимала линию Поповка-Анненково-Прислониха, имея для наблюдения за правым

флангом два экскадрона в районе Б. Мура. Противник, силою до 2500 штыков, занимал линию Елшанка-Выры-Петровка-Шумовка, имея резервы в г. Симбирске.

В районе г. Алатыря образовалась небольшая Алатырская группа, ввиду того, что противник начал тревожить этот район со стороны Буинска. Скопление его сил замечалось в районе д. Б. Батырево, где он усиленно мобилизовал кулаков.

Таким образом, группировка сторон, имея ввиду нашу операцию на Симбирск, была не в нашу пользу. Исправление ее было совершено следующим образом.

На правом фланге Симбирского направления Инзенской дивизии была поставлена задача разбить и отбросить противника за линию ст. Кузоватово (*схема № 4*). Пензенская дивизия должна была тревожить противника в направлении левого фланга Инзенской дивизии. Симбирской дивизии было приказано направить Витебский полк из д. Поповка в направлении Бесштановка-ст. Кузоватово для атаки в тыл Кузоватовской группы противника. Для связи между левым флангом Инзенской дивизии и Витебским полком кавалерийский дивизион тов. Боревича был направлен на Н. Измаиловка.

25 августа начинается стремительное выполнение поставленной задачи. Противник сбит и ошеломлен. 27 августа Инзенская дивизия выходит на линию восточнее д. д. Русск. Темрязань—Поливаново—Акшоут. Витебский полк, атаковав противника с тыла, вышел того же числа к Юго-Западу от д. Баевка. Разбитый противник, стремительно ускользая из мешка, бежал к Юго-Востоку от ст. Кузоватово.

28 Августа Инзенская дивизия заняла ст. Кузоватово и, таким образом, справа наступление на Симбирск было обеспечено (*схема № 5*).

Для обеспечения операции слева, Алатырской группе была поставлена задача разбить Батыревскую группу противника ударом со стороны ст. Ибреси.

Алатырская группа выставила заслон на подступах к г. Алатырю, а удар главными силами нанесла со ст. Ибреси, в направлении Б. Батырево. Скопление противника было рассеяно и остатки его бежали на Буинск.

Таким образом, Симбирская операция была обеспечена с обоих флангов.

Я уже говорил, что главкомом были обещаны значительные подкрепления, примерно к 25 августа. Однако, в начале сентября я получил от него извещение, что подкрепления несколько запоздают.

В связи с этим, а также с тем, что обстановка на фронте армии слагалась благоприятно, пришлось отказаться от мысли ожидать подкреплений. Необходимо было начать операцию с наличными силами.

Для усиления Симбирского направления и обеспечения здесь нашего превосходства сил, пришлось ослабить участки Пензенской и Инзенской дивизий, оставив здесь лишь слабые заслоны.

Первоначально я предполагал нанести удар на Симбирск двумя дивизиями: Инзенской и Симбирской, но затруднения в организации связи и тыла заставили все предназначенные для атаки Симбирска силы передать начдиву Симбирской Гая.

В основу плана операции была положена идея концентрического наступления.

Пензенской дивизии была поставлена задача активной обороны занимаемых рубежей.

Инзенской дивизии на фронте также была поставлена оборонительная задача. Зато кавалерии левого фланга ставилась задача занять с. Теренга и перервать телеграфное сообщение Сызрань—Симбирск. Кроме того, поставлена задача непрерывно освещать кавалерийской разведкой район Тромбетчино—Собакино—Назайково—Тереньга и участок тракта Тереньга—Горюшки.

Силы ударной Симбирской группы тов. Гая достигали, примерно, до 8000 штыков. Противник, небольшими силами, занимал передовые линии и имел довольно значительные резервы в районе Симбирска (что было выяснено после взятия последнего). С этими резервами, как выяснилось после, белогвардейцы лишь немногим уступали в численности, при составлении же плана наши силы представлялись значительно превосходящими силы противника.

Исходное положение для Симбирской группы было намечено по линии Поповка—Анненково—Прислониха. Кроме того, 5-ый Курский полк на грузовиках перебрасывался со ст. Чуфарово в район ст. Алгаим для наступления в обход правого фланга противника, вдоль большака ст. Алгаим—Ногаткино—Симбирск. Таким образом, исходная линия достигала почти 100 верст по фронту.

Первые серьезные силы противника мы могли встретить на линии Елшанка—Выры—Петровка и отдельные отряды в районе с. Шумовка. Главные силы группы двигались по большакам Поповка—Елшанка и Прислониха—Тетюшское и между ними.

Таким образом, ко времени серьезных боев фронт атакующих частей сокращался до 60 верст к вечеру первого же дня наступления.

Приказом по армии за № 7 начало наступления было назначено на утро 9 сентября и взятие Симбирска было расчитано на третий день наступления (*схема № 6*).

В основу этих расчетов было положено: во первых, превосходство наших сил, во вторых, выгодность обхода при намеченном концентрическом движении и в третьих,—быстрота движения и внезапность.

На линии расположения противника наши части уже достигали полного взаимодействия, широко обходили расположение противника и тем предрешали быстрое его поражение.

Все эти расчеты полностью оправдались на деле. К вечеру первого же дня белогвардейские войска охватила паника. В центре они оказывали ожесточенное сопротивление, но бесконечный обход их флангов совершенно расстроил последние и отступление приняло беспорядочный характер. На подступах к Симбирску они попробовали устроиться и оказать последнее сопротивление, но, дружным натиском наших воодушевленных войск, они были быстро сбиты и опрокинуты за Свиягу, а далее за—Волгу.

Таким образом, основательно подготовленная операция одним ударом решила чрезвычайно важную задачу. Сильная Симбирская группа противника была разбита и была перерезана Волга, а стало быть и наилучший путь отступления для белогвардейцев из-под Казани, павшей почти одновременно с Симбирском.

Этот успех был настолько неожидан для противника, что когда мы прибыли в Симбирск и там расположился штаб Симбирской дивизии, то к товарищу Гая вдруг явился с донесением какой то прапорщик, посланный из Сенгилея к белогвардейскому начальнику дивизии. Прибыв вечером в город и спросив где штаб дивизии, этот прапорщик прямо отправился к начальнику дивизии и совершенно неожиданно для себя явился к тов. Гая.

В Симбирске нами были захвачены колоссальные военные трофеи. Железнодорожный мост через Волгу был захвачен в полной исправности.

Симбирск был взят утром 12-го сентября. К вечеру противник опомнился, повел наступление на железнодорожный мост и потеснил наши передовые части. 13-го сентября белые начали бомбардировку города.

Буржуазия стала сеять панику. Молодые войска могли легко разложиться. Появились случаи грабежей.

Необходимо было решительно и быстро переправиться на левый берег Волги и опрокинуть противника. Но этот берег был уже прочно занят белыми и в наших руках оставался только один мост, в версту длиной. Вспомогательных средств переправы небыло.

В таких условиях приходилось действовать смело. Было решено форсировать Волгу на глазах противника, по мосту, находящемуся под непрерывным пулеметным и артиллерийским огнем белых. Такая атака окончательно должна была сломить дух противника и воодушевить наши войска.

Атака началась в один час ночи. План атаки был следующий. В первую голову был пропущен паровоз без машиниста, на полных

парах, с открытым регулятором, для испытания пути и разрушения броне-поезда противника, если бы таковой встретился. За этим паровозом двигался броневой поезд товарища Гулинского. За броне-поездом двигалась вторая бригада Симбирской дивизии, под командой товарища Недзведского. В голове шел 2-й Симбирский полк. Артиллерийской подготовкой руководил инспектор артиллерии армии тов. Гардер. Переправой руководил товарищ Энгельгард. Артиллерия пристрелялась еще днем и с начала наступления наших войск переносила постепенно огонь на тылы противника.

Бешено несущийся паровоз и убийственный артиллерийский огонь сразу же произвели на белых сильное моральное впечатление. За паровозом выступил броне-поезд и завязалась перестрелка.

Движение по верстовому мосту пехоты было очень тяжело. Еще днем противнику удалось зажечь на берегу несколько барж с нефтью и теперь яркое зарево освещало мост.

Белые, пораженные неожиданной атакой, деморализованные артиллерийским огнем и атакой броне-поезда, открыли беспорядочный ружейный, пулеметный и артиллерийский огонь по железнодорожному мосту.

Однако, стремительный напор наших войск сделал свое дело. Ближайшие к мосту части противника бежали и, главная опасность—пулеметный и ружейный огонь—была устранена. Артиллерийский огонь, плохо пристрелянный, мало наносил вреда.

В результате, эта дерзкая атака наших молодых красных частей увенчалась полным успехом. Противник был в ночь разбит и оставил в наших руках вполне исправную железнодорожную переправу и на месте боя оставил много артиллерии, пулеметов и прочее. Наши преследующие части быстро выдвинулись на линию ст. Черданлы.

После такого решительного успеха, противник, опасаясь угрозы пути отступления белых войск от Казани к Нурлату, сосредоточил на Симбирском направлении новые подкрепления и вновь перешел в наступление. Наши части были сбиты и вновь отброшены на правый берег Волги. На этот раз белым удалось подорвать крайнюю ферму моста.

В это время право-бережная группа 5-ой армии, после взятия Казани, перевозилась по Волге в Симбирск, чтобы сменить здесь части 1-ой армии. К сожалению силы эти запоздали.

Необходимо было возможно скорее отбросить противника и произвести смену, так как на Сызранском направлении было совершенно необходимо участие Симбирской дивизии.

Операция Петровское—Сучья—Бряндино. Был принят следующий план. Прибывающие части право-бережной группы (*схема № 7* переправляются у села Крестовые—Городищи и

атакуют белых во фланг и тыл в направлении Петровское—Сучья. Пятый Курский полк переправляется у села Ст. Майна и идет в глубокий обход на ст. Бряндино, с заслоном на ст. Чердаклы. Части 2-ой бригады Симбирской дивизии, форсировав Волгу, атакуют противника по фронту. (Остальные силы Симбирской дивизии действовали в это время на Сенгилеевском направлении).

Операция закончилась блестящим успехом. Противник, застигнутый атакой врасплох. был на голову разбит в районе Петровское—Сучья и бежал на Бряндино. Здесь остатки его были настигнуты 5-ым Курским полком и окончательно уничтожены. Наши передовые части заняли Мелекес.

Этот успех позволил, наконец, освободить из-под Симбирска Симбирскую Железную дивизию и начать Сызранскую операцию.

Сызранская операция.
Схема № 8.

Обстановка на этом направлении была следующая: Вольская дивизия, по взятии ею Хвалынска, была передана в первую армию и находилась в районе Федоровское, действуя по обоим берегам Волги и имея в своем подчинении боевую речную флотилию.

Пензенская дивизия действовала в районе Канадея.

Инзенская дивизия действовала в районе Кузоватова.

Главные силы белых действовали по этим трем направлениям. К стороне же Симбирска и Сенгилея ими были выставлены только слабые заслоны.

Решено было действовать так: главный удар наносит Симбирская дивизия (до 9000 тысяч штыков) в направлении Симбирск—Александровский ж. д. мост, с одновременным концентрическим наступлением остальных трех дивизий по всему фронту. Эти три дивизии, для удобства действий, были об'единены под командой товарища Энгельгардта.

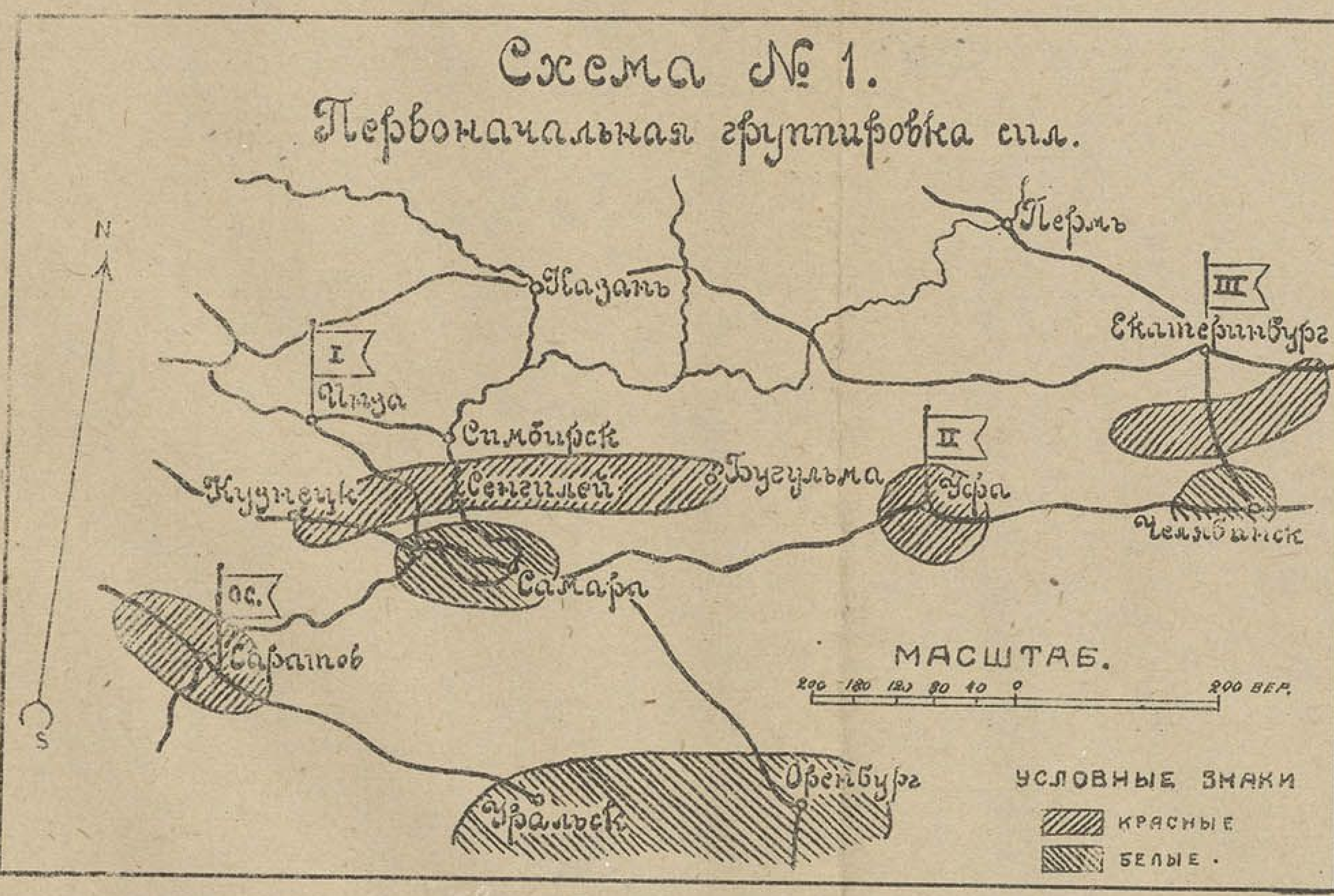
Противник оказывал жестокое сопротивление этой группе. Наши части шаг за шагом, с упорными боями, медленно продвигались вперед. Это окончательно привлекло все внимание противника к своему фронту.

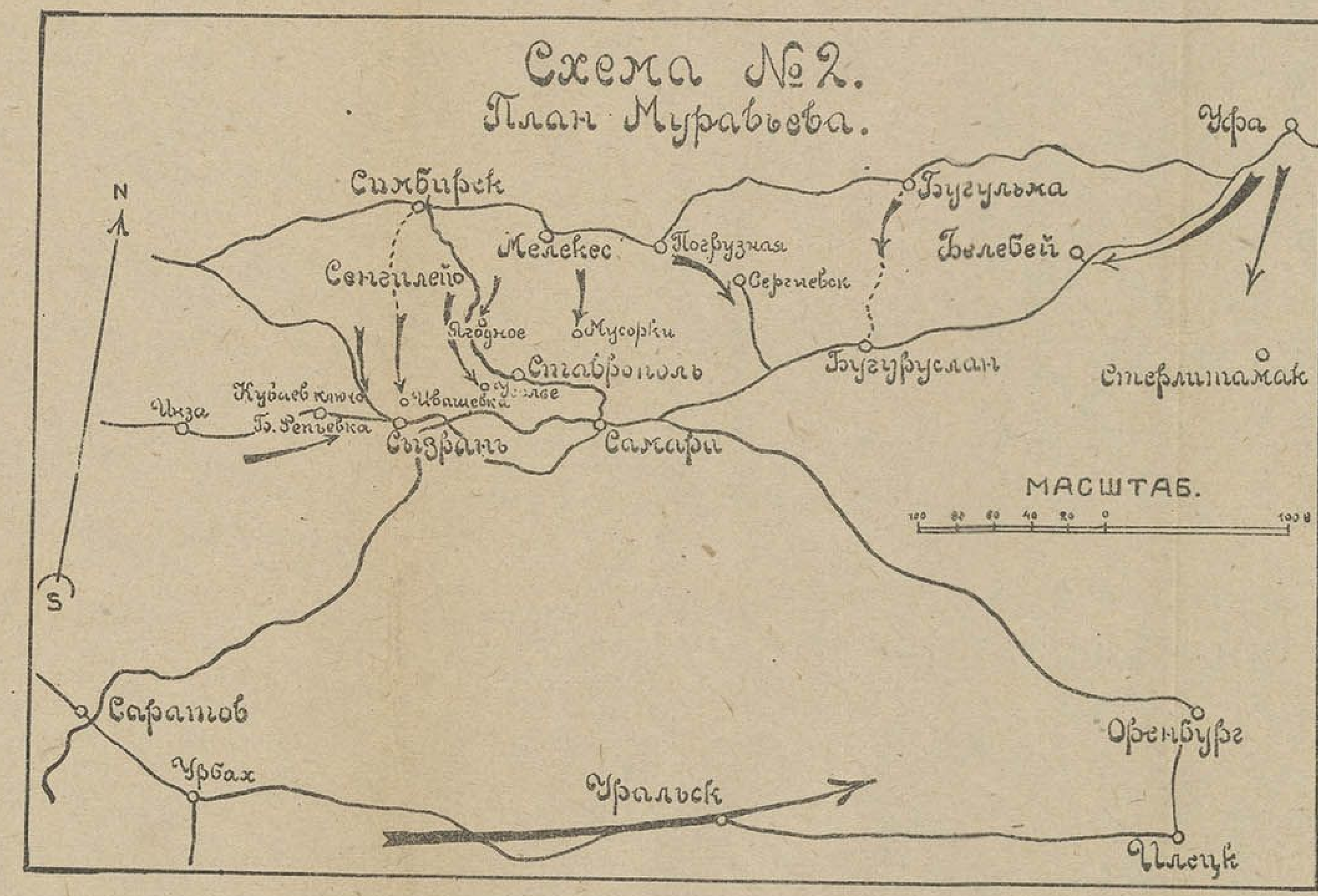
К этому времени, около 28-го сентября, Симбирская дивизия освободилась из-под Симбирска и начала сосредоточиваться к линии Горюшка—Маза.

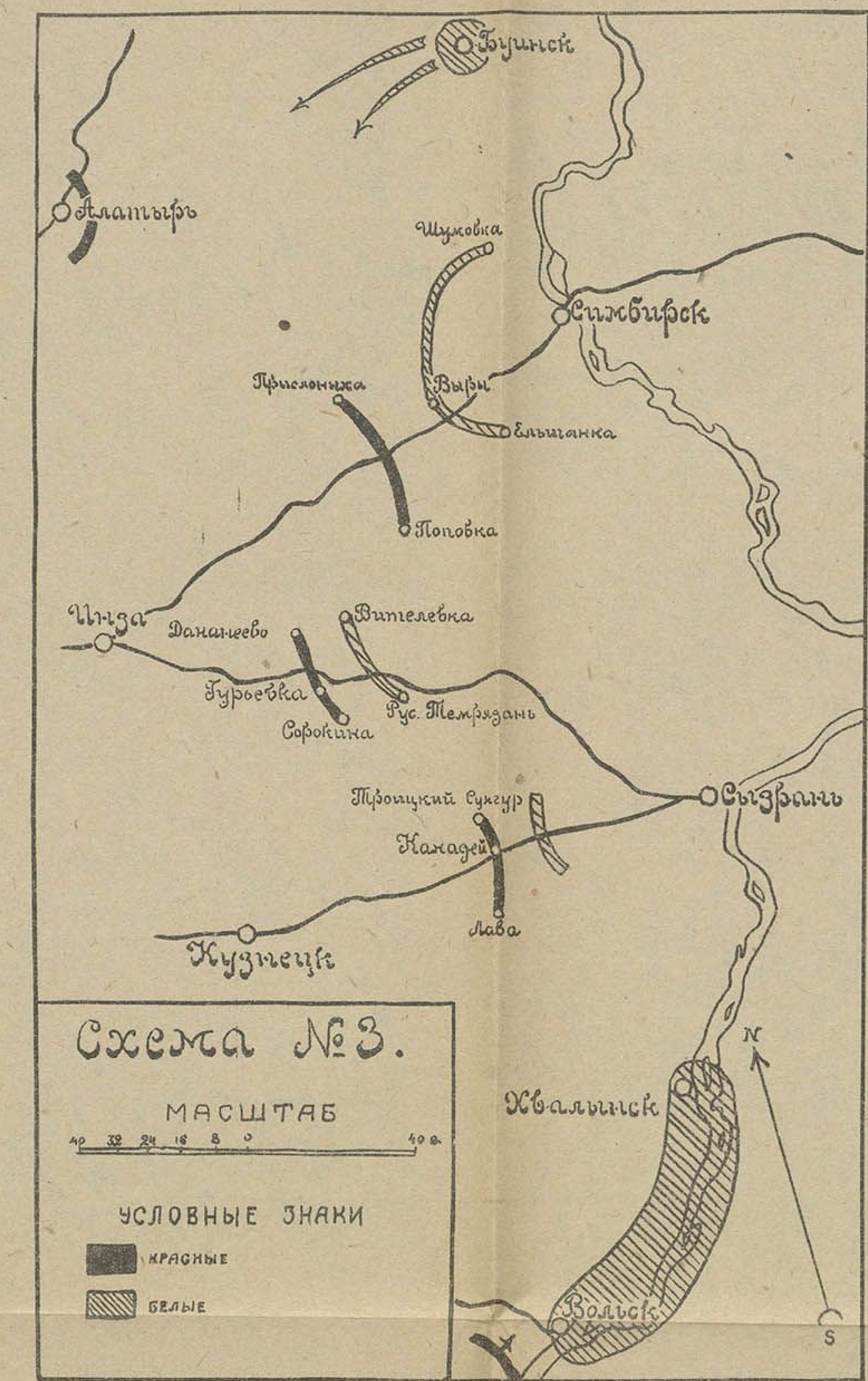
Это сосредоточение было совершено быстро и 1-го октября Симбирская дивизия, выставив заслон против Хвалынска, начала наступление.

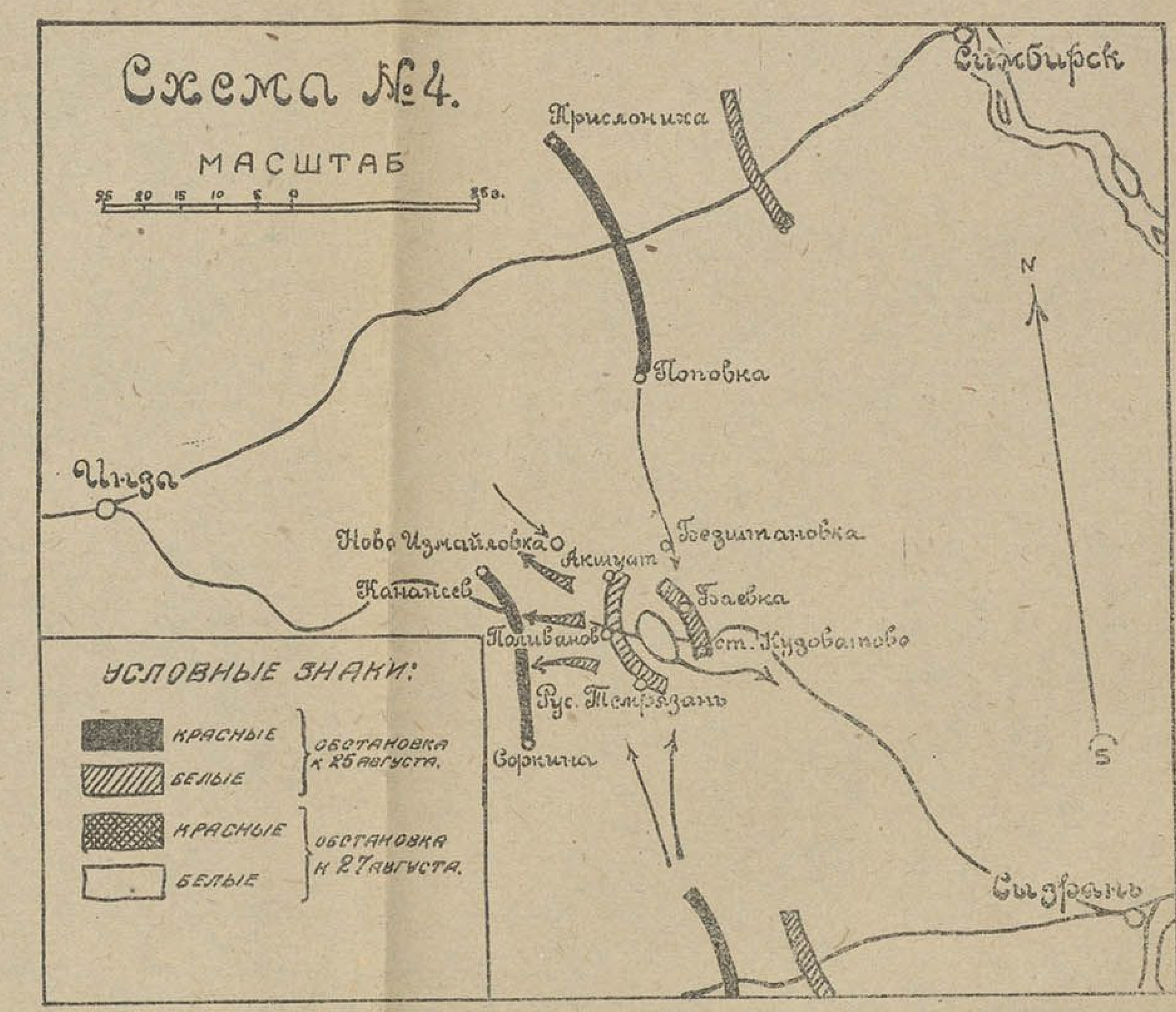
Дивизиям была поставлена задача в 3-х дневный срок закончить операцию.

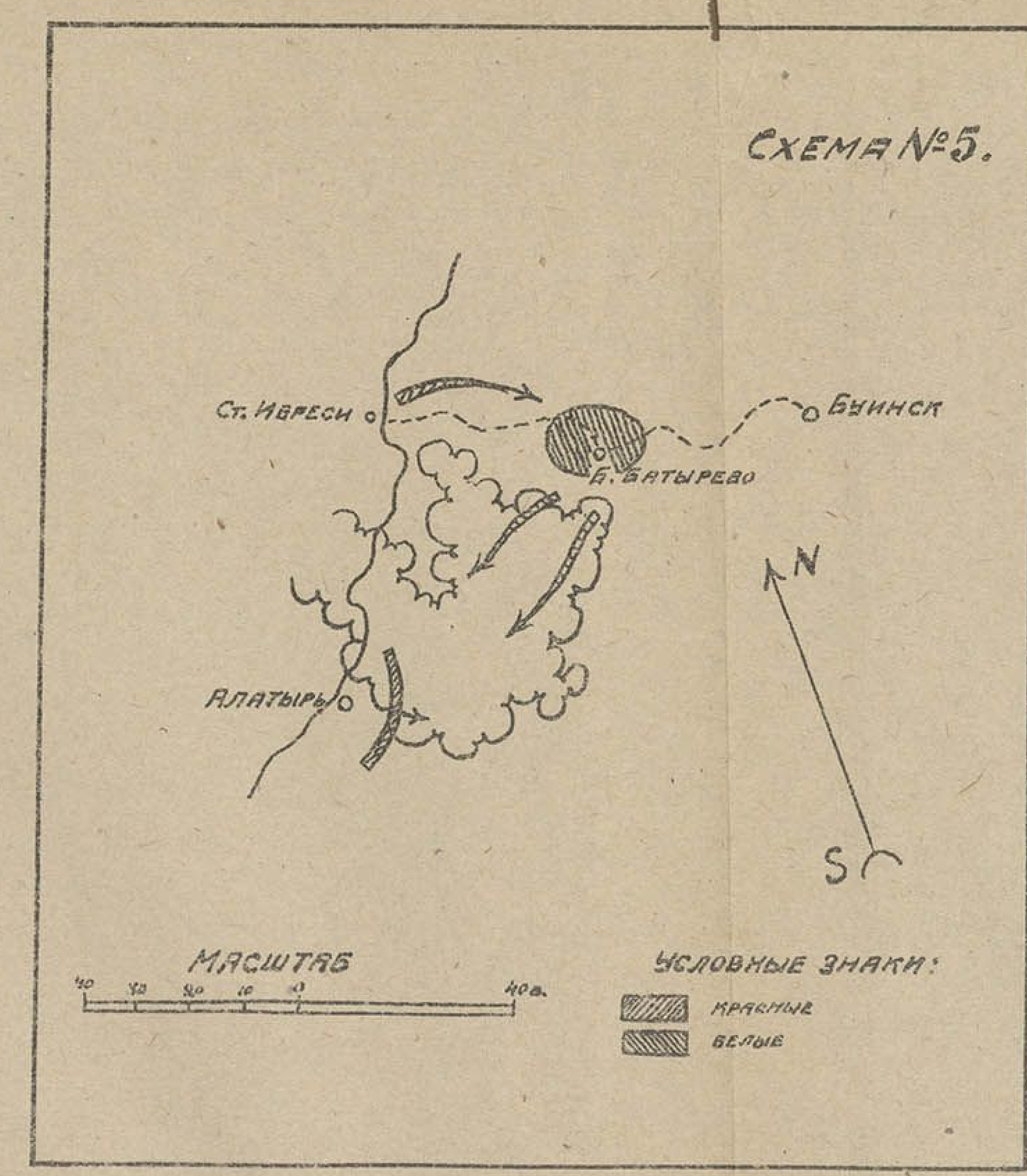
Схемы к статье: „Первая армия в 1918 году." М. Тухачевскаго.

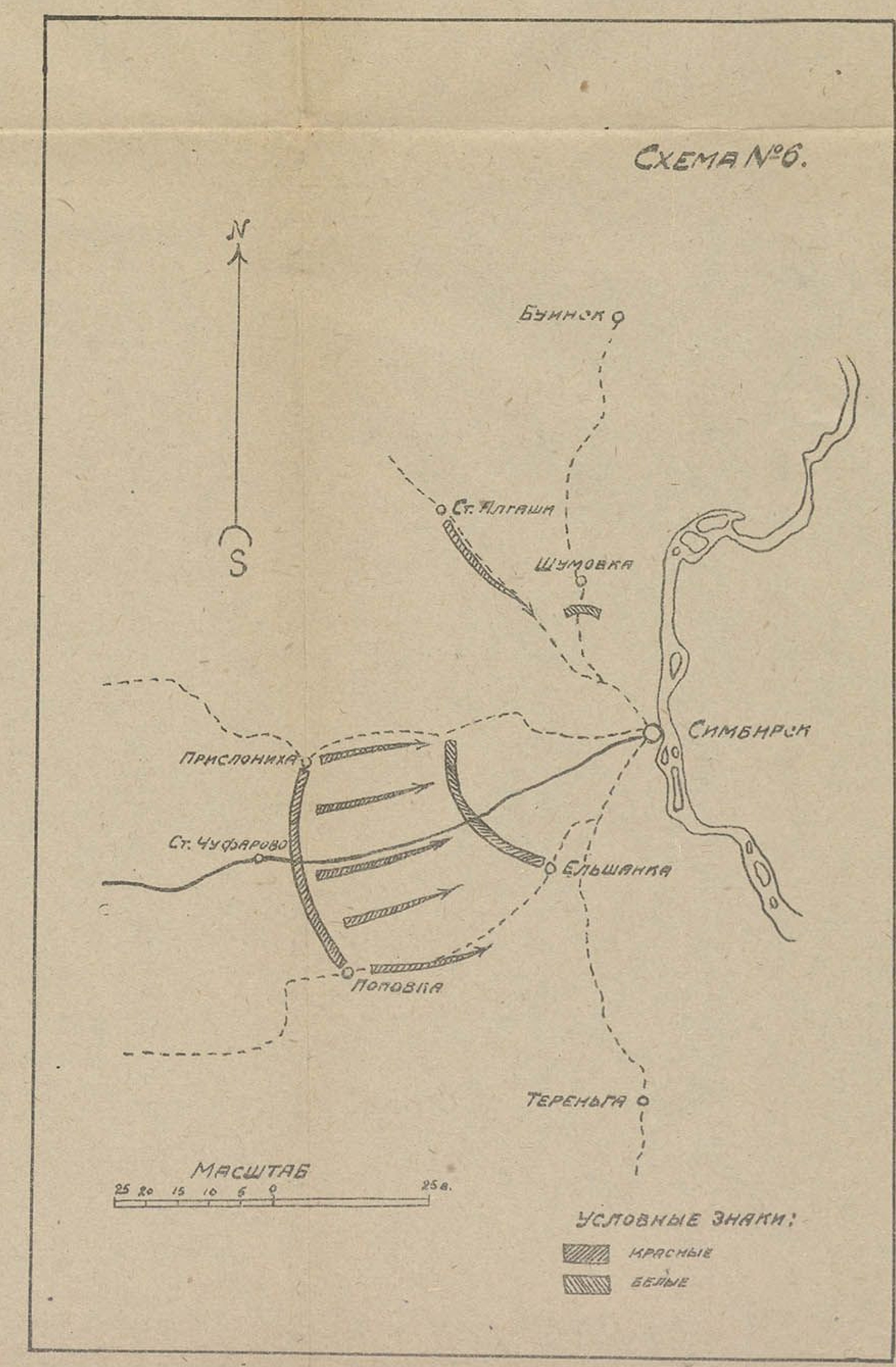

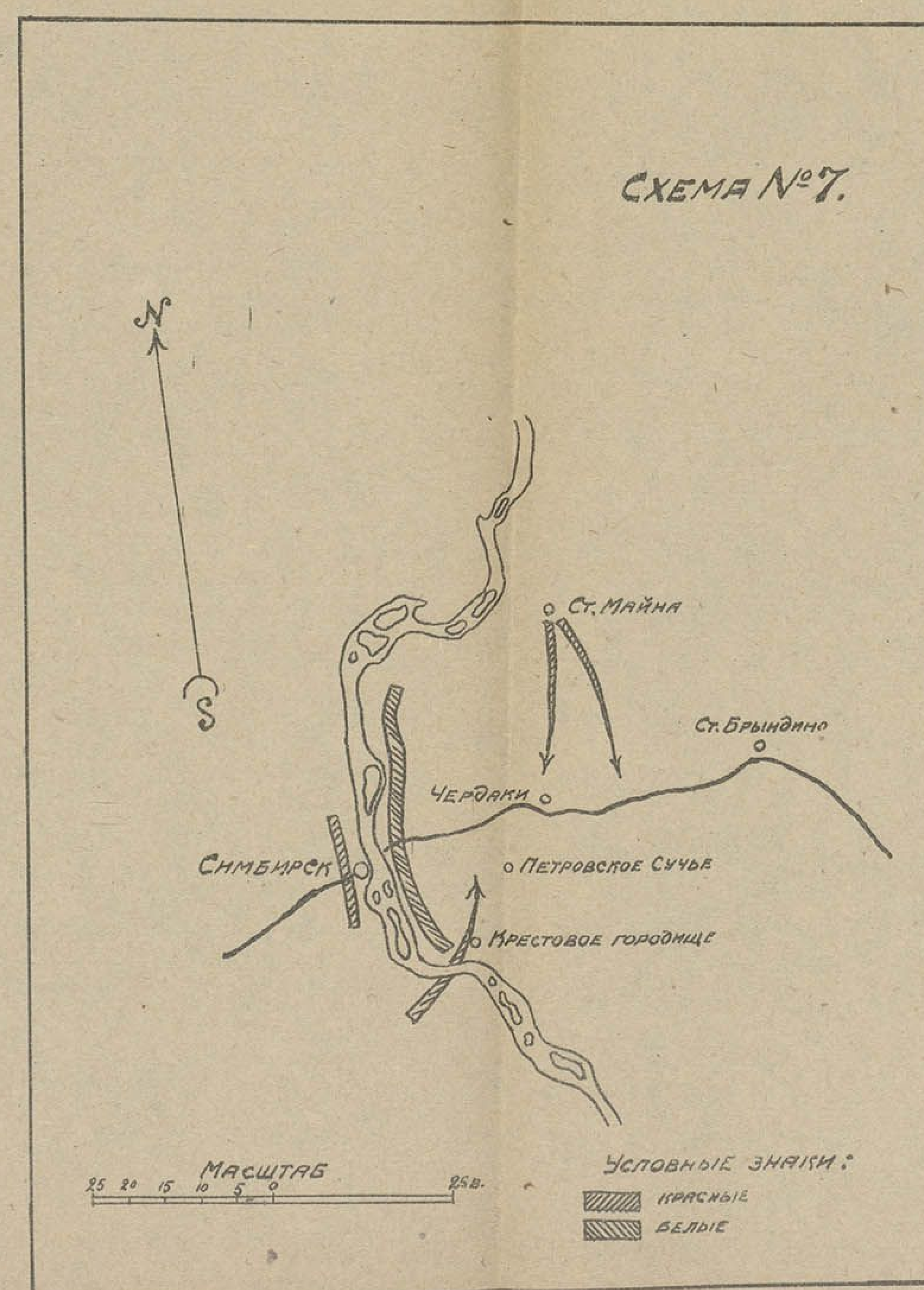

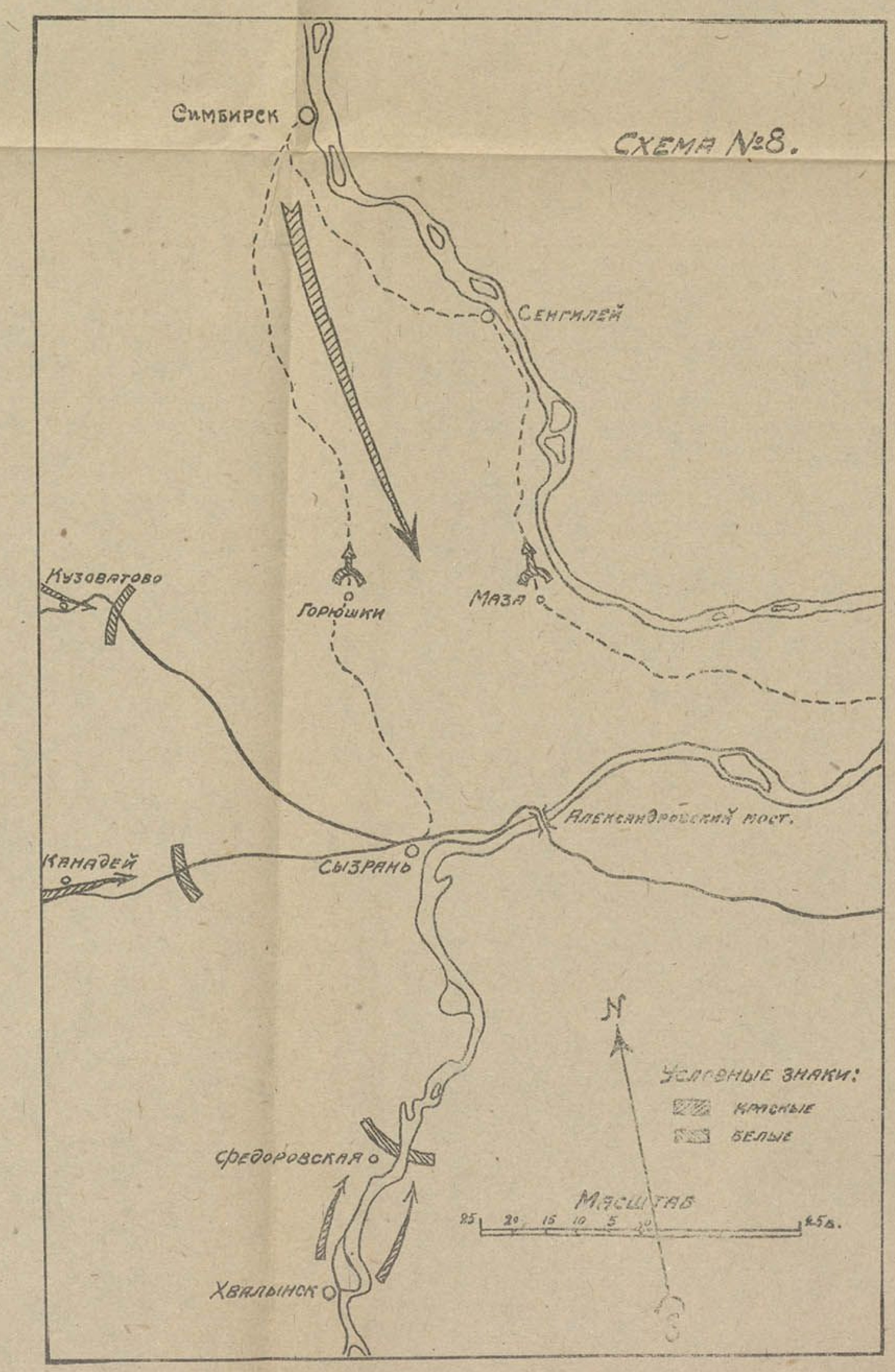

Симбирская дивизия без труда раздавила заслон противника и начала стремительное наступление ему в тыл.

Началось победоносное наступление и уже 2-го октября Сызрань была занята нашими передовыми частями. У Александровского моста произошла короткая стычка с одним из белых полков, не поспевшим во время переправиться, и полк был полностью уничтожен и потоплен. Александровский мост был взорван Чехо-словаками вместе с броне-поездом, который на нем находился.

В Сызрани мы захватили огромную добычу.

На этих победах дух армии окончательно окреп. Армия стала способной к трудным и стремительным маневрам.

Главно-командование. К этому времени относятся перемены в главном командовании. Главнокомандующий Восточным фронтом тов. Вацетис был назначен главнокомандующим всеми вооруженными силами Республики. Его место занял С. Каменев.

Самарская операция. После взятия Сызрани, Сенгилея и Мелекеса задача по овладению Самарой значительно облегчилась.

Со стороны Николаевска действовала 4-я армия, главными силами вдоль тракта Николаевск—Самара.

Вольская дивизия была вновь передана в 4-ю армию.

Воодушевление войск в 1-й Армии было настолько велико, что никакого отдыха после взятия Сызрани не понадобилось и началась сразу же дальнейшая операция на Самару.

Инзенская дивизия наступала вдоль железной дороги по левому берегу Волги; Симбирская дивизия, частью под прикрытием флотилии, двигалась по Жигулям; Пензенская дивизия вся двигалась по Жигулям.

Взрыв моста и недостаток пароходов и барж очень затрудняли переправу Инзенской дивизии и погрузку Симбирской. На этом мы потеряли два дня.

Движение совершалось с предельной быстротой.

Операция Хвесина. Между тем, побуждаемый категорическими приказаниями тов. Вацетиса, командарм 4 тов. Хвесин начал решительное наступление на Самару вдоль тракта от Николаевска еще тогда, когда Сызрань нами не была занята.

Операция эта, не обеспеченная ни со стороны Уральска, ни со стороны Сызрани, представлялась чрезвычайно рискованной. Но, опять таки, чрезвычайная смелость и энергия тов. Хвесина и начавшееся общее потрясение Самарской „Учредиловской власти“ увенчали эту операцию полным успехом.

7-го октября войска 4-й армии вступили в Самару, где вспыхнуло восстание рабочих, а через несколько часов стали прибывать передовые части 1-й армии.

Бугурусланская операция. В районе Самары, пока подтягивались отставшие части, пока налаживалась коммуникация и снабжение, первая армия задержалась на неделю.

15-го октября началось дальнейшее наступление. Главное направление 1-й армии было дано вдоль Самаро-Златоустовской ж. д.

Симбирская дивизия двигалась южнее ж. д., направив часть сил на Бузулук для содействия 4-й армии. Пензенская дивизия наступала вдоль ж. д. Инзенская дивизия—севернее р. Кинель.

Дождливое время, холмистая местность и чернозем, чрезвычайно затрудняли движение. Организация связи представляла громадные затруднения. Но дивизии точно выполнили свои задачи и в ночь с 22 на 23 октября Бугуруслан был взят.

За эти 8 дней Инзенская дивизия по грязи и холмам сделала около 220 верст.

В то время, как 3-я бригада Симбирской дивизии атаковала Бугуруслан с юга, а Инзенская дивизия с севера, Пензенская дивизия вела бой с противником у ст. Похвиснево (20 верст западнее Бугуруслана). Эта группа Чехо-словаков и русских белогвардейцев была разбита и почти целиком уничтожена.

Тем временем, вторая бригада Симбирской дивизии заняла Бузулук.

В дальнейшем, главной задачей 1-й армии было поставлено содействие 5-й армии по овладению Уфой, а вместе с тем закончились и самостоятельные действия 1-й армии в 1918 году.

В конце декабря я сдал командование армией тов. Гая.

В дальнейшем, 1-я армия совершила еще целый ряд блестящих операций по овладению Оренбургом, Орском и Туркестаном.

Заключение. Настоящие беглые наброски, написанные на память, конечно, далеко не дают всей картины грандиозной работы проделанной 1-й армией и того значения, которое она имела для молодой создающейся Красной Армии, в тяжелое время 1918 года.

Заслуги 1-й армии перед Советской Республикой громадны и ее значение, даже и после выполнения ею своей последней задачи, не должны забываться.

БИБЛИОГРАФИЯ.

Н. Шелавин.

Тактика технических войск.

(С. Михеев. Сведения по тактике технических войск. Изд. 1920 г. Главн. Упр. Воен. Учебн. Заведений).

Недавно получена на фронте книжка т. Михеева, излагающая, правда, очень кратко и без определенной системы „сведения по тактике технических войск“ и, также весьма краткие, технические данные об их средствах.

Безусловно, в настоящее время, в век неимоверно быстрого и сильного развития техники, невозможно охватить в одном руководстве все специальные отрасли технического военного дела и, тем более, разнообразные способы применения технических средств в сложной боевой, походной и мирной обстановке.

Особенно трудно это теперь сделать в нашей республике, где гражданская война, переутомление масс борьбою, экономическая разруха, заставляют вести борьбу не всеми совершенными техническими способами, требующими долговременного обучения солдат, с одной стороны и отвлечения от производительного труда большого количества граждан и налаженной промышленности—с другой.

Видимо, т. Михеев собрал все, что нашел в современной скудной русской литературе и распределил этот материал по видам технических войск, но оживить все собранное не удалось; наоборот, скудность сведений привела его к нескольким неправильностям, погрешностям и обмолвкам.

В самом начале автор говорит, что „в бою всегда побеждает сильнейший“ (и искуснейший), тогда как самое основание существования технических войск состоит в том, чтобы дать возможность слабейшему победить, с помощью технических средств, сильнейшего.

Автор считает сапер—универсальной технической частью войск, противопоставляя им специальные войска—железнодорожные, авиационные и др., имеющие постоянное, ограниченное назначение, между тем, как деятельность сапер не так уже универсальна, а тоже узко ограничена: 1) укреплениями, 2) дорогами и мостами, 3) бивачными

постройками и всем с этим связанным (неправильно, поэтому, выделение автором далее из обязанностей сапер—маскировки, без которой нельзя построить в действительности ни одного укрепления).

Вследствие этого заблуждения, автор пред'являет к саперам требование строить электрические проволочные заграждения,—тогда как эта сложная работа требует другого вида специалистов—электриков.

Мелкая досадная погрешность допущена автором при изложении организации технических войск. Он говорит, что инженерный батальон состоит из управления дивизионного инженера, штаба батальона и т. д.

В действительности, управление дивизионного инженера—есть часть полевого управления дивизии—инженерный орган при начальнике дивизии. Инженерный батальон состоит в распоряжении дивизионного инженера, который является (вернее числится—так как командует батальоном помощник) командиром этого батальона.

Вторая неточность—оказалась ныне совпадающей с действительностью: автор говорит, что инжчасти для технического руководства подчинены главному военно-инженерному управлению. Ныне это так, а во время выхода книжки в свет—они были подчинены инспекторам полевого штаба Р. В. С. Республики, неподчиненным Главному В. Инженерному Управлению.

Третья неточность, что по современному положению и штатам военные инженеры входят в состав даже бригад, как бригадные инженеры и командиры саперных рот. Это так же желательно, как назначение командирами стрелковых батальонов генштабистов, но, за неимением в достаточном числе военных инженеров и генштабистов, —невыполнимо и при современном положении даже дивизионных инженеров нет из военных инженеров.

Далее нельзя никак согласиться с автором, что железно-дорожные, понтонные и химические части нельзя подчинять начальникам дивизий, даже когда это понадобится. Весьма странно такое заключение автора, считающего вполне нормальным подчинение всех инженерных частей начальникам боевых участков. Видимо, это умышленное обособливание привиллегированных технических частей.

Весьма важный промах сделал автор, поместив в своем учебном руководстве „общие данные расчета работ по укреплению линии одноверстного участка позиции". Данные эти—совершенно отвлеченные, без указания: к каким именно сооружениям они относятся, при каком их количестве вычислены, для какого гарнизона—позиция?

Давно бросили нормирование (практиковавшееся в период расцвета позиционной войны с германцами) по длине линии позиции и перешли к расчету расхода рабочей силы по размеру гарнизона позиции (на роту, батальон, полк).

Самые цифровые данные о числе рабочих, в этой таблице не согласованы с современными типами позиционных сооружений и допущены такие неточности: в начале сказано, что эти количества тре-

буются „в среднем“, т. е. для полнаго оборудования одной версты позиции, а в конце говорится: это дневная потребность для работ.

Очень туманно и натянуто определение боевой инициативы, которая, по мнению автора, „достигается“: 1) подвижностью и 2) свободой действий, тогда как существует простое определение, весьма точное; „инициатива есть подчинение противника своей воле“.

Далее автор проводит, в весьма предвзятом тоне,—мысль о вреде увлечения позициоными работами и доходит до крайне неосновательного вывода: избыток времени вреден, он дает технике возможность сделать слишком много и соблазнить этим пехоту отказаться от маневра.

Нужно особенно хотеть найти виновного на стороне, чтобы пред‘являть инженерным войскам требование, чтобы „позиционный способ войны не умалял способности войск к активным действиям“. Разве инженерные войска выбирают тот или другой способ войны для прочих родов оружия?

Разве можно забывать, что правильное пользование позициями (усиленными инженерными сооружениями) отнюдь не связывает маневра, а, наоборот, освобождает для него наибольшее количество живой силы, способствует безопасности маневра, большой свободе маневрирующих войск.

Задания—войскам пехотным и войскам инженерным—даются командованием и никакой избыток времени не позволяет отступать от них.

Говоря, это технические войска имеют только вспомогательное значение, автор далее об этом забывает и именно тогда, когда ему надо найти постороннего „виновника“—инжчасти и время, дающее им возможность много отрыть и построить.

Такая снисходительность к строевому командованию, дающему ошибочные задания и такая несправедливая строгость к инженерным войскам, слишком много делающим при выполнении этих заданий, в учебном руководстве неуместна.

В том же духе следующее требование автора к инженерным частям: „не вмешиваться в план строевого начальника“, тогда как при современном значении технических средств в бою—должно быть наоборот, пред‘явлено начальнику требование (от начала веков существовавшее, а ныне сугубо обязательное)—согласовать свой план с имеющимися техническими средствами, правильно использовывая их в полной мере, сообразуясь с их особенностями. Следовательно—инженерные (технические) части обязаны именно вмешиваться в план строевого начальника, если он ими неправильно пользуется.

Автор правильно описывает роль начальника инженерной части: строевым начальником должен быть сделан совместно с ним „ряд рекогносцировок“ позиции, избранной для обороны (когда строевой начальник „решит перейти к обороне“, говорит автор, но это совершенно также относится ко всем позициям, подлежащим усилению

средствами инженерной техники); далее, инженерному начальнику должна быть указана тактическая задача, поставленная пехотной части; во время рекогносцировок инженерный начальник делает доклад о доступных по времени, даваемому на работы, и по имеющимся техническим средствам и рабочей силе способах укрепления; далее— составляется план укрепления и после „окончательного составления“ (на самом деле—после окончательного утверждения строевым начальством) приступается к работам.

Автор и тут вставляет требование, чтобы „в погоне за усовершенствованиями не была им (инженерным начальником) извращена тактическая идея обороны начальника отряда“—требование очень неопределенное и странное, об‘яснимое только предвзятостью хода мыслей автора, желающего где только можно подчеркнуть возможность наличия вины инженерных частей в неудаче.

Роль начальника инженерной части настолько ограничена вышеприведенным описанием, что при соблюдении строевым начальством своих обязанностей при выборе позиции всю вину в неудаче, по справедливости, надо относить к ошибкам именно строевого командования, а не к излишнему усовершенствованию инженерных сооружений.

Но на деле бывает всегда (или почти всегда) иначе: наметив на карте направление или границы позиции, строевой начальник (или штаб его) дает предписание инженерному начальнику „срочно рекогносцировать и приступить немедленно к работам по укреплению позиций“, при этом не дается никаких данных ни о силе отряда, ни о количестве при нем пулеметов и артиллерии, ни о времени ожидаемого занятия позиции, ни о задаче, которая будет поставлена отряду. Получить для рекогносцировки сотрудника из строевых или генштабистов представляет большие трудности и редко удается, разве только тогда, когда штаб отряда близко.

Инженерный начальник обычно должен справляться с заданием вполне самостоятельно, собирая нужные справки уже во время работ и зачастую, когда позиция понадобится, обстановка, силы отряда и прочее становятся совсем другими, чем при начале работ. Вот тогда и возникают нарекания на увлечение работами, на несогласование с силами отряда, на несоответствие боевой задаче его.

Во время германской войны, в 1915 году, многие тыловые позиции, например, оказались построенными параллельно пути отступления и не могли быть заняты войсками.

Зачастую от инженерных начальников даже скрывались, держались в строгом секрете, оперативные данные и сплошь и рядом даже теперь нигде нет полной осведомленности их в боевой обстановке, нет совместной работы штабов и инженерной техники, нет соблюдения принципа соразмерности операции с инженерными и техническими средствами.

Переходя к дальнейшему разбору руководства т. Михеева, надо указать, что слишком мало сказано про очереди работ по укреплению позиций. Надо было привести, хотя бы по полевому уставу, порядок работ, а не писать, что окопы и искусственные препятствия строятся „почти“ одновременно: установившийся за последнее время порядок требует начинать работу с искусственных препятствий, только трассируя окопы; одновременно же с препятствиями строить фланкирующие их сооружения.

Странное тоже указание дает автор, что „для лучшего сбора сведений о позициях противника, помимо непрерывного наблюдения позиций с наблюдательных пунктов в трубу, подступы делятся на участки и каждый участок поручается одному—двум, одним и тем же саперам“. Правильнее было бы предложить назначать на наблюдательные пункты сапер, поручая им, попутно с работой пехотных и артиллерийских наблюдателей, изучать назначенные каждому районы позиций противника.

Есть еще мелочи, останавливающие внимание: Маскировка, по словам автора, требует придания сооружениям „определенных форм“, тогда как лучше было бы сказать, что она требует придания им именно „неопределенных форм“, контуров, нерезких очертаний; автор говорит, что электрический забор—серьезное препятствие, тогда как, при современном способе уничтожения искусственных заграждений—артиллерийским огнем, он приводится в негодность настолько быстро и легко, что отнюдь не окупаются трудности постройки и обслуживания; по словам автора, на прожектора возлагается самостоятельная задача: „производить моральное впечатление на противника“, тогда как они только попутно с другими задачами действуют на моральное состояние противника; светящие ядра и ракеты—автор ошибочно называет „светящимися“; он говорит, что на дорожную полуроту инженерного батальона возлагаются всякие мостовые работы (всевозможные системы мостов), и „кроме того работы по устройству и ремонту дорог“, а мостовой полуроте поручается постройка мостов только простейших конструкций, тогда как вернее наоборот; говорит, что тет-де-пон должен быть удален от головы моста на артиллерийский выстрел (голова моста... от головы моста?), тогда как тет-де-поны строются вблизи моста (прикрывают голову его), на артиллерийский же выстрел надо (желательно) удалять позицию активного плацдарма, прикрывающую мост и переправу от артиллерийского огня; автор делает замечание, что „недостаток ориентировки высшего командования ставит его в невозможность руководить войсками, вынуждает вследствие этого действовать вразброд, ротами и батальонами, вместо связной работы по направлению всех сил к достижению общей цели боя“, казалось бы тоже наоборот: если недостаточно сведений о противнике, то высшее командование должно до выяснения обстановки держать силы в кулаке, а не дробить.

Таких мелочей порядочно в „сведениях по тактике технических войск".

Отделы: воздушного флота, телеграфа, железных дорог, ядовитых газов изложены подробнее (например, воздухоплавание заняло 38 страниц, а саперное дело—всего 5 стр.) и в них больше специально технических сведений, но тактическая сторона все же слишком кратка и бессистемна, так что ясного и полного понятия ни о технических средствах, ни о свойственных им действиях, ни об особенностях управления, руководство не дает.

Надо пожелать, чтобы в дальнейшем автор привел в определенную систему свои отдельные монографии о технических войсках, дополнил их последними нововведениями и новинками из заграничной литературы, познакомил бы с постепенным развитием в войсках России разбираемых технических средств и влиянием их на тактику всех родов оружия, с особенностями действий их различных видов в наступательном, встречном и оборонительном боях и с особенностями применения их в гражданской войне.

Вероятно, при этом придется отказаться от соединения в одном учебнике всех отраслей техники и ограничиться техническими войсками особенно развившимися только в последнее время, как напр. авто,-броне,-авио-войска, войска связи, газовые войска, оставив инженерное и артиллерийское дело отдельным исследователям-специалистам.

Несмотря на указанные недочеты—в книжке т. Михеева можно найти много полезного и интересного фактического материала и распространение ее допустимо.

Редактор: Редакционная Коллегия.

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ОТДЕЛ УВУЗЭЛПА.